

СМОЛЕНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

1918

Известия Смоленского государственного университета

Научный журнал
Выходит 4 раза в год

№ 1(65), 2024

*Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии
Минобрнауки России от 01 декабря 2015 года № 13-6518 журнал
включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

Учредитель и издатель

Смоленский государственный университет

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
Рег № ПИ № ФС77-85683 от 28.07.23
Подписной индекс ПН182 (Почта России)

Редакционный совет

М.Н. Артеменков (*Смоленск, председатель*), И.В. Романова (*Смоленск, заместитель председателя*), В.А. Волков (*Москва*), А.Б. Каменский (*Москва*), В.С. Кошелев (*Минск, Республика Беларусь*), А. Молнар (*Дебрецен, Венгрия*), Л.В. Рацибурская (*Нижний Новгород*), Ф.Б. Успенский (*Москва*), Н.А. Фатеева (*Москва*), З.А. Харитончик (*Минск, Республика Беларусь*), И.Р. Чикалова (*Минск, Республика Беларусь*)

Редакционная коллегия

И.В. Романова (*гл. редактор*), А.В. Тихонова (*зам. гл. редактора*), Р.В. Белютин (*отв. секретарь*), С.Н. Андреев, С.Ю. Артемова, Л.И. Ивонина, Д.Е. Комаров, А.В. Королькова, Л.В. Павлова, О.Е. Похаленков, А.М. Ранчин, Ю.Л. Цветков

Адрес редакции и издателя

214000, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4,
Смоленский государственный университет
E-mail: izwestija@smolgu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Каяниди Л.Г.</i> Мистериально-дионисийский сюжет Вячеслава Иванова и его мистическая антропология (принцип «ты еси»). Статья вторая.....	5
<i>Павлова Л.В., Романова И.В.</i> Образно-мотивные ситуации «сарьяновского» корпуса русской поэзии	20
<i>Королева И.А.</i> Образ малой родины в лирике современных смоленских поэтов.....	34
<i>Карнюшин В.А., Малофеев Н.А.</i> Пушкинские страницы историко-автобиографической романистики Б.Л. Васильева (по роману «Картежник и бретер, игрок и дуэлянт»).....	44
<i>Королькова А.В.</i> Ценностная парадигма афористического наследия Н.С. Гумилева	54
<i>Марфина Ж.В.</i> Вербальные репрезентанты ментального поля родства в современном публицистическом дискурсе	66
<i>Петешова О.В.</i> Влияние экстралингвистических факторов на формирование ойконимии Калининградской области	79
<i>Басовец И.М.</i> Лучевидная субъектная модель текстовой деавторизации в медиажанрах (на материале английского и белорусского языков).....	90
<i>Сибирцева В.Г.</i> Пути формирования литературной репутации: Ф.Г. Клопшток в России XIX века	102
<i>Белютин Р.В.</i> «Вошли в коммуникативный клинч»: дискурс противостояния в субкультуре футбольных фанатов (на примере Рурского дерби «Шальке 04» vs «Боруссия» (Дортмунд))	119
<i>Шитикова А.В.</i> Семантически модифицированная пословица в системе немецкоязычной виртуальной коммуникации	130

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Пашкова И.В.</i> Смоленск в книжной традиции России XVI века	143
<i>Беспалёнок Е.Д.</i> Вяземский купец Савва Тимофеев сын Алтухов: проблема определения личности и мотивации храмостроителя XVIII века	154
<i>Василькова Н.В.</i> Железные дороги Смоленской губернии в контексте экономической модернизации (вторая половина XIX – начало XX века)...	168
<i>Ивонина Л.И.</i> Итоги войны Аугсбургской лиги и репрезентация Рисвикского мира 1697 года	189
<i>Мязин Н.А.</i> Протестантизм в Корее: от запрета христианства до крупнейшей в мире мегацеркви	202

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Белютин Р.В. Футбольный антисемитизм: будет ли красная карточка?
Pavel Brunssen. Antisemitismus in Fußball-Fankulturen. Der Fall RB Leipzig.
Weinheim: Beltz Juventa Verlag, 2021. 180 S. 216

Сведения об авторах 221

Л.Г. Каяниди

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 82.091

DOI 10.35785/2072-9464-2024-65-1-5-20

МИСТЕРИАЛЬНО-ДИОНИСИЙСКИЙ СЮЖЕТ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА И ЕГО МИСТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ (ПРИНЦИП «ТЫ ЕСИ»). СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Ключевые слова: Вячеслав Иванов; мистика; антропология; мифопоэтика; дионисийство; структура сюжета; Анимус; Анима.

Целью второй статьи о мистической антропологии Иванова является демонстрация того, как из мистериально-дионисийского сюжета, сложившегося в раннем творчестве Иванова, вырастает сюжет «ты еси», под знаком которого пройдет зрелый этап творчества поэта. Материалом исследования послужили поэтические, философско-эстетические, научные и эпистолярные тексты Иванова. В процессе исследования применялись компаративистский, герменевтический, структурно-семантический методы.

Мистическая антропология Иванова предстает как развернутый нарратив, элементами которого выступают символы, обозначающие мистические сущности. Данный нарратив представляет историю взаимоотношений Анимы и Анимуса, женского, иррационального и мужского, рационального начала. Эта история символическая, она может интерпретироваться психологически, мистически, космологически.

Сюжет «ты еси» строится по образцу мистериально-дионисийского сюжета и может быть разделен на две линии – мистериальную и сотериологическую. Каждая из них делится на «мужской» и «женский» вариант.

В «мужском» варианте мистериальной линии Анимус искажает божественное Я в себе и разделяется с Анимой; в «женском» варианте Анима принимает на себя жреческую роль и отрекается от богоборческого Анимуса.

В «мужском» варианте сотериологического сюжета Анимус обретает свой богочеловеческий первообраз и преображается в сына Божьего, в восставшего от смертного сна Адама. Этот преображенный Анимус предстает как богочеловеческий Жених, с которым вступает в брак Анима-Невеста, в результате чего совершается полное преображение человеческой личности, примирение мужского и женского начала и рождение нового Диониса-Вакха.

Вступление. Общая характеристика принципа «ты еси». Данная статья является второй частью большого исследования, посвященного принципу «ты еси», который единодушно признается исследователями философско-мистической вершины русского символизма [West, 1988; Титаренко, 2009]. В первой было рассмотрено место статьи «Ты еси» в творчестве Иванова, ее генезис и история интерпретации, а также ее текстологическая история, которая свидетельствует о тесной взаимосвязи с мистериально-дионисийским сюжетом.

В настоящей статье мы исследуем имманентную структуру принципа «ты еси», который разрастается в мистико-философский нарратив, с помощью которого Иванов строит свою модель душевно-духовной организации человека, мистическую антропологию. Основной тезис нашей статьи заключается в том, что мистериально-дионисийский сюжет становится порождающей моделью, парадигмой мистико-символического сюжета «ты еси». Иванов писал, что его творчество представляет собой «непрерывную метаморфозу (в гетевском смысле этого слова), что делает для меня самого невозможным просто отрицать какой бы то ни было предшествующий момент целостного органического развития» [Сегал, Сегал (Рудник), 2008, 397]. Мистико-философский нарратив «ты еси» представляет собой не что иное, как подобную метаморфозу мистериально-дионисийского сюжета. Он оказывается той самой органической формой, «скелетом» метафизической конструкции Иванова, которая обеспечивает единство и целостность его мистической антропологии.

Мистериально-дионисийский сюжет: краткая характеристика¹. Мистериально-дионисийский сюжет – одна из универсалий сознания и художественного творчества Иванова. Под ним мы понимаем такую сюжетно-мотивную систему, которая включает в себя восходящий к орфизму миф о растерзании Диониса титанами и выполняет в творчестве Иванова интегрально-конструктивную и парадигматическую функцию, моделируя разнообразные смысловые структуры (художественное пространство и время, систему образов, структуру сюжета, систему персонажей и т.д.).

Мистериально-дионисийский сюжет распадается на две части: сюжет нисхождения, в центре которого – жертвенная смерть Диониса и грехопадение человечества, и сюжет восхождения, в котором происходит воскресение Диониса и возрождение человечества. Для анализа ивановской мистической антропологии нам важны две триады, которые замыкают сюжет нисхождения и сюжет восхождения (см. табл. 1). Первая триада – мистериальная: Дионис жертвенно отдается на растерзание титанов, которые, причастившись ему, совмещают в себе дионисийское и титаническое начала. Вторая триада – сотериологическая. Она содержит указание на спасение

¹Подробную его характеристику мы дали здесь: [Каяниди, 2023а].

всего титанического, падшего творения через свободное утверждение им в земном бытии сердца Диониса, то есть божественно-дионисийского начала, в результате чего появляется возрожденное человечество как соборный лик нового Диониса.

Таблица 1

Мистериальная и сотериологическая триады мистериально-дионисийского сюжета

Мистериальная триада сюжета нисхождения	Сотериологическая триада сюжета восхождения
Дионис (божественная жертва)	Зевс-Дионис (такая ипостась Зевса, которая вбирает в себя сердце Диониса)
Титаны (жрецы, жертворастерзатели)	Падший человек, отягощенный первородным грехом, но жаждущий преображения
Титаны, поглотившие Диониса и сожженные его огнем (тождество жреца и жертвы)	Преображенный человек, вобравший сердце Диониса в себя = новый Дионис

Мистическая антропология Иванова и мистериально-дионисийский сюжет. В целях большей ясности анализ статьи «Ты еси» следует начать с выводов, к которым мы пришли. Дедуктивный путь репрезентации результатов исследования в данном случае предпочтительнее индуктивного ввиду необыкновенной сложности символики ивановского текста. Сложность эта, на наш взгляд, состоит в построении статьи по принципу музыкальных лейтмотивов. Разнообразные культурно-исторические паттерны (Исида и Осирис, Психея и Эрос, Менада и Дионис, Бог Отец и Бог Сын и т.д.) представлены у Иванова не в их систематической взаимосвязи, а в музыкально чередующейся последовательности наподобие вагнеровских лейтмотивов. На первый взгляд, это создает впечатление некоторой сумбурности, хаотичности, бессистемности, но выделение и соотнесение смысловых плоскостей обнаруживает их глубинное родство. Впрочем, оно и не ставилось под сомнение в ивановедческой литературе. Своеобразие нашей позиции в том, что мы предлагаем систематизировать эти семантические слои ивановского текста с помощью мистериально-дионисийского сюжета, включив, таким образом, и статью «Ты еси» в мистериально-дионисийский метатекст.

Итак, статья «Ты еси» представляет собой вариацию мистериально-дионисийского сюжета, а точнее говоря, двух главных ее триад – мистериальной и сотериологической. Эти триады – квинтэссенция мистериально-дионисийского сюжета. Неудивительно, что именно они становятся парадигмами, с помощью которых систематизируется многослойная мистическая антропология Иванова.

Статья «Ты еси» состоит из семи глав. К мистериально-дионисийскому сюжету имеют отношение главы III–VII.

В первой главе Иванов говорит, что современная эпоха отмечена кризисом индивидуализма, который проявляется в потере ощущения и понимания, что представляет собой личное я, человеческий субъект. Во второй Иванов вводит первый постулат своей мистической антропологии: религиозный опыт состоит в различении внутри себя Я и Ты, личного я и сверхличного начала, божественной Самости. Этот опыт экстатический, поскольку представляет собой одержимость, «исполнение души божеством» [Иванов, 1979, 264].

Экстатические переживания Иванов связывает с женским началом, и третью главу он посвящает религиозно-психологическому анализу феномена исступления, экстаза, который приводит к «упразднению граней личного сознания» [Иванов, 1979, 265]. Это экстатическое переживание закрепляется за Психеей, женской частью человеческой души². Исходным пунктом экстатического переживания Психеи является противостояние ей мужского, рационального душевного начала, которое отвергается от начала сверхличного и предстает в своей диаволической ипостаси как Чело-векобог, в состоянии богопротивления и отъединенности от божественного целого; личное я затмевает Ты и ставит себя на его место, то есть в духовном средоточии личности. В главе V Иванов назовет данное состояние «демоническим самоопределением нашей умопостигаемой воли» [Иванов, 1979, 266]. В этой своей ипостаси (назовем ее падшей, греховной) мужское начало души предстает тираном, узурпатором и насильником над своей женской половиной. Поэтому суть экстатического переживания Иванов усматривает в освобождении Психеи «из-под власти и опеки нашего сознательного мужского начала» [Иванов, 1979, 264]. Освобождение принимает формы жертвоприношения мужского я: Психея «самопроизвольно и насильственно нейтрализует мужское я и как бы жертвенно умерщвляет его, внутренне воспроизводя собою пластический тип Мэнады – жрицы и мужеубийцы» [Иванов, 1979, 265]³. Данный аспект женской части души получает символическое закрепление в образах Психеи-мстительницы (одноименное стихотворение Иванов включит в статью «Anima» и в книгу «Свет вечерний»),

²В статье «Anima» (1935), которую О.А. Шор назовет авторским переводом на немецкий язык статьи «Ты еси» [Иванов, 1979, 745], это начало душевной организации получит имя Анимы, равно как мужское, рациональное я – имя Анимуса. Мы будем использовать их наравне с другими обозначениями, которыми оперирует Иванов.

³ Ср. запись в дневнике Зиновьевой-Аннибал от 20 сентября 1907 года: «Убийство я мужского Психеею (В(ячеслав)в пишет о трансе, сне я мужского во время странствий Психеи за Эросом и чудесном преобразении я во сне и [соединении] рождении Христа-Диониса-Эроса в себе и Психея-Гиппа с колыбелью) и в муке и в риске впадения в Диявольство – достигается мгновенные слияния» [РАИ, оп. 1, карт. 5, папка 25, 1 об.–2].

Менады-убийцы, Лиссы⁴. Таким образом, мужское начало предстает тут амбивалентно: с одной стороны, это титаническое, богопротивное, неправобогоборческое начало, с другой – начало жертвенное, по отношению к которому Психея ведет себя титанически и жречески.

Результатом воздействия Психеи-мстительницы на изолированное мужское начало становится изменение его статуса. Это изменение характеризуется Ивановым как сон, самозабвение либо как смерть. Сон и самозабвение актуализируют апулеевские (Психея и Эрос) и библейские (Ева и спящий Адам) подтексты, а умерщвление – мистериально-дионисийские (Менада и Дионис).

Необходимо отметить своеобразие экстатического состояния, о котором говорит Иванов в главе III. Как правило, под экстазом Иванов понимает преодоление личной обособленности, индивидуации, то есть трансценсус. Однако здесь «упразднение граней личного сознания» не означает обретение душой свободы и целостности. Господство над мужским я оборачивается новой формой индивидуации, греховного самоутверждения: «Женская часть нашего сокровенного существа утверждает свою **обособленную** жизнь (выделение наше. – Л. К.)» [Иванов, 1979, 264–265]. Снимая грани личного сознания, Психея не обретает сознания сверхличного. Принцип индивидуации не преодолевается, а утверждается в новой форме. Трансценсуса не происходит.

Таким образом, в рамках сюжета «ты еси» мы получаем первую триаду, которая явным образом соотносится с мистериальной триадой сюжета нисхождения. Своеобразие мистической антропологии Иванова заключается не только в том, что она имеет мистико-символический характер (антропологические категории выражаются с помощью символов наподобие Психеи, Эроса, Менады и Диониса и т.д.), но и в том, что ивановская антропология предстает как развернутый нарратив, элементами которого выступают символы, обозначающие мистические сущности. Этот нарратив представляет драматическую историю взаимоотношений Анимы и Анимуса и строится по образцу мистериально-дионисийского сюжета.

Представляя собой единое целое, сюжет «ты еси» тем не менее, на наш взгляд, может быть разделен на две линии – мистериальную и сотериологическую. Мы предлагаем ввести такие термины, поскольку с их помощью фиксируется взаимосвязь этих сюжетных линий с мистериально-дионисийским сюжетом, в рамках которого, напомним, третья триада сюжета

⁴ Связь Психеи-Менады с Лиссой глубоко знаменательна. В статье «Мифологический субстрат поэмы Вячеслава Иванова «Сон Мелампа» мы установили, что Лиссу Иванов понимает как «женское начало в своем губительном, разрушительном аспекте, ночную Персефону как первоисточник мирового зла» [Каяниди, 2023b]. Эта характеристика вполне приложима к Психее-мстительнице.

нисхождения как раз является мистериальной, а третья триада сюжета восхождения – сотериологической. Каждая из линий сюжета «ты еси» подразделяется на «мужской» и «женский» варианты в зависимости от того, что является действующим началом в данном нарративе.

Таблица 2

«Женский» вариант мистериальной линии сюжета «ты еси» в соотнесении с мистериально-дионисийским сюжетом

Мистериальная триада сюжета нисхождения МДС	«Женский» вариант мистериальной линии «ты еси»
Дионис (божественная жертва)	Богоборческий, демонический аспект мужского я
Титаны (жрецы, жертворастерзатели)	Жреческий аспект женского я (Психея-мстительница, Лисса, Менада-мужеубийца)
Титаны, поглотившие Диониса и сожженные его огнем (тождество жреца и жертвы)	Жертвенное мужское я (спящий Адам, спящий Эрос, растерзанный Дионис)

Теперь необходимо рассмотреть «мужской» вариант мистериальной линии сюжета «ты еси». Он развивается в пятой главке статьи. В логическом смысле «мужской» вариант предшествует «женскому», так как в нем речь идет об отступлении мужского я от начала сверхличного, о возникновении Психеи тоскующей и одержимой, о том, в результате чего человеческая душа теряет связь с божественным центром своего бытия. Будучи в логическом отношении первым, «мужской» вариант мистериальной линии следует за «женским».

«Мужской» вариант тоже строится на основе мистериальной триады сюжета нисхождения. Отличие обоих вариантов в том, какое начало является трагически активным – мужское, рациональное или женское, иррациональное. Если связь «женского» варианта с мистериально-дионисийским сюжетом реконструируется нами, то «мужской» непосредственно с ним соотносится самим Ивановым, который в добавленном на финальной стадии работы над статьей абзаце эксплицирует сюжет растерзания Диониса титанами.

Итак, как же Иванов объясняет «закрепощение Психеи нашему сознательному мужескому началу» [Иванов, 1979, 266], которое, напомним, становится исходной точкой при описании экстатических душевных переживаний?

Это закрепощение становится результатом богоборчества, которое осуществляется мужским я. Находясь в непосредственном соприкосновении со сверхличным божественным дионисийским началом, мужское я совершает «демоническое самоопределение», которое проявляется в «отвращении от сверхличного начала», его узурпации, «конечном богопротивлении» и «личном отъединении» [Иванов, 1979, 266], то есть в неправом богоборчестве и утверждении принципа индивидуации. В конце главки Иванов соотносит действие мужского начала с «метафизическим

грехопадением, темной “виной своевольных предков”, о снятии которой молились орфики, разумея под нею предвечный разрыв Диониса Титанами» [Иванов, 1979, 267].

Здесь Иванов напрямую соотносит мужское я с титаническим началом, цитируя одно из своих любимых мест из орфической литературы – отрывок из «Рапсодической теогонии», сохраненный античным философом-неоплатоником Олимпиодором в комментарии на Федона [Abel, 1885, 237]⁵. В книге «Дионис и прадионисийство» Иванов дает такой перевод этого отрывка:

Смертные будут тебе заколать по весне гекатомбы,
Оргии править, моля разрешения древней обиды
Предков законопреступных; и, сильный, их же восхощешь,
Ты разрешишь от трудов и от ярости вечного жала.

[Иванов, 1923, 175]

Дионис соотносится здесь с божественной Самостью, а титаны – с мужским я. Иванов актуализирует мистериальную триаду сюжета нисхождения, осмысливая ее как «метафизическое грехопадение».

Изолированное и самовластное утверждение мужского начала приводит к греховной трансформации начала женского, поскольку оно подвергается соблазну и претерпевает метафизическое предательство. Его состояние закрепляется в серии символических образов: Психея-скиталица, которая странствует в поисках Эроса; Менада, призывающая Диониса; Ева, соблазненная Змием и ставшая «орудием мрачного самоутверждения личности, замкнувшейся в своих пределах и удалившейся от начала вселенского» [Иванов, 1979, 266]. Мужское начало при этом характеризуется как «враждебный преследователь» и «коварный соблазнитель».

Таблица 3

**«Мужской» вариант мистериальной линии сюжета «ты еси»
в соотнесении с мистериально-дионисийским сюжетом**

Мистериальная триада сюжета нисхождения	«Мужской» вариант мистериальной линии «ты еси»
Дионис (божественная жертва)	Бог = Дионис = сверхличное Я
Титаны (жрецы, жертворастерзатели)	Мужское, личное я как люциферическое начало
Титаны, поглотившие Диониса и сожженные его огнем (тождество жреца и жертвы)	Психея-скиталица; Менада, призывающая Диониса; согрешившая Ева

Две ипостаси женского начала (тоскующая Психея-скиталица и одержимая Психея-мстительница) являются ликами единой сущности – падшей

⁵ Впервые этот орфический фрагмент Иванов цитирует в письме 1902 года Зиновьевой-Аннибал из Афин, где он собирает материалы по архаическим дионисийским культам, работая в библиотеке Германского археологического института [Иванов, Зиновьева-Аннибал, 2009, т. 2, 233].

Души Мира, твари, которая стенает и томится, ожидая откровениями сынов Божиих (Римл. 8 : 19–23).

Тут сюжет «ты еси» соприкасается с так называемым «основным мифом» Достоевского, как его определяет Иванов: «Достоевский хотел показать в “Бесах”, как Вечная Женственность русской Души страдает от насильничества и засилья “бесов”, искони борющихся в народе с Христом за обладание мужественным началом народного сознания. <...> Он (Достоевский. – Л. К.) как бы воочию увидел, как мужское начало сокровенного народного бытия, обращенное к созерцательной духовности, вытесняется из сферы его воздействия на душу народа и на его внешнюю жизнь бесовским “Легионом”, и как женское его начало, душа русской земли, мучается и томится ожиданием спасителя своего, героя Христова, богоносца: при всем своем смятенном состоянии в пленении и покинутости – изменника и самозванца, приближающегося к ней под личиной желанного и долгожданного, она всегда узнает, и обличит его, и проклянет» [Иванов, 2020, 56]. Очевидно, что «основной миф» Достоевского есть не что иное, как прозрачная трансформация мистериальной линии сюжета «ты еси». Мужское начало народной жизни подпадает под власть бесовского легиона, то есть утверждает себя богоборчески, титанически, совершает «демоническое самоопределение». Результатом этого становится то же самое, что в «мужском» варианте мистериальной линии – страдающая Психея-скиталица, Душа русского народа, которая находится «в пленении и покинутости», «мучается и томится ожиданием спасителя своего, героя Христова, богоносца», то есть небесного Жениха, преображенного мужского начала (первый элемент «женского» варианта сотериологической линии, см. табл. 5). Есть в «основном мифе» Достоевского также черты «женского» варианта мистериальной линии. Душа русского народа подобна Психее-мстительнице: она обличает и отвергает демоническую личину мужского я («изменника и самозванца, приближающегося к ней под личиной желанного и долгожданного»). Особенностью отражения сюжета «ты еси» в «основном мифе» Достоевского является то, что демоническое мужское начало истребляет само себя: Ставрогин и Смердяков кончают самоубийством, Версилов и Иван Карамазов испытывают умственное помешательство.

М.Б. Плюханова показывает, что фундаментом «основного мифа» Достоевского следует считать рассуждение апостола Павла в Послании к римлянам (8 : 19–25) [Плюханова, 2021, 296–298], особенно же: «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих (8 : 19); Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне. И не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего» (8 : 22–23). Строки из апостола Павла Иванов вкрапляет в свое изложение «основного мифа», превращая их в прозрачные аллюзии.

В главе IV представлена сотериологическая линия сюжета «ты еси». Она тоже подразделяется на два варианта – «мужской» и «женский» (в зависимости от того, какое начало является катализатором действия, которое,

в отличие от мистериальной линии сюжета «ты еси», характеризуется как спасительное). Эти варианты представлены слитно, их необходимо аналитически дифференцировать.

Начнем с «мужского» варианта.

Спасению целостного состава человеческой личности, представленного как мистический брак мужской и женской части человеческой души, Анимы и Анимуса, предшествует преобразование рационально-эмпирического мужского сознания. Данное преобразование осуществляется путем отождествления личного я с Я сверхличным, находящимся в духовном средоточии личности, и представляет собой воскресение от смертного сна.

Это сверхличное Я Иванов характеризует необыкновенно подробно, приписывая ему ряд мистических предикатов. Сверхличное Я понимается как «божественный центр» человеческой личности, «Абсолютное в глубочайшей святине нашего духовного существа» [Иванов, 1979, 265]. Оно обозначается индуистским термином «Атман», «Сам» и мистико-христианским «Отец в Небе». Обатнин и Соболев так объясняют этот термин: «Атман (санскр. – дыхание души, я сам) в философии Веданты означает истинную сущность человека (самость), скрытую за феноменами», указывая также на «выписку Иванова из сочинений по индийской философии: “Аtmân – воля отца”» (ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 223. Л. 553)» [Иванов, 2018, 522].

Понятие сверхличного Я появляется у Иванова ранее 1907 года. Хронологически первой манифестацией представления об «истинном Я» человеческой души Обатнин считает дистих «Лазаре, гряди вон!» [Обатнин, 2000, 19]: *Кличь себя сам, и немолчно зови, доколе, далекий / Из заповедных глубин: «Вот я!» – пошлешь ответ* [Иванов, 1971, 641]. В главке VII статьи «Копье Афины» (1904) Иванов характеризует сверхличное Я, которое открывается внутри личного я, как предел его совершенства и связывает эту эпифанию сверхличного в пределах личного с формулой «ты еси»: «существует для ищущего, подобно математическому пределу бесконечно приближающихся величин, некоторое Я во мне; как постулат моего не я, или я-мэона» [Иванов, 1971, 733].

В статье 1908 года «Спорады», которая также вошла в книгу «По Звездам», Иванов снова формулирует оппозицию сверхличного Я и личного я: «Есть в человеке Я высшее, его святое святых, цель его постижения и предел приближения, божественное средоточие микрокосма. И есть я, определяемое границами эмпирической личности. Для первого Я второе – смерть, ибо воплощение – смерть для Бога; для второго, приближение к первому – тоска Психеи по огненной смерти» [Иванов, 1979, 129].

Отец в Небе есть апофатическое, неизреченное и непознаваемое начало, оно является в ипостаси Сына: «Никто не приходит к Отцу иначе, как через Сына», – пишет Иванов, отсылая читателя к Евангелию от Иоанна (14 : 6): «Я есмь и путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня». Другими словами, принципиально различая Отца и

Сына, Иванов рассматривает их как одно в рамках своей мистической антропологии (в полном согласии, кстати говоря, с церковной догматикой).

Преображение или воскресение мужского я совершается в опыте богочеловечества, претворении титанически изолированного личного я в сына Божьего через утверждение своей воли как воли Божией: «мужское я как бы воскресает из смертного сна и облекается в светлое видение Сына, – если его умопостигаемое самоопределение есть в своей сущности тяготение к “светлейшему солнца” и сверхличному средоточию личного бытия <...> Луч Духа, брызжущий из божественного средоточия существа человеческого, пресуществляет психическую субстанцию погруженного в сон мужского я и, воскресая, воссоздает его, преобразенного, в лике богосыновства» [Иванов, 1979, 265]⁶.

Наши размышления можно структурировать в виде такой таблицы.

Таблица 4

«Мужской» вариант сотериологической линии сюжета «ты еси» в соотнесении с мистериально-дионисийским сюжетом

Сотериологическая триада сюжета восхождения	«Мужской» вариант сотериологической линии «ты еси»
Зевс-Дионис (такая ипостась Зевса, которая вбирает в себя сердце Диониса)	Атман, Сам, Отец в Небе = Сын, Дионис, Эрос; Христос как Богочеловек
Падший человек, отягощенный первородным грехом, но жаждущий преобразования	Мужское я
Преобразенный человек, вобравший сердце Диониса в себя = новый Дионис	Преобразенное я, сын Божий, Христос в я

Финальной формулой мистической антропологии Иванова становится «женский» вариант сотериологической линии сюжета «ты еси». Этот «женский» вариант непосредственно «прорастает» из «мужского». Он также представлен в четвертой главе ивановской статьи. Если исходной пунктом мистериальной линии становится богоборческое самоутверждение мужского я, то сотериологическая линия начинается с утверждения преобразенного мужского я, ставшего богочеловеческим. В этой своей преобразенной ипостаси мужское я предстает как Жених: «Психея узнает своего Жениха, так приближающегося к ней из глубины личного сознания в образе воскресшего я» [Иванов, 1979, 265]. Психея перестает враждовать с мужским началом в себе и тосковать и тоже преобразается, становясь «душой Земли в нас, ждущей разоблаченного Сына в нас как истинного Жениха своего, чтобы через него осуществить “на Земле” волю “сущего в Небе”» [Иванов, 1979, 268]. Жених как воскресший сын Божий ассоциируется с Адамом, а Психея-жена – с только

⁶В статье «Древний ужас» Иванов дает такое описание преобразования мужского я: «Сыном становится человеческое я только отдачею воли своей тому внутреннему свету, который есть Отец в Небе человека. Если воля человеческого я стала волей Его, тогда родится в человеке Христос, и он стал достоин называться Сыном Человеческим» [Иванов, 1979, 108].

что созданной Евой: «проснувшийся сын Божий (Лук. 3 : 38) – Адам – приближается к своей новозданной невесте» [Иванов, 1979, 265].

Примиренная с мужским я Психея отождествляется с Гиппой. Этот образ, довольно редкий у Иванова, отсылает нас к одноименному стихотворению из «Кормчих звезд» и книге «Дионис и прадионисийство» и актуализирует сотериологическую триаду сюжета восхождения. Подробно о Гиппе мы говорим в другой статье [Каяниди, 2024], здесь же дадим краткую характеристику этого важнейшего, хоть и редкого ивановского образа.

Гиппа – символ преображенной и спасенной Мировой Души, вместившей в себя Диониса.

Я колыбель, Гиппа – душа дыханий,
Я колыбель богу несу.
Ты в колыбель, бог, низойди, рожденный!
И на главе моей почий!

[Иванов, 1971, 692]

Создавая образ Гиппы, Иванов опирается на комментарий Прокла к диалогу Платона «Тимей», откуда берется первый эпиграф к стихотворению (Procl. InTim. 407.29–408.01): Ἡ Ἴπλα, τοῦ παντὸς οὐρα ψυχῆ, λίκνον ἐπὶ κεφαλῆς θεμένη καὶ δράκοντι αὐτὸ περιτέψασα ὑποδέχεται Διόνυσον. Иванов дает такой перевод: «Гиппа, душа всего (вселенной), колыбель на главу возложив и змием обвив, приемлет Диониса» [Иванов, 1923, 98]. Неоплатонический образ Гиппы как менады – пестуны Вакха, которая несет на голове колыбель с божественным младенцем, указывает на то, что Гиппа есть Мировая Душа, которая отождествляется с Дионисом как Мировым умом (ἐγκόσμιος νοῦς) (Procl. inTim. 408.3, 11).

Гиппа вписывается в мистериально-дионисийский сюжет. Она противопоставляется титанам, которые соединяются с Дионисом насильственно, Гиппа же благоговейно, в любви. Титаны разрывают Диониса, Гиппа стремится к воссоединению. Гиппа – творение, стремящееся к обожению, соединению с новым Дионисом (Христом воскресшим) и достигающее его.

Это становится ясно в свете интерпретации Гиппы, представленной в книге «Дионис и прадионисийство» (со ссылкой на комментарий Прокла к «Тимею» (Procl. inTim., III, 198.8–9)): «Чтобы выйти из своего состояния противоборства и раскола, она (душа. – Л. К.) должна приять в себя Диониса, взлелеять его, как пестунья Вакха, уподобляясь в этом тайнодействии Гиппе неоплатонического и орфического мифа <...> Гиппа именно знаменует “душу, причастную разума Дионисова” и устремляющуюся к “духовному образу”» [Иванов, 1923, 177–178].

Итак, Психея – Гиппа – Мировая Душа вступает в брак с мужской частью души. Его результатом становится обретение утраченной целостности духовно-душевного состава человеческой личности. Такой синтетической духовной формой, где восстанавливается утраченная мужеженская целостность человеческой личности, ее мистическая андрогинность, как раз и

является новый Дионис, Вакх, Осирис: «В слиянии Психеи с преображенным я, разоблачающимся в эпифании Вакха, сына Диева, с завершением цикла правого вакхического безумия, восстанавливается сознание личности <...> мужское я в человеке осознало себя, – хотя бы тускло и на миг, как это бывало в эллинской катартике, – в ипостаси сыновней. И не случайно, в священной терминологии Дионисова культа, эта полнота внутреннего слияния личного я с Богочеловеком-Сыном означает наименование “вакха”, применяемым ко всем правым служителям дионисийских таинств, а в символике египетских посвящений – именем “Озириса”» [Иванов, 1979, 266].

Преображенное мужское я, обретшее свою богочеловеческую сущность и выступающее как Жених Психеи, сходно с Зевсом-Дионисом, поскольку последний есть такой лик дионисийского начала, которое проявляет ноуменальную сущность Диониса – его сердце. Как Сын есть одно с Отцом, поскольку исполняет его волю, так и Зевс-Дионис есть одно с Дионисом-Загреем в той степени, в какой он хранит его сердце. Психея-Невеста, Гиппа есть такой аспект падшей Души Мира, который не замкнут в своей титанической гордыне, но способен к преобразению. Третьи элементы мистериально-дионисийского сюжета и сюжета «ты еси» практически идентичны, они являются синтетическими формами первых двух элементов. Божественное начало (Зевс-Дионис, богочеловеческий Жених) соединяется с тварным (падший человек и Психея суть одно). В обоих случаях результатом единения является новый Дионис. Разница между двумя сюжетами только в нюансах. В мистериально-дионисийском сюжете делается космогонический акцент, в сюжете «ты еси» – мистико-антропологический, андрогинный.

Таблица 5

**«Женский» вариант сотериологической линии сюжета «ты еси»
в соотнесении с мистериально-дионисийским сюжетом**

Сотериологическая триада сюжета восхождения	«Женский» вариант сотериологической линии «ты еси»
Зевс-Дионис (такая ипостась Зевса, которая вбирает в себя сердце Диониса)	Жених = преображенное мужское я; вставший от сна Адам
Падший человек, отягощенный первоначальным грехом, но жаждущий преобразования	Психея; новозданная Ева; Гиппа
Преображенный человек, вобравший сердце Диониса в себя = новый Дионис	Брак мужского и женского начала; новый Дионис, Вакх, Озирис

* * *

Мистическая антропология Иванова предстает как развернутый нарратив, элементами которого выступают символы, обозначающие мистические сущности. Данный нарратив представляет драматическую историю взаимоотношений Анимы и Анимуса, женского, иррационального и мужского, рационального начала. Эта история символическая, она может интерпретироваться психологически, мистически, космологически.

Сюжет «ты еси» строится по образцу мистериально-дионисийского сюжета и может быть разделен на две линии – мистериальную и сотериологическую. Содержанием мистериальной линии является богоборчество Анимуса и разрыв с Анимой, содержанием сотериологической – возрождение Анимуса и спасение Анимы преображенным, богочеловеческим Анимусом. Мистериальная линия повторяет мистериальную часть дионисийского сюжета, в центре которого – жертвенная смерть Диониса от титанов и грехопадение человечества, а сотериологическая линия – сотериологическую часть дионисийского сюжета, в котором происходит воскресение Диониса и возрождение человечества через утверждение дионисийской сущности на земле.

Как мистериальная, так и сотериологическая линия сюжета «ты еси» делится на «мужской» и «женский» вариант (в зависимости от того, какое начало становится действующей силой).

В «мужском» варианте мистериальной линии Анимус искажает божественное Я в себе и разделяется с Анимой, которая становится Психеей-скиталицей; в «женском» варианте Анима принимает на себя жреческую роль и отрекается от богоборческого Анимуса либо губит его.

В «мужском» варианте сотериологического сюжета Анимус обретает свой богочеловеческий первообраз, таящийся в глубинах его духовного существа, и преображается в сына Божьего, в восставшего от смертного сна Адама. Этот преображенный Анимус предстает как богочеловеческий Жених, с которым вступает в брак Анима-Невеста, в результате чего совершается полное преображение человеческой личности, примирение мужского и женского начала и рождение нового Диониса-Вакха.

Таблица 6

Общая структура сюжета «ты еси»

	«Мужской» вариант	«Женский» вариант
Мистериальная линия	Бог = Дионис = сверхличное Я	Богоборческий, демонический аспект мужского я
	Мужское, личное я как люциферическое начало [самозамкнутое, титаническое]	Жреческий аспект женского я (Психея-мстительница, Лисса, Менада-мужеубийца)
	Психея-скиталица; Менада, призывающая Диониса; согрешившая Ева [Богоборческая, люциферическая ипостась мужского я]	Жертвенное мужское я (спящий Адам, спящий Эрос, растерзанный Дионис)
Сотериологическая линия	Атман, Сам, Отец в Небе = Сын, Дионис, Эрос; Христос как Богочеловек	Жених = преображенное мужское я; восставший от сна Адам
	Мужское я [дионисийское, трансцендирующее]	Психея; новозданная Ева; Гиппа
	Преображенное я, сын Божий, Христос в я	Брак мужского и женского начала; новый Дионис, Вакх, Озирис

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РАИ – Римский архив Вячеслава Иванова.

ЛИТЕРАТУРА

- Иванов В.И. Дионис и прадионисийство. Баку: 2-я государственная типография, 1923. VII+304 с.
- Иванов В.И. Собрание сочинений. Т. I. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. 872 с.
- Иванов В.И. Собрание сочинений. Т. III. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. 896 с.
- Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия. Переписка: 1894–1903. М.: Новое литературное обозрение, 2009. Т. 1. 752 с.; Т. 2. 568 с.
- Иванов В.И. Достоевский. Трагедия – миф – мистика. СПб.: Пушкинский Дом, 2021. 476 с.
- Каяниди Л.Г. Мистериально-дионисийский сюжет Вячеслава Иванова и его мистическая антропология (принцип «Ты еси»). Статья первая // Известия Смоленского государственного университета. 2023а. № 3. С. 4–17.
- Каяниди Л.Г. Мифологический субстрат поэмы Вячеслава Иванова «Сон Мелампа» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023б. № 85. С. 161–184.
- Каяниди Л.Г. Репрезентация мистериально-дионисийского сюжета в книге лирики Вячеслава Иванова «Кормчие звезды» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. [Принята к публикации]
- Обатнин Г.В. Иванов-мистик (Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919)). М.: НЛЮ, 2000. 240 с.
- Плюханова М.Б. Труды Вяч. Иванова о Достоевском: эволюция основного мифа // Иванов В.И. Достоевский: Трагедия – Миф – Мистика. СПб.: Пушкинский Дом, 2021. С. 282–301.
- Сегал Д., Сегал (Рудник) Н. «Ну, а по существу я ваш неоплатный должник». Фрагменты переписки В.И. Иванова с Е.Д. Шором // Символ. 2008. № 53–54. С. 338–403.
- Титаренко С.Д. К разгадке эссе Вячеслава Иванова «Анима» // Иванов В.И. Анима. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 89–120.
- Abel E. Orchica. Lipsiae: G. Freytag; Praegae: F. Tempsky, MDCCCLXXXV. 320 p.
- West J. «Ты еси» // Cultura e memoria: atti del terzo simposio internazionale dedicato a Vjačeslav Ivanov. Firenze, 1988. 1. P. 231–238.

L.G. Kaianidi

*PhD in Philological Sciences, Associate Professor,
Chair of Literature and Journalism,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

Vyacheslav Ivanov's Dionysian-mysterical Plot and his Mystical Anthropology (the Concept of «Thou art»). Second Article

The purpose of the second article on Ivanov's mystical anthropology is to demonstrate how the plot «thou art» grows out of the Dionysian-mysterical plot that developed in Ivanov's early work. The research material was Ivanov's poetic, philosophical, scientific and epistolary texts. Comparative, hermeneutic, structural and semantic methods were used.

Ivanov's mystical anthropology appears as a detailed narrative, the elements of which are symbols denoting mystical entities. This narrative represents the story of the relationship between Anima and Animus, feminine, irrational and masculine, rational. This story is symbolic, it can be interpreted psychologically, mystically, cosmologically.

The plot of «thou art» is modeled on the Dionysian-mysterical plot and can be divided into two lines – the mysterical and soteriological ones. Each of them is divided into «male» and «female» versions.

In the «male» version of the mysterical line, the Animus distorts the divine Self in itself and separates from the Anima; in the «female» version, the Anima assumes a priestly role and renounces the God-fighting Animus.

In the «male» version of the soteriological plot, the Animus acquires its God-human primordial image and transforms into the son of God, Adam, who has risen from the mortal dream. This transformed Animus appears as a God-human Bridegroom, with whom the Anima-Bride marries, as a result of which a complete transformation of the human personality is accomplished, the reconciliation of the male and female principles and the birth of a new Dionysus-Bacchus.

Keywords: *Vyacheslav Ivanov; mysticism; anthropology; mythopoetics; Dionysianism; plot structure; «thou art»; Animus; Anima.*

REFERENCES

Ivanov V.I. Dionysus and Early Dionysianism [Dionisipradionisijstvo]. Baku: 2-ja gosudarstvennaja tipografija, 1923. VII+304 p. (in Russian).

Ivanov V.I. Collected works [Sobranie sochinenii]. Vol. I. Bruxelles: Foyer Oriental Chrétien, 1971. 872 p. (in Russian).

Ivanov V.I. Collected works [Sobranie sochinenii]. Vol. III. Bruxelles: Foyer Oriental Chrétien, 1979. 896 p. (in Russian).

Ivanov Vyacheslav, Zinov'eva-AnnibalLidii. Correspondence: 1894-1903 [Perepiska: 1894–1903]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. Vol. 1. 752 p.; Vol. 2. 568 p. (in Russian).

Ivanov V.I. Dostoevsky. Tragedy – myth – mysticism [Dostoevskij. Tragedija – mif – mistika]. St. Petersburg: Pushkinskij Dom, 2021. 476 p. (in Russian).

Kajanidi L.G. Vyacheslav Ivanov's Dionysian-mysterical plot and his mystical anthropology (the concept of «Thou art»). First article [Misterial'no-dionisijskijuzhet Vjacheslava Ivanovai ego misticheskaja antropologija (princip «Ty esi»). Stat'ja pervaja]. *Issues of Smolensk State University*. 2023a, no. 3, pp. 4–17 (in Russian).

Kajanidi L.G. The mythological substratum of Vyatcheslav Ivanov's poem «Melampus' Dream» [Mifologicheskij substra tpojemy Vjacheslava Ivanova «Son Melampa»]. *Issues of Tomsk State University. Philology*. 2023b, no. 85, pp. 161–184 (in Russian).

Kaianidi L.G. Representation of the Dionysian-mysterical plot in the book of poems by Vyacheslav Ivanov «Pilot Stars» [Reprezentatsiia misterial'no-dionisiiskogo siuzheta v knige liriki Viacheslava Ivanova «Kormchie zvezdy»]. *Issues of Tomsk State University. Philology*. 2024. [Accepted for publication] (in Russian).

Obatnin G.V. Ivanov the Mystic (Occult motifs in the poetry and prose of Vyacheslav Ivanov (1907-1919)) [Ivanov-mistik (Okkul'tnye motivy v poezii i proze Viacheslava Ivanova (1907–1919))]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000. 240 p. (in Russian).

Pljuhanova M.B. Works of V. Ivanov on Dostoevsky: the evolution of the basic myth [Trudy Vjach. Ivanova o Dostoevskom: jevoljucija osnovnogo mifa] *Ivanov V.I. Dostoevskij: Tragedy – Myth – Mysticism*. St. Petersburg: Pushkinskij Dom, 2021, pp. 282–301 (in Russian).

Segal D., Segal (Rudnik) N. «Well, in essence I am your unpaid debtor». Fragments of correspondence between V.I. Ivanov and E.D. Shor [«Nu, a posushchestvu ia vash neoplatnyi dolzhnik». Fragmenty perepiski V.I. Ivanova s E.D. Shorom]. *Symbol*, no. 53–54, 2008, pp. 338–403 (in Russian).

Titarenko S.D. To unravel Vyacheslav Ivanov's essay «Anima» [K razgadke esse Viacheslava Ivanova «Anima»]. *Ivanov V.I. Anima*. St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts at St. Petersburg State University, 2009, pp. 89–120 (in Russian).

Abel E. Orphic fragments [Orchica]. Lipsiae: G. Freytag; Praegae: F. Tempsky, 1885. 320 p. (in Ancient Greek and Latin).

West J. «Ty esi». *Cultura e memoria: atti del terzo simposio internazionale dedicato a Vjačeslav Ivanov*, Firenze 1988, 1, pp. 231–238 (in English).

Л.В. Павлова, И.В. Романова

Смоленский государственный университет

Смоленск, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2024-65-1-20-34

ОБРАЗНО-МОТИВНЫЕ СИТУАЦИИ «САРЬЯНОВСКОГО» КОРПУСА РУССКОЙ ПОЭЗИИ¹

Ключевые слова: *русская поэзия; Армянский локальный текст; образно-мотивная ситуация; М. Сарьян.*

Образно-мотивные ситуации сочетают в себе учет частотных поименованных сущностей с закрепленными за ними повторяющимися у разных авторов мотивами. Так формируются паттерны локального текста. В данном контексте рассматриваются образно-мотивные ситуации, связанные с именем художника Мартироса Сарьяна, как один из паттернов Армянского текста русской поэзии. В собранном авторами статьи «сарьяновском» корпусе были выделены две главные образно-мотивные ситуации: 1) прозрение, постижение. Реализуется она в двух вариантах: а) лирический субъект постигает творчество Сарьяна, увидев Армению; б) лирический субъект постигает Армению, познакомившись с творчеством Сарьяна. Эта ситуация постижения семантически главная в стихотворениях, потому что иллюстрирует внутреннюю трансформацию лирического субъекта, его преобразование; 2) старение. Она реализуется одновременно в двух вариантах, проецируясь на жизнь и на искусство: а) Сарьян-человек стареет, он смертен; б) Сарьян-творец,

¹ Публикация подготовлена за счет гранта РФФ № 22-18-00339, Электронный ресурс «Армянский текст русской поэзии»: репрезентация локального текста русской литературы.

его искусство неподвластны времени, бессмертны. Это универсальная лирическая ситуация, развивающая вечные темы жизни, смерти и искусства. К формированию Армянского текста относится только первая ситуация, подчеркивающая необходимое участие Сарьяна в постижении Армении лирическим субъектом.

Настоящий материал является частью изучения Армянского текста русской поэзии. В ходе исследования была разработана теоретико-методологическая модель рассмотрения локального текста, выделены его формальные признаки, позволяющие всесторонне описать языковую картину мира Армянского текста. Ее составляют безымянные и поименованные сущности, которые выделяются на основании частотности их встречаемости в локальном тексте. При описании локального текста учитывается и описывается лексика, обеспечивающая вообразимость локуса (форма, цвет, композиция / соотношения). Статический (описание) и динамический (нарративность) аспекты объектов (паттернов) Армянского текста представляются в виде образно-мотивных ситуаций, обеспечивающих семантизацию и символизацию паттернов локального текста.

1. Выделяются *непоименованные сущности*. К ним, в частности, относятся 1) *цвет и свет*. Установлено, что численно преобладает синяя группа (в ней лидерами стали синий, голубой, лазурный) и красная группа (красный, розовый, алый, багряный) [Павлова, Романова, 2022; Кешфидинов, Шафранская, 2023]. Поскольку цветовосприятие Армении русскими поэтами происходит не только на основе личных визуальных впечатлений, но и под впечатлением от полотен армянских художников, изучены образы армянских живописцев Мартироса Сарьяна, Акопа Коджояна и Арутюна Галенца и их творчества в стихотворениях об Армении [Павлова, Романова, 2023; Шафранская, Кешфидинов, 2023б]. Свет рассматривался на примере образа солнца [Цубанова, 2023]. Кроме того, к непоименованным сущностям относятся 2) *форма* и 3) *композиция* (отношения, в том числе и социальные), которые были проанализированы путем изучения лексики соответствующих семантических групп: сенсорная, эмоциональная лексика, географические, природные (флора и фауна) лексические единицы, семантические группы «Религия», «Военные действия», «Экзистенция». Данные группы отражают существенные стороны истории и культуры Армении. Результаты проведенного анализа позволили установить взаимосвязи динамики и статики описания тем на различных этапах развития армянского текста, выявить в нем скрытые тенденции в распределении единиц описания [Андреев, 2023а; Андреев, 2023б].

Механизм семантизации и символизации непоименованных экзистенциальных сущностей проиллюстрирован на примере поэтической символизации незабудки как символа «выпрямления горя», а также жизни и смерти как ключевых смысложизненных ориентиров мировосприятия на материале армянского цикла стихотворений С. Липкина. Эти символы представлены в произведениях о трагедии Армении и о сходстве судеб народов,

прошедших через геноцид [Карасик, 2023].

2. Выделяются *поименованные сущности*. Проанализирована система имен собственных, которые выполняют функцию культурных маркеров. Доказано, что имена собственные в художественном тексте являются «смысловыми сгустками», а экспликация заключенной в их семантике многоплановой историко-культурной информации о жизни народа позволила рассматривать не столько совокупность всех имен собственных Армянского текста, сколько «ономастический портрет» определенного этноса [Бубнова, 2023].

Из поименованных сущностей рассмотрен один из паттернов Армянского текста – создатель армянского алфавита Месроп Маштоц [Шафранская, Кешфидинов, 2022].

3. Для выявления дифференциальных особенностей Армянского текста русской поэзии был разработан механизм сопоставления его с другим локальным текстом – Грузинским. Изучен локус Грузии в Армянском тексте русской поэзии, а затем сопоставлены генезис, пути развития и история взаимодействия локальных текстов – грузинского и армянского [Потапова, 2023].

Как было сказано выше, одним из критериев локального текста является наличие в нем знаковых имен собственных, которые выполняют функцию культурных маркеров. Показательно для Армянского текста в этом смысле стихотворение М. Матусовского, посвященное выдающимся деятелям культуры и науки Армении:

О, тайна фамилий на «ян»,
 Смуцавшая нас постоянно,
 Как горный прозрачный туман,
 Скользящий меж строк Туманяна.
 Как где-то за свесом горы
 Заря, запылавшая рдяно.
 Как звездные эти миры,
 Пленившие Амбарцумяна.
 Как звук колокольца в ночи,
 Диктующий ритм каравана,
 Который всегда различим
 В поэзии Исаакяна.
 Как врубленный в скалы амвон –
 Гегарда глубокая рана.
 Как яростный сабельный звон
 Мелодии Хачатуряна.
 Как взлет этой арки сквозной,
 Над бездною замершей странно.
 Как сжегший подрамники зной
 Картин Мартироса Сарьяна.

[Амирханян, 2022, 371–372]

Мартирос Сарьян, именем которого завершается стихотворение, – великий художник, основоположник армянского изобразительного искусства нового времени. Его имя неоднократно встречается в стихах русских

поэтов. Тематическое и образное сходство, повторяющиеся мотивы, общность пафоса позволяют в рамках исследования объединить эти произведения в так называемый вторичный, читательский, несобранный (в терминологии М.Н. Дарвина [Дарвин, 1988]) «сарьяновский» цикл.

В цикл вошло 33 стихотворения 25 авторов². Временной диапазон – с 30-х годов XX века³ до наших дней⁴ – свидетельствует, что не ослабевает магия этого имени, чутко переданная еще в начале XX века Максимилианом Волошиным: «Сарьян... <...> при произнесении этого имени мерещится словно испугание желто-оранжевого цвета, прикрытое синевато-сизым пламенем, напоминающим фиолетово-медные отливы мавританской керамики времени Оммайядов...» [Волошин, 2007, 153].

На начальном этапе исследования Армянского текста русской поэзии упоминание имени Сарьяна рассматривалось как очевидный показатель отнесения «стихотворения с именем» к локальному тексту как таковому.

Продолжение исследования показало, что само наличие в произведении имени с армянским колоритом не является однозначным показателем его принадлежности к Армянскому тексту. Для однозначности необходимо повторяющееся в разных произведениях разных авторов, то есть устойчивое, мотивное сопровождение искомого имени.

Вслед за Е.М. Мелетинским мы понимаем мотив предикативно, «как одноактный микросюжет, основой которого является действие» [Мелетинский, 1983, 117].

Под образно-мотивной ситуацией в лирике мы понимаем инвариантный мотив, который может восприниматься (в отличие от повествовательных текстов) как событие, уникальное в контексте всего произведения, и реализовываться как в прямом значении, так и метафорически. Мы разделяем обоснованное И.В. Силантьевым представление о тематичности мотива в лирике: «мотивы как предикаты темы развертывают ее через действие – конечно, применительно к лирическому субъекту <...> тема является основанием для развертывания серии сопряженных с ней мотивов» [Силантьев, 2004, 88].

² Антокольский П. «Древний город», Вознесенский А. «Декабрьские пастбища», Вышелавский Л. «Краски Сарьяна», Гитович А. «Живопись», Городецкий С. «Мартиросу Сарьяну (Экспромт)», Дементьев А. «Солнце Сарьяна», Звягинцева В. «В гостях у Мартироса Сарьяна», «Моя Армения», «Армении», Орлов С. «Сарьян», Зенов И. «Еревану», Кончаловская Н. «Портрет Сарьяна», цикл «Выставка Сарьяна»: «Вернисаж», «У родника в селе Туманян», «Сбор хлопка в Араратской долине», «С высот Арагаца», Кошштейн А.И. «Армения», Магусовский М. «О, тайна фамилий на “ян”...», «Август», Рогов В. «Красота», Лисянский М. «Я читаю стихи Сарьяну», Николаевская Е. «Армения», «Когда ты застынешь в его мастерской...», Рождественский Р. «Сарьян», Сапир Г. «Жар-птица», Слуцкий Б. «Холсты Акопа Коджояна», Снегова И. «Сарьяну», Чичибабин Б. «Четвертый Псалом Армении», Шервинский С. «В мастерской Сарьяна», Калашников С. «Севджур», Калугин И. «Волшебный свет воды армянской...».

³ Антокольский П. «Древний город» (1936).

⁴ Калашников С. «Севджур» (2021).

I. «Армения – понимание (открытие, видение) – Сарьян».

Образно-мотивная ситуация, выстраиваемая русскими поэтами во-круг имени «Сарьян», может быть названа «открытие», «прозрение», «видение», «понимание». В этом заключается ее предикативность. То есть в основе лежит *мотив прозрения*. *Прозрение* случается с лирическим субъектом. Объект в этом мотиве вариативен.

В армянских селах не бывав,
Я слышу запах пряный
Коры древесной, знойных трав,
На вернисаже постояв
Перед холстом Сарьяна.

(Кончаловская Н. «У родника в селе Туманян»)
[Кончаловская, 1961, 51–52]

1) Объектом прозрения может стать *творчество Сарьяна*. В таком случае необходимым условием прозрения является непосредственное *знакомство* лирического субъекта с *Арменией*. Связь художника и Армении столь крепка, что понять его картины в полной мере невозможно, не побывав в Армении. Например, впервые увиденная воочию *полная света и красок палитра / Изумрудной, багровой и рыжей земли* (Михаил Матусовский «Август») оказывается той самой, увиденной ранее на сарьяновских полотнах:

Багровели холмы, солнце жарило рьяно,
Поднимался туман из лиловых низин.
Разгадал я секрет Мартироса Сарьяна
На дороге, несущейся в Эчмиадзин.

[Амирханян, 2022, 380]

Этот же сюжетный ход «постигаю страну = постигаю художника» – в «Красках Сарьяна» Леонида Вышеславского:

И я узнал доподлинно
художника умение
не в чинных залах выставки,
а здесь, в горах Армении!

[Амирханян, 2022, 464–465]

В ряде текстов образно-мотивная ситуация «Армения – понимание (открытие, видение) – Сарьян» усложняется: к мотиву восприятия картин добавляется мотив сомнения, а порой и недоверия.

У Сергея Орлова («Сарьян»):

В туманном граде Ленинграде,
Когда на выставках бывал,
Я, на его картины глядя,
Не очень краскам доверял.

[Орлов, 1973, 56]

У Елены Николаевской в стихотворении с посвящением Мартиросу Сарьяну «Когда ты застынешь в его мастерской...»:

Готов ты воскликнуть: –
Откуда берет
Он краски такие?
Откуда?..

[Амирханян, 2022, 374]

У Леонида Вышеславского («Краски Сарьяна»):

Смотреть на краски странные
нельзя без удивления.
Лазурь вот эта – выдумка,
снег на лазури – вымысел.
Немыслимую невидаль
художник людям вывесил!..

[Амирханян, 2022, 464–465]

Мотив недоверчивого отрицания всегда сменяется доминантным мотивом понимания, обретенного при знакомстве с Арменией живую:

<...> правда все, а не обман,
Как мир, в котором брал он краски.
Художник Мартирос Сарьян.

(Сергей Орлов «Сарьян») [Орлов, 1973, 56–57]

Одним из первых этот двуходовый комплекс мотивов (не верю в правдивость художника – увидев страну, им изображенную, поверил) по отношению к Сарьяну использовал, и не в поэтической форме, а в статье (1933), Анатолий Луначарский. «Между прочим, когда я любовался картинами Сарьяна, мне всегда казалось, что я стою перед полными вкуса, но чисто произвольными плоскостно-красочными композициями, полными странного и, так сказать, “неземного” обаяния. Но когда я побывал в Армении, почувствовал, что Сарьян реалист в гораздо большей мере, чем я это предполагал.

Едучи долгими часами по каменной равнине Армении, среди разноцветных и причудливых гор, под постоянным величественным белым благословением патриарха Арарата, и видя, как светит здесь солнце, какие рождает оно тени, как растут здесь деревья, движутся или покоятся животные или люди, – я внезапно увидел перед собой сарьяновские картины в живой действительности» [Луначарский, 1967]⁵.

Таким образом, генеральный мотив (он же – лирическая тема) ПРОЗРЕНИЯ / ПОСТИЖЕНИЯ творчества Сарьяна усложняется и образует микросюжет – серию четырех подчиненных мотивов: восприятие картин

⁵ Статья написана в мае 1933 года как предисловие к сборнику статей о Сарьяне (*неизданному*). Впервые – на армянском языке в газете «Гракан терт» (1934, № 2).

Сарьяна – сомнение и недоверие – личное знакомство с Арменией – понимание, прозрение.

Рассмотрим второй вариант развития сарьяно-армянского сюжета. Объектом прозрения может стать *Армения*. Тогда необходимым условием прозрения является *Сарьян*, его творчество. Перед нами зеркальный вариант ситуации: Армении невозможно понять во всей глубине и прелести, не увидев ее на картинах Сарьяна. Например, у Елены Николаевской в «Армении» живописное представление этой страны художником становится частью собственного видения:

Что бы ты не пил,
Где бы ты не был –
Будешь ты видеть синее небо,
Небо, что пахнет терпко и пряно,
Синее небо кисти Сарьяна.

[Амирханян, 2022, 370]

Порой русские поэты обостряют ситуацию тесной связи Армении и Сарьяна до парадокса: мотив-утверждение «Армения создала Сарьяна» «переворачивается», превращаясь в мотив-утверждение «Сарьян создал Армению».

Здесь не библейские поля –
Его сады, озера, звезды.
Им сотворенная земля.

(Орлов Сергей «Сарьян») [Орлов, 1973, 57]

Мысль о сарьяновском первоисточнике бытия Армения также не есть порождение художественного сознания русских поэтов. Французский критик Луи Воксель, автор вступительной статьи к каталогу одной из европейских выставок Сарьяна, писал: «Сначала Сарьян нарисовал Армению, а уже потом ее создал Бог»⁶. Афоризм «ушел в народ» и повторяется при каждом удобном случае.

Не углубляясь в вопросы первенства в создании образно-мотивного единства «Армения – Сарьян», выделим выявленную в ходе контекстуального анализа всех упоминаний имени художника смысловую доминанту «сарьяновского» цикла: Сарьян – художник Армении; зеркальный вариант: Армения – страна художника Сарьяна.

II. Отметим еще одну образно-мотивную ситуацию сарьяновского цикла – **«Искусство и жизнь во взаимоотношениях со временем»**.

Ее можно охарактеризовать как факультативную по отношению к отме-

⁶ Фраза (встречается также вариант: «Сначала величайший виртуоз Сарьян нарисовал Армению, а потом Бог создал ее») многократно повторяется в статьях, книгах, фильмах о М. Сарьяне с отсылкой к каталогу его персональной выставки, проходившей в январе 1928 года в парижской галерее Шарля Жирара.

ченной выше «Сарьян неразрывно связан с Арменией». В отличие от доминантной, которая повторяется часто и отличается индивидуально-национальным характером, факультативная ситуация универсальна и может быть описана как сложное взаимоотношение быстротекущей жизни и искусства. Художник принадлежит обоим мирам, он смертен как человек, с одной стороны, однако его произведения не подвержены времени, как творец он бессмертен.

Эта образно-мотивная ситуация зафиксирована нами в стихотворениях с выраженным присутствием поэтического экфрасиса определенного типа – с узнаваемым живописным прообразом. Именно поэтому, несмотря на универсальный в целом характер («искусство», «жизнь», «время»), ситуация обретает личное звучание («искусство Сарьяна», «жизнь Сарьяна»).

Так, в стихотворении Андрея Дементьева «Солнце Сарьяна» (1975) тема «искусство Сарьяна» представлена известным портретом Ильи Эренбурга. «В портрете Ильи Эренбурга (1959) – рассеянный взгляд из-под полуопущенных век, скептическая складка губ, резкие, тяжелые морщины. И вдруг, как взрыв, седой костер взметнувшихся волос, а дальше, в глубине фона – пляска лиловых гор, переплет разноцветных тканей, сложная гармония колорита, включающая и контрасты, и диссонансы, и отчаянные дуэли быстро меняющихся переходов ритма», – так характеризует картину известный специалист по творчеству Сарьяна, искусствовед Александр Каменский [Каменский, 1979, 43].

Поэтическое представление картины таково:

<...> тот портрет,
где Эренбург смотрел так странно,
как будто жаль ему Сарьяна,
который немощен и сед.

[Русская советская поэзия, 1982]

Портрет был написан осенью 1959 года. Сарьян вспоминал: «Я слушал Эренбурга, и передо мной раскрывалась, несмотря на кажущееся спокойствие его, мятежная и страстная душа одного из крупнейших писателей современности. И чем сильнее был этот контраст, тем выразительнее делались его глаза. Эти глаза должны были заговорить на холсте <...>»⁷.

В стихотворении Дементьева взгляд Эренбурга, действительно, становится говорящим, в нем – сочувствие художнику, осознающему, что подходит к концу его жизнь, страстно желанная, наполненная, как солнцем, творчеством.

А солнце наполняло дом.
Оно лилось в окно лавиной,
как будто шло к нему с повинной
за то, что будет жить ПОТОМ.

⁷ Мартирос Сарьян. Другу Армении // Воспоминания об Илье Эренбурге. URL: <https://biography.wikireading.ru/146591> (дата обращения: 20.01.2023).

Потом, когда его не будет.
Но будет этот небосклон,
и горы в матовой полуде,
и свет, идущий из окон.

[Русская советская поэзия, 1982]

Упоминание о портрете занимает четыре строки в 38-строчном стихотворении, включаясь в развитие центральной темы стихотворения – осознание художником неизбежности своего ухода из мира, который был столь страстно любим и столько раз воспет.

«О, только б жить!
На мир смотреть...
И снова видеть солнце в доме.
Ловить его в свои ладони
и вновь холсты им обогреть...»

[Русская советская поэзия, 1982]

Портрет, описанный «как живой», способный смотреть и чувствовать, – это произведение вдохновенного труда художника, героя поэтического рассказа. Кроме того, так обозначено присутствие писателя и публициста Ильи Эренбурга, которого с Сарьяном связывала долгая дружба⁸, тем самым актуализирован мотив понимания одного творческого человека другим: конечно человеческая жизнь, вечны природа и искусство.

Дементьев переосмысливает изображенное на картине в соответствии с выбранной темой, соотнося краткий, лишенный живописных подробностей экфрасис с идеей всего стихотворения. В данном случае для автора не имеет значения, что Эренбург, как реальный участник происходящего, совсем по-иному воспринимал работающего над его портретом художника, которому в ту пору исполнилось 85 лет: «М.С. Сарьян писал мой портрет, вспоминал прошлое, яростно проклинал людей, безразличных к искусству, и я видел не старого мастера, а юношу, который впервые восхищается охрой и кобальтом» [Эренбург, 1990, 257–258].

Образно-мотивная ситуация «искусство и жизнь» является смысловой основой стихотворения Владимира Рогова «Красота» (1963). В поэтические размышления об истинной красоте, неподвластной времени, автор вводит описание двух картин Сарьяна – портрета Анны Ахматовой (1946) и одного из его автопортретов (1942).

⁸ «Творчество художника заинтересовало Эренбурга еще в 1928 г. в Париже, когда о Сарьяне рассказал ему Шагал. А лично встретились они намного позже, в 1951 г. в Москве, на конференции сторонников мира. Позднее Эренбург посвятил искусству Сарьяна две статьи: в 1956 г. о большой персональной выставке художника в Москве и в 1960 г. (под названием “Неистовый Сарьян”) о его юбилейной выставке. <...>» [Сарьян, 2019, 97]. В 1965 году Эренбург написал дикторский текст к документальному фильму о Сарьяне.

Но красота предстанет без обмана
В лице Ахматовой, в лице Сарьяна.
[Рогов]

Еще раз мы встречаем указанную образно-мотивную ситуацию в стихотворении Сергея Шервинского «В мастерской Сарьяна». И здесь (как отмечалось у А. Дементьева и В. Рогова) композиционно-тематическое развитие обусловлено взаимодействием тем творчества и быстротечности человеческой жизни, старости:

Всмотрись в свидетельство жизни зрелой,
В бесстрашно-тройственный автопортрет,
Где юный, седеющий и поседелый, –
Всех краше в центре, под старость лет.
[Амирханян, 2022, 488]

Автопортрет, тройственный, возрастная градация (*юный, седеющий, поседелый*), композиционный ориентир (*в центре*) – не оставляющие сомнений указания на знаменитый автопортрет «Три возраста» (1943).

В единый автопортрет Сарьян свел изображения себя в разные периоды жизни. «В трех запечатленных обликах есть не только черты внешнего сходства, как у деда, отца и внука, но и близость, преемственность характеров и отношения к жизни. Всем трем присущи сосредоточенная воля, постоянное напряжение душевных сил, живейший интерес к действительности, к могучему, многоцветному потоку бытия» [Каменский, 1979, 10].

Сосредоточенную решимость, суровость центрального образа (Шервинским охарактеризован – *под старость лет*) в литературе о Сарьяне обычно связывают с обстоятельствами, в которых создавался автопортрет «Три возраста»: «<...> он датирован самым суровым годом Великой Отечественной войны, годом, когда все, кто мог, в том числе и сын Сарьяна, защищали Родину. Как же понимает стареющий художник свой жизненный долг, свое призвание? Он работает. Вся его жизнь – труд с кистью в руках и постоянные поиски истины. Мечтательный юноша, зрелый муж, старец – творческое напряжение не спадает, взгляд художника становится все более тревожным, пристальным...» [Лебедева, 1982, 166–168]. Затекстовая реалья – война – один из возможных источников истолкования эпитета *бесстрашно* у Шервинского (*бесстрашно-тройственный автопортрет*): «Сарьян долгое время не получал вестей от своего сына, бывшего на фронте. Переживания <...> отразились в облике художника, в обострившихся чертах его лица и тревожном взгляде. Но сквозь тревогу и мучительное раздумье проступает твердость духа <...>» [Михайлов, 1958, 56].

Искусствоведы не раз отмечали оригинальное творческое решение, позволившее автору преодолеть, казалось бы, неизбежную привязку живописного изображения к определенному моменту, подчиненность статичному временному фокусу. Текучесть времени на картине уравнивается неизменностью

пространства: «У трехфигурного портретного изображения первого плана – единый фон: далеко развернутый армянский пейзаж. Он придает полотну декоративное богатство и законченность, а кроме того, конечно, обладает глубоким символическим значением: это – родина, место жизни, неизменная тема творчества, источник красоты, бессмертная, вечно молодая земля – к ней-то понятие возраста вообще неприменимо» [Каменский, 1979, 40].

У С. Шервинского, как и в стихотворении В. Рогова, созерцание картины сопровождается размышлениями о том, что искусство противостоит времени и смерти, а старость не способна уничтожить истинную красоту. Сарьян на своем полотне запечатлел (цитирую Каменского) «не просто три физических возраста, но и три этапа духовного развития. <...> В молодости художник смотрит на жизнь с дерзкой, победной уверенностью, возмужав – с неспешным, трезвым раздумьем, а в богатырской своей старости – с той мудрой ясностью понимания, которая достойно венчает долгий путь труда и исканий» [Каменский, 1979, 40]. И эта мудрость – еще один источник *бесстрашия*.

В отличие от обостренного драматизма А. Дементьева (неизбежное наступление старости и смерти человека, продолжение жизни без него), В. Рогов и С. Шервинский единодушны (вплоть до синтаксического параллелизма высказываний) в том, что красота и старость – не взаимоисключающие понятия:

Всех лучше те, которым ум и гений
Сильней с годами озарят лицо! (В. Рогов)
[Рогов]

Всех краше в центре, под старость лет. (С. Шервинский)
[Амирханян, 2022, 488]

Таким образом, в «сарьяновском» корпусе русской поэзии выделяются три главные образно-мотивные ситуации:

1-я – ситуация (тема) *тождества Сарьяна и Армении*. Она реализуется в двух зеркальных мотивах: 1) Армения создала художника Сарьяна; 2) художник Сарьян создал Армению;

2-я – ситуация (тема) *прозрения, постижения*. Реализуется она тоже в двух вариантах: 1) лирический субъект постигает творчество Сарьяна, увидев Армению; 2) лирический субъект постигает Армению, познакомившись с творчеством Сарьяна. Эта ситуация (тема) постижения семантически главная в стихотворениях, потому что иллюстрирует внутреннюю трансформацию лирического субъекта, его преобразование;

3-я ситуация (тема) *старения*. Она реализуется одновременно в двух вариантах, проецируясь на жизнь и на искусство: 1) Сарьян-человек стареет, он смертен; 2) Сарьян-творец = его искусство не подвластно времени, бессмертно. Именно она и только она является универсальной лирической ситуацией, развивающей вечные темы жизни, смерти и искусства.

К формированию *Армянского текста* относятся только 1-я и 2-я ситуации, подчеркивающие взаимоотношения Армении и Сарьяна и необходимое

участие Сарьяна в постижении Армении лирическим субъектом. Перед нами универсальная модель превращения культурного знака в паттерн локального текста лирики.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханян М.Д. Армения в зеркале русской поэзии. Ереван: Копи Принт, 2022. 662 с.
- Андреев С.Н. Параметры Армянского текста ТЕПЛО и ХОЛОД: квантитативный анализ // Квантитативная лингвистика. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2023а. Вып. 10. С. 4–12.
- Андреев С.Н. Соотношение религиозной и военной лексики в армянском тексте: квантитативный подход // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023б. Т. 16, вып. 8. С. 2505–2510.
- Бубнова Н.В. Модель макро- и микроструктуры словаря имен собственных электронного ресурса «Армянский текст русской поэзии» // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 4(64). С. 58–67.
- Волошин М. М.С. Сарьян // Максимилиан Волошин. Собрание сочинений. Т. 5. М.: Эллис Лак 2000, 2007. С. 149–163.
- Дарвин М.Н. Русский лирический цикл: проблемы истории и теории. На материале поэзии первой половины XIX века. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 137 с.
- Каменский А.А. Этюды о художниках Армении. Ереван: Советакан грох, 1979. 229 с.
- Карасик В.И. Ереванская роза: символизация жизни и смерти в поэзии Семена Липкина // Человек – язык – дискурс: антропоцентрическая лингвистика и лингвистическая антропология: коллективная монография. Тверь: Тверской государственный университет, 2023. С. 86–95.
- Кешфидинов Ш.Р., Шафранская Э.Ф. Армянская кошениль и красный цвет Армении в русской словесности // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 4(64). С. 21–40.
- Кончаловская Н.П. Цвет: Стихи. М.: Сов. писатель, 1961. 88 с.
- Лебедева В.А. Мартирос Сарьян // Искусство Советского союза. Ленинград: Аврора, 1982. 690 с.
- Луначарский А.В. Художник Сарьян // Луначарский А.В. Об изобразительном искусстве. М.: Советский художник, 1967. Т. 2. С. 261–262.
- Мелетинский Е.М. Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 635. Тарту, 1983. С. 115–125.
- Михайлов А.И. Мартирос Сергеевич Сарьян. М.: Советский художник, 1958. 90 с.
- Орлов С.С. Верность. Стихи. М.: Современник, 1973. 80 с. («Новинки “Современника”»).
- Павлова Л.В., Романова И.В. Созвучие Сарьяна и Армении в восприятии русских поэтов // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 1(61). С. 5–18.
- Павлова Л.В., Романова И.В. «Цветная» составляющая частотного словаря «армянского текста» // *Literra*. 2022. № 12. С. 20–32.
- Потапова Е.В. «Армянский» VS «грузинский» локальные тексты: к вопросу о генезисе и путях развития. // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 4(64). С. 41–57.
- Рогов В. // Шарапова А. Рого-зинин, он же Владимир Рогов. URL: <https://stihi.ru/2009/11/16/7558> (дата обращения: 25.11.2022).
- Русская советская поэзия 50–70-х годов: хрестоматия / сост. И.И. Розанов. Минск: Вышэйшая школа, 1982. 703 с. Цит. по: URL: https://snegirev.ucoz.ru/index/andrej_dementev_izbrannoe_chast_1/0-1300 (дата обращения: 20.08.2023).
- Сарьян С. Мартирос Сарьян и русские писатели // Русская литература и журналистика в движении времени. Ежегодник 2018. Международный научный журнал. М.: МГУ, 2019. С. 82–105.

- Силантьев И.В. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
- Цубанова А.Н. Образ солнца в армянском тексте русской литературы // Родной язык в лингвокультурологическом аспекте: сборник научных статей. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2023. С. 552–562.
- Шафранская Э.Ф., Кешфидинов Ш.Р. Арарат – главный паттерн армянского текста в русской поэзии // Вестник славянских культур. 2023а. Т. 69. С. 176–188.
- Шафранская Э.Ф., Кешфидинов Ш.Р. Армянский транзит: художники как паттерн армянского текста в русской словесности // Поволжский педагогический поиск. 2023б. № 2(44). С. 123–134.
- Шафранская Э.Ф., Кешфидинов Ш.Р. Буквы Маштоца – паттерн армянского текста // Вопросы филологии. 2022. № 4(80). С. 31–35.
- Эренбург И. Люди. Годы. Жизнь. Воспоминания. В 3 т. М.: Советский писатель, 1990. Т. 3. 496 с.

L.V. Pavlova

*PhD in Philological Sciences, Doctor, Professor,
Chair of Literature and Journalism,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

I.V. Romanova

*PhD in Philological Sciences, Doctor, Professor,
Chair of Literature and Journalism,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

Figurative and Motivational Situations of the «Saryanov» Corpus of Russian Poetry

Figurative-motivic situations combine the consideration of frequency named entities with the motives assigned to them, which are repeated by different authors. This is how the patterns of the local text are formed. In this context, the figurative-motivic situations associated with the name of the artist Martiros Saryan are considered as one of the patterns of the Armenian text of Russian poetry. In the «Saryan» corpus collected by the authors of the article, two main figurative situations were identified: 1) epiphany, comprehension. It is implemented in two versions: a) the lyrical subject comprehends Saryan's work after seeing Armenia; b) the lyrical subject comprehends Armenia after getting acquainted with Saryan's work. This situation of comprehension is semantically central in the poems, because it illustrates the inner transformation of the lyrical subject, his transformation; 2) aging. It is realized simultaneously in two versions, projecting on life and on art: a) Saryan person grows old, he is mortal; 2) Saryan-creator, his art are timeless, immortal. This is a universal lyrical situation that develops eternal themes of life, death and art. Only the first situation refers to the formation of the Armenian text, emphasizing the necessary participation of Saryan in the comprehension of Armenia by a lyrical subject.

Keywords: *Russian poetry; Armenian local text; figurative-motivic situation; M. Saryan.*

REFERENCES

- Amirkhanian M.D. Armenia in the mirror of Russian poetry [Armenia v zerkale russkoi poezii]. Erevan: Kopi Print, 2022. 662 p. (in Russian).
- Andreev S.N. (a) Parameters of the Armenian text HEAT and COLD: quantitative analysis [Parametry Armianskogo teksta TEPLo i KhOLOD: kvantitativnyi analiz]. *Quantitative linguistics*, 2023a. Vol. 10, pp. 4–12 (in Russian).
- Andreev S.N. (b) Correlation of religious and military vocabulary in the Armenian text: a quantitative approach [Sootnoshenie religioznoi i voennoi leksiki v armianskom tekste: kvantitativnyi podkhod]. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 2023. Vol. 16, Issue 8, pp. 2505–2510 (in Russian).
- Bubnova N.V. Model of macro- and microstructure of the dictionary of proper names of the electronic resource “Armenian text of Russian poetry” [Model' makro- i mikrostruktury slovaria imen sobstvennykh elektronnoogo resursa “Armianskii tekst russkoi poezii”]. *Issues of Smolensk State University*, 2023, no. 4(64), pp. 58–67 (in Russian).
- Voloshin M. M.S. Saryan [M.S. Sar'ian]. Maksimilian Voloshin. Collected works [Sobranie sochinenii]. Vol. 5. Moscow: Ellis Lak 2000, 2007, pp. 149–163 (in Russian).
- Darvin M.N. Russian lyric cycle: problems of history and theory. Based on the poetry of the first half of the XIX century [Russkii liricheskii tsikl: problemy istorii i teorii. Na materiale poezii pervoi poloviny XIX veka]. Krasnoiar'sk: Krasnoiar'sk University, 1988. 137 p. (in Russian).
- Kamenskii A.A. Sketches about the artists of Armenia [Etiudy o khudozhnikakh Armenii]. Erevan: Sovetakan grokh, 1979. 229 p. (in Russian).
- Karasik V.I. Yerevan Rose: symbolization of life and death in Semyon Lipkin's poetry [Erevanskaia roza: simvolizatsiia zhizni i smerti v poezii Semena Lipkina]. *Man – language – discourse: anthropocentric linguistics and linguistic anthropology: collective monograph*. Tver: Tver State University, 2023, pp. 86–95 (in Russian).
- Keshfidinov Sh.R., Shafranskaia E.F. Armenian cochineal and the red color of Armenia in Russian literature [Armianskaia koshenil' i krasnyi tsvet Armenii v russkoi slovesnosti]. *Issues of Smolensk State University*. 2023, no. 4(64), pp. 21–40 (in Russian).
- Konchalovskaia N.P. Blossom: Poems [Tsvet: Stikhi]. Moscow: Sov. pisatel', 1961. 88 p. (in Russian).
- Lebedeva V.A. Martiros Saryan [Martiros Sar'ian]. Art of the Soviet Union [Iskusstvo Sovetskogo soiuzha]. Leningrad: Avrora, 1982. 690 p. (in Russian).
- Lunacharskii A.V. The artist Saryan [Khudozhnik Sar'ian]. Lunacharskii A.V. About fine arts [Ob izobrazitel'nom iskusstve]. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1967. Vol. 2, pp. 261–262 (in Russian).
- Meletinskii E.M. Semantic organization of mythological narrative and the problem of creating a semiotic index of motives and plots [Semanticheskaia organizatsiia mifologicheskogo povestvovaniia i problema sozdaniia semioticheskogo ukazatel'ia motivov i siuzhetov]. *Scientific notes of Tartu State University*. Vol. 635. Tartu, 1983, pp. 115–125 (in Russian).
- Mikhailov A.I. Martiros Sergeevich Saryan [Martiros Sergeevich Sar'ian]. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1958. 90 p. (in Russian).
- Orlov S.S. Loyalty. Poems [Vernost'. Stikhi]. Moscow: Sovremennik, 1973. 80 p. (“Novinki «Sovremennika»”). (in Russian).
- Pavlova L.V., Romanova I.V. The consonance of Saryan and Armenia in the perception of Russian poets [Sozvuchie Sar'iana i Armenii v vospriiatii russkikh poetov]. *Issues of Smolensk State University*, 2023, no. 1(61), pp. 5–18 (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. The «Color» component of the frequency dictionary of the «Armenian text» [«Tsvetnaia» sostavliaiushchaia chastotnogo slovaria «armianskogo teksta»]. *Litera*, no. 12, pp. 20–32 (in Russian).

Potapova E.V. «Armenian» VS «Georgian» local texts: on the question of genesis and ways of development [«Armianskii» VS «gruzinskii» lokal'nye teksty: k voprosu o genezise i putiakh razvitiia]. *Issues of Smolensk State University*, 2023, no. 4(64), pp. 41–57 (in Russian)

Rogov V. [Rogov V.] Sharapova A. [Rogo-zinin, on zhe Vladimir Rogov]. Available at: <https://stihi.ru/2009/11/16/7558> (accessed on 25 November 2022) (in Russian).

Russian Soviet poetry of the 50-70s. A textbook. Compiled by I.I. Rozanov [Russkaia so- vetskaia poeziiia 50-70kh godov. Khrestomatiiia. Sostavitel' I.I. Rozanov]. Minsk: Vysheishaia shkola, 1982. 703 p. (in Russian). Quoted by: https://snegirev.ucoz.ru/index/andrej_dementev_izbranoe_chast_1/0-1300 (accessed on 25 August 2023) (in Russian).

Sar'ian S.L. Martiros Saryan and Russian writers [Martiros Sar'ian i russkie pisateli]. *Russian literature and journalism in the movement of time. Yearbook*, 2019, no.1, pp. 82–105 (in Russian).

Silant'ev I.V. Poetics of motive [Poetika motiva]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004. 296 p. (in Russian)

Tsubanova A.N. The image of the sun in the Armenian text of Russian literature [Obraz solntsa v armianskom tekste russkoi literatury]. *Native language in linguoculturological aspect: collection of scientific articles*. Smolensk: Smolensk State University, 2023, pp. 552–562 (in Russian).

Shafranskaia E.F., Keshfidinov Sh.R. (a) Ararat – the main pattern of the Armenian text in Russian poetry [Ararat – glavnyi pattern armianskogo teksta v russkoi poezii]. *Bulletin of Slavic cultures*, 2023. Vol. 69, pp. 176–188 (in Russian).

Shafranskaia E.F., Keshfidinov Sh.R. (b) Armenian transit: artists as a pattern of the Armenian text in Russian literature [Armianskii tranzit: khudozhniki kak pattern armianskogo teksta v russkoi slovesnosti]. *Volga region pedagogical search*, 2023, no. 2(44), pp. 123–134 (in Russian).

Shafranskaya E.F., Keshfidinov S.R. The letters of Mashtots – the pattern of the Armenian text [Bukvy Mashtotsa – pattern armianskogo teksta]. *Questions of Philology*, 2022, no. 4(80), pp. 31–35 (in Russian).

Ehrenburg I. People. Years. Life. Memoirs: In 3 volumes [Liudi. Gody. Zhizn'. Vospominaniia: V 3-kh t.]. Moscow: Sovetskii pisatel', 1990. Vol. 3. 496 p. (in Russian).

И.А. Королева

*Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия*

УДК 811.161.1'373.232

DOI 10.35785/2072-9464-2024-65-1-34-44

ОБРАЗ МАЛОЙ РОДИНЫ В ЛИРИКЕ СОВРЕМЕННЫХ СМОЛЕНСКИХ ПОЭТОВ

Ключевые слова: *Смоленская поэтическая школа; образ малой родины; А.В. Македонов; Ю.В. Пашков; литературное объединение «Родник»; современная смоленская поэзия.*

В статье рассматривается вопрос об особенностях смоленской поэзии, в которой одним из главных мотивов является показ образа малой ро-

дины, родной Смоленщины. Определяются основные черты Смоленской поэтической школы, выделенные известным советским критиком, уроженцем Смоленска Адрианом Владимировичем Македоновым еще в 1960 году. Анализируется поэтическое творчество одного из самых ярких современных поэтов Смоленщины – Юрия Васильевича Пашкова. С опорой на мнение Македонова доказывается принадлежность Пашкова к последователям Смоленской поэтической школы, особенно одного из ее основателей – Николая Ивановича Рыленкова. Показывается деятельность Пашкова как организатора известного литературного объединения современной Смоленщины, которое названо по-этом «Родник». На примере анализа стихотворных строк некоторых представителей «Родника» отмечается тенденция продолжения показа образа малой родины в современной смоленской поэзии.

Смоленщина литературная и сегодня многогранна. Активно работают два отделения Союза писателей, причем эти региональные отделения достаточно многочисленны. Каждое издает интересные альманахи. Появилось третье – региональное отделение Всероссийской общественной организации «Российский союз писателей». Председатель правления, член Союза журналистов РФ, с 2021 года выпускает альманах «Время творцов». Желаящие поэты могут публиковаться в частном журнале «Смоленский литератор». Есть также много областных и районных литературных объединений.

Особо выделяется среди всех объединений Смоленское литературное объединение «Родник», которому в 2020 году исполнилось 40 лет и которое после смерти его основателя, известного смоленского поэта Юрия Васильевича Пашкова (2017 год), носит его имя. Первое заседание «Родника» состоялось 30 мая 1980 года, и вот как описывает его сам Юрий Васильевич: «Закончился рабочий день. Дом советов опустел. А я стоял на первом этаже в вестибюле у окна и смотрел на площадь с чувством, в котором смешались надежда и сомнение: придут или не придут? Накануне в местной молодежной газете “Смена” было напечатано объявление о том, что 30 мая 1980 года в помещении редакции состоится первое, организационное заседание литобъединения. Приглашаются все желающие. Вот я и ждал их, этих желающих. Придут ли они? В окно я увидел, что справа и слева к Дому Советов потянулись один за другим люди. У меня отлегло от сердца. Я встречал их, как желанных гостей» [Антология, 2006, 3].

Так образовалось литературное объединение, которое получило имя «Родник» и стало одним из самых известных на Смоленщине.

Воспоминания Пашкова, опубликованные к 30-летию «Родника», очень информативны, сердечны и смотрят в будущее. Он описал, как поддержал «Родник» редактор «Смены» М.И. Великанов: дал возможность еженедельно собираться в редакции, завел в газете литературную страничку для публикаций родниковцев. На заседания приходили преподаватели пединститута, рассказывали о русской литературе и критике, слушали и разбирали стихи участников.

В «Роднике» бывали В.С. Баевский, Т.К. Полякова, Э.Д. Удальцова. Поддерживали связь с объединением Вера Иванова, Нина Семенова, Раиса Ипатова... «Родник» креп и развивался [Антология, 2006, 7–9]. Появилось свое издание – литературно-художественный альманах «Родник». Сегодня заседания проходят в областной библиотеке им. А.Т. Твардовского. Литературная гостиная два раза в месяц ждет эти творческие заседания литературного общения и новых стихов. Меняется состав «Родника». Некоторые пишут для себя, некоторые уже стали членами союзов писателей. Владимир Макаренков возглавляет региональное отделение Союза писателей России. Иных уж нет, а те далече... Но «Родник» по-прежнему мощная струя смоленской поэзии, и в настоящей статье мы хотим обратить внимание на образ малой родины в произведениях родниковцев, рассмотреть, являются ли некоторые авторы продолжателями традиций уникального литературного объединения, выявленного известным советским критиком Адрианом Владимировичем Македоновым и названного им «Смоленская поэтическая школа» [Македонов, 1960].

Выделив смоленскую поэтическую школу (Македонов не писал название с большой буквы), критик назвал и трех ее основоположников – великих А.Т. Твардовского, М.В. Исаковского и Н.И. Рыленкова.

При всей многогранности творчества каждого из трех «китов» смоленской поэзии критик высветлил то общее, что объединяет мастеров слова и позволяет говорить о «смоленских» особенностях в советской поэзии. Есть много публикаций на эту тему, и наших в том числе [Баевский, 2006; Ильин, 2000; Королева, 2010; Котова, 2010 и др.], мы просто еще раз коротко сформулируем постулаты школы, чтобы попробовать обосновать наличие этих особенностей в стихах современных смоленских поэтов, связанных с литературным объединением «Родник».

Так, лирика наших великих поэтов-смолян глубоко народна. Можно сказать, что это далеко не только смоленская черта творчества, но и общерусская. Однако смоляне народность показывали через создание образов новых людей-тружеников, строителей нового общества, людей простых специальностей, в основном сельских. Их трудовые будни прославляли и родную Смоленщину, и всю большую советскую страну. В стихах разворачивается «новая география жизни» [Македонов, 1960, 10]. Тесно связан с человеком-тружеником образ дороги, новой дороги светлого будущего, присутствующий у представителей Смоленской поэтической школы.

Воспеваются конкретные люди определенных профессий; часто у героев нет имен, но хорошо видится их труд: скотники, хлеборобы, доярки, пастухи... Потом появляются герои военных дорог, еще позднее – новостроек. И все они конкретны, зримы, достоверны, в стихах «поэтическая правда» [Македонов, 1960, 17].

Точна и конкретна местность, где развивается действие. «Отсюда этот особый пафос Смоленщины и смоленского землячества, дух местности – не

только в повествовательной поэзии, но и лирической» [Македонов, 1960, 17]. Своеобразный микровывод: новый герой Смоленской поэтической школы – строитель и путник, который любит свою малую родину – родную Смоленщину – и одновременно шагает по дорогам большой родины. Центр притяжения – Москва!

Особенность стиха смолян состоит в том, что в него органически, по словам Македонова, включаются темы, предметы, детали, которые раньше характерны были только для прозы. Органически соединяются приемы показа прозаического и лирического в одном тексте как единое целое [Македонов, 1960, 27].

Особо хочется отметить своеобразие лирики Рыленкова, так как в этом же духе развивалось творчество основоположника «Родника» – Юрия Васильевича Пашкова. Как пишет критик, «поэзия Рыленкова – это прежде всего поэзия душевного товарищества, дружбы нового человека с родной природой и людьми, светлой задумчивости» [Македонов, 1960, 32]. Македонов в своей переписке с Пашковым подробно освещает сходство поэзии основоположника «Родника» и великого певца Смоленщины – Николая Ивановича Рыленкова. Но прежде мы хотели бы обратить внимание на общую характеристику творческого пути Ю.В. Пашкова. Поэт родился в 1930 году в Костроме. После переезда семьи на Смоленщину в городе Рославле закончил школу с золотой медалью; там же стал публиковать первые стихи в местной газете. В 1953 году после окончания учебы на филологическом факультете МГУ приехал в Смоленск и стал работать в областных газетах «Смена» и «Рабочий путь». С 1970 по 1980 год был ответственным секретарем Смоленской писательской организации. Первый сборник стихов «Земная радость» вышел в 1959 году и стал событием в культурной жизни Смоленска. С 1980 по 2010 год был бессменным руководителем созданного им литературного объединения «Родник», которое теперь носит его имя.

Не стоит перечислять все сборники стихов, изданные в Смоленске и Москве, упоминать многочисленные центральные литературные журналы, где публиковались стихи Юрия Васильевича. Ниже отметим лишь некоторые, связанные с родной Смоленщиной. У Пашкова есть и исторический роман «Осада», и сборник преданий, легенд и притч «Имя для камня», он также автор великолепных прозаических произведений, которые вошли в посмертную книгу «Первое свидание». Писал он и детям – например, детская книга «Смелый щенок».

Юрий Васильевич Пашков – лауреат Всероссийской премии им. А.Т. Твардовского (1998), Всероссийской литературной премии им. Н.А. Заболоцкого (2005), почетный гражданин Смоленска (2007). В 2017 году именем Ю.В. Пашкова названа социальная библиотека № 8 г. Смоленска [Антология, 2006, 10; Смоленская область, 2001, 189].

Далее мы хотим представить мнение самого А.В. Македонова о творчестве Ю.В. Пашкова. Основано оно на анализе переписки двух смолян, хранящейся в Литературном музее СмолГУ [Архив, ф. 7]. Там содержатся частные

письма критика, адресованные Пашкову и относящиеся к 70–80-м годам XX века. Начало переписки – 18 мая 1975 года, конец – 30 мая 1984 года. Это время, когда Юрий Васильевич входил в московские издательства, и Македонов помогал ему, писал рецензии на сборники и отдельные стихи, буквально по строкам разбирая многие произведения. Безусловно, дружеские, но высоко-профессиональные замечания помогали поэту, направляли его творческую мысль, оценка Македонова реально определяла творческий путь Пашкова. Адриан Владимирович был серьезной московской поддержкой смоленского поэта. Такое общение в определенной мере вдохновило Пашкова на создание «Родника»: он хотел стать таким же доброжелательным наставником для молодых смолян, помогать им в развитии творческого потенциала.

Вот краткий пересказ первого письма Македонова Пашкову, где он дает оценку стихов смоленского поэта. Адриан Владимирович высказывает свое мнение о книге стихов, переданной ему от Пашкова. Общее впечатление – книга очень понравилась, за исключением некоторых стихотворений. Представлен и конкретный анализ отдельных стихов и строк. Например, прекрасно воспринимается миниатюра – зарисовка «Ветер пахнет сырными хлебами...». Настоящее, искреннее чувство любви к сельским просторам, к труду хлеборобов. Прямая цитата: «Вы явно связаны наследием Рыленкова, но это не эпигонство: есть свой голос, свой путь». Македонов отмечает смелые и удачные сравнения предметных и психологических рядов: светится блекло дорога отражением жизни земной, земля как отбитая память. Великолепный образ: «Дождик-ежик забился в кусты». Критик считает, что Пашкову особенно удаются лирические пейзажи, конкретные зарисовки-эпизоды, навеянные непосредственным впечатлением и переживанием, иногда переживания – размышление о сельском труде, прекрасной природе Смоленской земли. Прямая цитата: «Ваши интонации, хотя и продолжают в чем-то интонации Рыленкова, но это – Ваши интонации, и в них слышны точное живое слово, задушевное, хотя и сдержанное высказывание, размышление».

Не цитируя далее, мы только отметим, что это рецензия на сборник «Соколя гора» 1974 года. Как видим, оценка сугубо положительная. Македонов считает Пашкова продолжателем Рыленкова, что вполне объяснимо: именно Рыленков был наставником Пашкова, помогал ему в Смоленске, давал советы по отбору стихов, частично редактировал тексты. И вместе с тем Пашков, по утверждению Македонова, имеет свой путь в поэзии.

Еще на один сборник стихов «Хлебозор», изданный в Москве в издательстве «Московский рабочий», дает рецензию Македонов в письме от 27 января 1977 года [Архив, ф. 7, ед. хран. 2, 47–47 об.]. Критик пишет, что его обрадовали новые стихи, которые уже достигли полной зрелости. Пашков, по мнению Македонова, вышел далеко за рамки «деревенских исто-

ков», но сохранил при этом редкостное чувство земли. Все более укрепляется в стихах индивидуальная, авторская духовность. Много смелых и точных метафор-ассоциаций.

Читал критик и подборки стихов в центральных журналах. Так, он анализирует подборку в «Октябре» [Архив, ф. 7, ед. хран. 2, 53 от 26 июня 1983 года]. Отмечается, что все стихи понравились, кроме стихотворения «Наташа», в котором излишне выражены несколько штампованные сентиментальные мотивы.

Еще одно письмо Македонова [Архив, ф. 7, ед. хран. 2, 57–57 об. от 28 ноября 1984 года]; в нем он дает оценку подборки стихов Пашкова в «Юности». Критик пишет о поэтических достоинствах текстов: «Есть настоящая поэтическая мысль, сжатость, подчас афористичность, метафоричность, психологическая углубленность, неожиданные и хорошо освещающие повороты-концовки...» Он еще раз называет поэта продолжателем дела Твардовского и Рыленкова. «Они и Вы в том числе следуете завету, что землю невозможно обмануть.

Обратимся к анализу стихов из одного, пожалуй, самого «смоленского» сборника «Колосяница» (1975), вышедшего в издательстве «Московский рабочий». Уже в аннотации прямо говорится, что в стихах много деталей, конкретности описания, деревенской жизни, природы, сельских тружеников. Это стихи о душевной красоте и доброте русского человека труда. В лирических строках показана неброская красота родной Смоленщины, чувствуется любовь к отчей земле.

Вот, например, стихотворение «Моя деревня – Седаково...». Небольшая, дворов 50, деревенька. Все соседи – родные, можно заходить в любой дом.

Меня учили жить по правде,
Она – начало всех начал.
Я без расчета силы тратил
И без корысти выручал.
Как будто в отрочестве раннем
На все вокруг имел права,
Не чувствуя границ и граней
Семьи, знакомства и родства.

[Пашков, 1975, 9]

Именно в такой родной деревне:

Выйдешь в поле – хлеб волной накатит.
Разотрешь в ладонях колос ржи:
Нынче жито сочного налива!

[Пашков, 1975, 8]

Это родная земля. Та, которую видел и воспевал Н.И. Рыленков.

Строки многих стихов настолько красивы, что их трудно разбирать пословно:

От поляны до другой поляны
 Над безлистненным березняком
 Машет зорька рушником багряным,
 Обвевая ветром-свежаком.
 Оттого ты, зоренька, красива,
 Оттого зазывно так цветешь,
 Что не в небе, не в пустом раздолье,
 А из нашей выросла земли:
 Лучшее во всей округе поле
 Мы тебе за рощей отвели.

[Пашков, 1975, 51]

Удивительное авторское олицетворение – свидетельство большой любви к родной Смоленской земле!

«Поле – это эхо твоей души», – пишет Ю.В. Пашков.

Стара земля, да не скупа:
 Все отдает легко:
 И пьют зеленые хлеба
 Земное молоко.

[Пашков, 1975, 71]

Именно о таких неожиданных авторских метафорах говорил Македонов, отмечая талант смоленского поэта.

Деревенские люди добры, отзывчивы и трудолюбивы: помогают одинокой соседке всей «толокой». Об этом говорится в стихотворении «Узнали все, что ей на свете недолго остается жить...» [Пашков, 1975, 79]; трудолюбивых сельчан не оставляет лето; жизнь улыбнется каждому земляку, который на улыбку улыбкой ответит («Дорога» [Пашков, 1975, 90]). В 1992 году в Москве в издательстве «Современник» вышел сборник стихов Юрия Пашкова, который так и называется – «Люди добрые». Тетя Паня – гостеприимная хозяйка, у которой «с приветливого слова берет начало дом» [Пашков, 1992, 14]. Старушки, которых председатель, как сват, приглашает на страду, – настоящие героини-труженицы (Наступает страда...) [Пашков, 1992, 16–17]). Неземная красота природы в деревне Луна [Пашков, 1992, 21]. Пастух, под дождем пасущий стада, восхищается буйными травами и заливными лугами [Пашков, 1992, 46]. И еще много добрых и трудолюбивых земляков нарисовано поэтом на страницах сборника. Одна из последних зарисовок – дочка выводит больную мать, которую она подняла на ноги, забыв про дискотеки и кино [Пашков, 1992, 77]. Беда отходит, если в родном доме на родной земле с тобой рядом родные люди [Пашков, 1992, 81]!

Теперь обратим внимание на творчество некоторых родниковцев, которые, на наш взгляд, уже имеют определенные успехи и не случайны в поэзии.

Николай Славович Мамедов. Член российского союза писателей, участник нескольких конкурсов, номинант литературного конкурса им. Василия Теркина. Закончил исторический факультет Смоленского университета, получил второе экономическое образование, ветеран боевых действий.

Работал сельским учителем, в сфере культуры. Учится в духовной семинарии. Уроженец Кардымовского района Смоленской области. Обратимся к его последним стихам в цикле «Смоленское время».

Стихи о Смоленске имеют достаточно высокий литературный уровень, некоторые рекомендованы для участия в литературном конкурсе им. Василия Теркина. В строках ощущается горячая личная любовь к родному городу, который показывается с разными коннотациями. Смоленск – город-воин, город-ключ, столицы старший брат. Смоленск всегда обновляется и восстанавливается, как его символ – птица Феникс, из пепла военных пожаров.

Смоленск – «город множества церквей». Храмы – это духовная составляющая города.

Смоленск – город-труженик.

Трудись, Смоленск, и расцветай,
Отчизны славу умножай!

«Смоленску» [Антология, 2006, 210–211]

Мотивы поэтов Смоленской поэтической школы находим в стихотворении «Милая моя Родина»:

Кардымово есть на Смоленской земле.
Родиться в нем выпало счастье и мне.
И вроде ничем не приметно оно,
И даже с чудинкой название его,
Но все же милее вовек не сыскать.
Родное Кардымово, ты мне как мать!

[Антология, 2006, 212]

Попутно обратим внимание на название Кардымово. Оно связано со старинным словом «карда», что означало «дальний двор, хлев или загон для скота». От него возникло прозвищное имя, называющее хозяйственного работника, скотника. Возможно, первопоселенцы Кардымова занимались разведением скота [Будаев, 2009, 117].

Мотивы родной Смоленщины пронизывают многие стихи Мамедова; в чем-то ощущается своеобразная переключка и с Рыленковым, и с Пашковым:

Смоленская глубинка,
Родная сторона,
Задумчивые хаты,
Подгнившие с угла.
Ракиты над рекою,
Заросшие пруды
И в мелком редколесье
Осенние грибы.
Печальная картина,
Но сердцу ты мила,
В любви меня взрастила
Родная сторона.

«Смоленщина» [Антология, 2006, 215]

Конкретные детали неброской смоленской земли, роднее которой для автора нет. Просматривая альманахи «Родника», мы заметили, что почти все его участники отдадут дань своему учителю, Ю.В. Пашкову, и родной Смоленщине. Возможно, не все профессионалы в поэзии, но все энтузиасты. На наш взгляд, своеобразная просветительская роль студии – это одно из самых больших ее достижений, большая заслуга основателя, Юрия Васильевича Пашкова, достойного представителя уникальной Смоленской поэтической школы, которая и сегодня в действии.

Итак, можем подвести краткий итог нашей статьи и сделать некоторые выводы.

Современная Смоленщина – поэтический край, в котором активнейшим образом действуют три отделения российских поэтических союзов, существуют около 30 поэтических студий и литературных организаций, среди которых известны и за пределами региона такие, как «Персона», «Истоки», «Смоленская сторонка» и др. Одна из самых многочисленных – Смоленское областное литературное отделение «Родник», созданное более 40 лет назад известным смоленским поэтом Ю.В. Пашковым. Регулярно выходит литературно-художественный альманах «Родник», популярное и читаемое издание.

Юрий Васильевич Пашков – один из самых успешных современных писателей Смоленщины. Российский литературовед и критик Адриан Владимирович Македонов, смолянин по рождению, еще в 1960 году обозначивший особую Смоленскую поэтическую школу, прямо называет Пашкова ее представителем, своеобразным продолжателем традиций Н.И. Рыленкова, считающегося одним из трех основоположников Смоленской поэтической школы. Анализ творчества Пашкова четко выявляет рыленковские мотивы и близость языка при всей самобытности творчества Пашкова.

Многие современные родниковцы постоянно участвуют в различных поэтических конкурсах как на Смоленщине, так и за ее пределами. Постоянно издается литературно-художественный альманах «Родник». Широкая просветительская деятельность объединения активно поддерживает литературную жизнь Смоленской области.

ЛИТЕРАТУРА

- Антология. Поэзии живой родник. Смоленск: Универсум, 2020. 320 с.
Архив Литературного музея СмолГУ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 2.
Баевский В.С. Смоленская поэтическая школа в портретах. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2006. 136 с.
Будаев Д.И., Махотин Б.А. Топонимический словарь Смоленской области. Смоленск: Смядынь, 2009. 352 с.
Ильин В.В. Смоленская поэтическая школа в действии. Кануны. Свершения. Перспективы // Творчество М.В. Исаковского, А.Т. Твардовского, Н.И. Рыленкова в контексте русской и мировой культуры. Смоленск: СГПУ, 2000. С. 3–16.
Королева И.А. А.Т. Твардовский и Смоленская поэтическая школа: через призму имен собственных. Смоленск: Смядынь, 2010. 156 с.

Королева И.А. Македонов-критик в эпистолярном дискурсе 70–80-х годов XX века // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 1(45). С. 61–70.

Котова Э.Л. Истоки гипотезы о Смоленской поэтической школе // А.Т. Твардовский и Смоленская поэтическая школа. К 100-летию со дня рождения поэта: сборник статей. Смоленск: Смядынь, 2010. С. 4–14.

Македонов А.В. Очерки советской поэзии. Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1960. 244 с.

Мамедов Н. Смоленское время // Время творцов. Литературный альманах Смоленского регионального отделения Российского союза писателей. Кн. 4. Смоленск: ИП Суркова Н.Н., 2021. С. 210–219.

Пашков Юрий. Колосаяница. Книга стихов. М.: Современник, 1975. 94 с.

Пашков Юрий. Люди добрые. Стихотворения. М.: Современник, 1992. 79 с.

Смоленская область Энциклопедия. Персоналии. Т.1. Смоленск: СГПУ. 2001. 303 с.

I.A. Koroleva

*PhD in Philological Sciences, Doctor, Professor,
Chair of the Russian Language,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

The Image of the Small Homeland in the Lyrics of Modern Smolensk Poets

The article examines the question of the peculiarities of Smolensk poetry, in which one of the main motives is to show the image of the small homeland, the native Smolensk region. The main features of the Smolensk poetic school, highlighted by the famous Soviet critic, native of Smolensk Adrian Vladimirovich Makedonov back in 1960, are determined. The poetic work of one of the brightest modern poets of the Smolensk region – Yuri Vasilyevich Pashkov – is analyzed. Based on the opinion of Makedonov, it is proved that Pashkov belongs to the followers of the Smolensk poetic school, especially one of its founders, Nikolai Ivanovich Rylenkov. The activity of Pashkov is shown as the organizer of the famous literary association of the modern Smolensk region, which was named by the poet «Spring». Based on the example of the analysis of the poetic lines of some representatives of «Rodnik», a tendency to continue to show the image of the small homeland in modern Smolensk poetry is noted.

Keywords: *Smolensk poetic school; the image of a small homeland; A.V. Makedonov; Yu.V. Pashkov; literary association «Spring»; modern Smolensk poetry.*

REFERENCES

Anthology. Poetry is a living spring [Antologiya. Poezii zhivoj rodnik]. Smolensk: Univer-sum, 2020. 320 p. (in Russian).

Archive of the Smolensk Literary Museum of Smolensk State University [Arhiv Smolenskogo literaturnogo muzeya SmolGU]. Library holdings 7, Inventory 1, Storage unit 2.

Baevsky V.S. Smolensk poetic school in portraits [Smolenskaya poeticheskaya shkola v portretah]. Smolensk: Smolensk State University, 2006. 136 p. (in Russian).

Budaev D.I., Makhotin B.A. Toponymic dictionary of the Smolensk region [Топонимический словарь Смоленской области]. Smolensk: Smyadyn, 2009. 352 p. (in Russian).

Plyin V.V. Smolensk poetic school in action. Eves.Accomplishments. Prospects [Smolenskaya poeticheskaya shkola v dejstvii. Kanuny. Sversheniya. Perspektivy]. *Creativity M.V. Isakovskiy, A.T. Tvardovsky, N.I. Rylenkov in the context of Russian and world culture*. Smolensk: Smolensk State Pedagogical University, 2000, pp. 3–16 (in Russian).

Koroleva I.A. A.T. Tvardovsky and the Smolensk poetic school: through the prism of proper names [Tvardovskij i Smolenskaya poeticheskaya shkola: cherez prizmu imen sobstvennyh]. Smolensk: Smyadyn, 2010. 156 p. (in Russian).

Koroleva I.A. Makedonov-critic in epistolary discourse of the 70-80s of the twentieth century [Makedonov-kritik v epistolyarnom diskurse 70–80-h godov HKH veka]. *Issues of Smolensk State University*, no. 1(45), 2019, pp. 61–70 (in Russian).

Kotova E.L. The origins of the hypothesis about the Smolensk poetic school [Istoki gipotezy o Smolenskoj poeticheskoy shkole]. *A.T. Tvardovsky and the Smolensk poetic school. To the 100th anniversary of the poet's birth. Collection of articles*. Smolensk: Smyadyn, 2010, pp. 4–14 (in Russian).

Makedonov A.V. Essays on Soviet poetry [Istoki gipotezy o Smolenskoj poeticheskoy shkole]. Smolensk: Smolensk Book Publishing House, 1960. 244 p. (in Russian).

Mamedov N. Smolensk time [Smolenskoe vremya]. *Time of creators. Literary almanac of the Smolensk regional branch of the Russian Union of Writers*. Book 4. Smolensk: Private entrepreneur Surkova N.N., 2021, pp. 210–219 (in Russian).

Pashkov Yuri. Kind people. Poems [Lyudi dobre. Stihotvoreniya]. Moscow: Sovremennik, 1992. 79 p. (in Russian).

Pashkov Yuri. Kolosyanitsa. Book of poems [Kolosyanica.Kniga stihov]. Moscow: Sovremennik, 1975. 94 p. (in Russian).

Smolensk region Encyclopedia.Personalities [Smolenskaya oblast' Enciklopediya. Personalii]. Vol. 1. Smolensk: Smolensk State Pedagogical Institute. 2001. 303 p. (in Russian).

В.А. Карнюшин, Н.А. Малофеев

Смоленский государственный университет

Смоленск, Россия

УДК 82.091

DOI10.35785/2072-9464-2024-65-1-44-54

**ПУШКИНСКИЕ СТРАНИЦЫ
ИСТОРИКО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ РОМАНИСТИКИ
Б.Л. ВАСИЛЬЕВА**

(по роману «Картежник и бретер, игрок и дуэлянт»)

Ключевые слова: *Борис Васильев; роман «Картежник и бретер, игрок и дуэлянт»; «олексинский цикл»; образ Пушкина как инструмент раскрытия образа героя.*

Предметом исследования в статье стал образ А.С. Пушкина как источник уникальной информации в границах биографии писателя, позволяющий провести исторически точное литературоведческое исследование и выдвинуть новое предположение о прототипе героя произведения.

В качестве материала для анализа был взят роман «Картежник и бретер, игрок и дуэлянт», открывающий «олексинский цикл» произведений

Б.Л. Васильева. Характерная черта «Саги об Олексиных» – сложная, разветвленная система персонажей. Благодаря исследованию «пушкинской» сюжетной линии романа удалось выдвинуть предположение о прототипе героя произведения и доказать его, опираясь на архивные материалы переписки А.С. Пушкина и его современников.

Творческий интерес к проблеме прообраза героя обусловлен оригинальным финалом романа. Целью исследования стало определение прототипа героя романа.

Своеобразие творческого пути Бориса Васильева заключается в широком круге охваченных тем. Историческая линия произведений (с Древней Руси и до конца XX века) – самая объемная, и, конечно, главным ее достоянием является «олексинский цикл», включающий в себя пять книг: «Картежник и бретер, игрок и дуэлянт» (1998), «Были и небыли» (1978, 1980), «Дом, который построил Дед» (1993), «Утоли моя печали» (1999), «Вам привет от бабы Леры» (1984) («Ровесница века» – повторно вышел в издательстве «Вагриус» под общим названием «Сага об Олексиных», 2006 год).

«Сага об Олексиных», как сам автор называл эту серию романов, – история, основанная на семейной хронике Б.Л. Васильева, с охватом более чем полуторавекового отрезка. Действие романа «Картежник и бретер, игрок и дуэлянт», который открывает цикл, происходит в первой половине XIX века, а заключительное произведение «Вам привет от бабы Леры» («Ровесница века») завершается во второй половине прошлого века. Эпопея повествует не только о сложных и переломных моментах русской истории, но и о поиске нравственных ценностей и жизненного пути человека.

Борис Васильев – «летописец» собственного рода: за основу цикла он взял историю своих предков со стороны матери, дворянки Алексеевой (Тихоновой). Из-за немногочисленных писем и документов, которые могли бы прояснить некоторые моменты романа в соотношении с событиями действительности, общее представление в историческом контексте выглядит достаточно туманным. Научных трудов, на основе которых можно было бы построить наше исследование, не так много: крупнейшим литературоведом в области творчества Б.Л. Васильева в России является Владимир Анатольевич Карнюшин, ряд статей и монографий которого был использован в ходе работы. Кроме него китайская исследовательница Цзяо Юэмэй рассматривала творчество Бориса Васильева в диссертации «Литературная мысль Б.Л. Васильева и ее воспитательное воздействие на подрастающее поколение в свете экофеминистской литературной критики», в которой не был проанализирован историко-автобиографический аспект творчества писателя, поэтому данный материал не представляет для нас интереса в границах заявленной темы.

Историко-автобиографический затекст всего «олексинского цикла» малоизучен. Характерной чертой саги является сложная, разветвленная генеалогическая система как в контексте произведений, так и в контексте биографии Б.Л. Васильева, на основе которой было построено повествование. Научная новизна работы заключается в глубоком, исторически точном изучении связей современников и членов семьи Алексеевых, результатом чего стали новые предположения не только о достоверности, но и о точности использованных Б.Л. Васильевым материалов. Исходя из этого, стоит сказать об актуальности научного исследования, которая заключается непосредственно в дополнении теоретических данных новым историческим материалом, позволяющим по-новому взглянуть на модель создания всего цикла произведений в целом и в частности на предмет настоящего исследования – роман «Картежник и бретер, игрок и дуэлянт».

«Картежник и бретер, игрок и дуэлянт» – роман, где частная история героя неотделима от истории России. Александр Олексин – молодой поручик, дворянин, попавший в ссылку за неудавшуюся дуэль с отцом своей возлюбленной. Отправленный за это в Бессарабию, он встречается с Пушкиным и заводит с ним крепкую дружбу. Поэт становится наставником для юного товарища и даже готовит его к очередной дуэли. Именно Олексину Пушкин оставляет рукопись запрещенного цензурой «Андрея Шенье», которая впоследствии стала роковой в судьбе героя. Наряду с жизненными перипетиями разворачивается и любовная линия романа: пытаюсь забыть самую большую любовь своей жизни, Анечку, Александр Олексин решает жениться на ее двоюродной сестре Полине, беззаветная любовь которой пережила ее. В финале романа герой встречается с Анечкой, чтобы не расстаться уже никогда.

Прототипом героя, Александра Ильича Олексина, выступил, возможно, прадед писателя – Николай Сергеевич Алексеев, который действительно познакомился с великим поэтом во время ссылки в Кишиневе и которому Пушкин оставил рукопись «Андрея Шенье». Однако проверить достоверность использованных Васильевым материалов достаточно сложно: семейный архив сгорел в 1941 году, а сам автор, говоря о знакомстве прадеда с Пушкиным, ссылается на слова Н.Я. Эйдельмана [Карнюшин, 2003, 72] и историка П.А. Зайончковского¹. В работе В.А. Карнюшина «Чтобы услышать голос прошлого. “Смоленские страницы” прозы Бориса Васильева», помимо этого, есть указание на два письма из переписки Пушкина с Алексеевым, опубликованные в двухтомнике «Друзья Пушкина: переписка, воспоминания, дневники». Они доказывают действительную связь Н.С. Алексеева с Пушкиным. Конечно, этих данных недостаточно, чтобы уверенно говорить о достоверности сведений.

¹ В частности: Васильев Б.Л. Из истории рода Олексиных // Были и небыли. М.: Вагриус, 2004. С. 5–8.

Однако стоит сказать, что есть и другие материалы, которые могут служить подтверждением слов Б.Л. Васильева. Так, в работе Викентия Вересаева «Пушкин в жизни», представляющей собой систематический свод подлинных свидетельств современников, мы находим неоднократные упоминания фамилии Алексеев, фрагменты переписки о роковом «Андрее Шенье» и протоколы допросов как самого поэта, так и его ближайших товарищей. Далее, основываясь на использованных Вересаевым документах с последующей их проверкой, мы можем прийти к заключениям относительно того, кто же все-таки выступил прототипом образа Александра Олексина.

В седьмой части «Записок» Ф.Ф. Вигеля, отрывки из которых публикует Вересаев [Вересаев, 2022, 340], автор упоминает свою сестру Алексееву и ее старшего сына, который был арестован и передан следствию задержание у себя стихов Пушкина: «...он схвачен и под караулом отправлен в Москву. Вот что случилось. Кто-то еще в марте дал ему какие-то стихи, будто Пушкина, в честь мятежников 14 декабря²; у него взял их молоденькой гвардейский конно-пионерный офицер Молчанов, взял и не отдавал, а тот об них совсем позабыл».

После допроса Молчанова за Алексеевым и Пушкиным были посланы «гонцы». Поэта потребовал в кабинет сам император, которому Пушкин объяснил, что найденные строки были написаны за пять лет до декабрьского восстания³ и не являются злободневным прославлением бунта.

По словам Вигеля, Алексеева ждала другая участь: «Алексеев, который не хотел или, лучше сказать, не мог назвать того, кто дал ему стихи, по привезении в Москву, где нет крепости, посажен был в острог, в сырую, только что отделанную комнату, в которой скоро расстроилось его здоровье, и он едва не потерял зрение».

Далее в «Записках» фигурирует Бенкендорф, наряду с Николаем I, у которого мать опального Алексеева хотела вымолить прощение для сына, но вместо этого напугала царскую чету, упав перед ними в обморок, и разозлила своим поступком государя.

Мы без труда можем увидеть поразительное сходство изложенного в «Записках» Ф.Ф. Вигеля материала с судьбой героя романа «Картежник...». Однако необходимо сделать оговорку, что не все сказанное Вигелем находит отражение у Б.Л. Васильева. Памятуя о том, что прообразом Александра Олексина послужил прадед писателя, следует обратить внимание на имя попавшего

² Известное стихотворение Пушкина «Андрей Шенье» написано до событий 14 декабря 1825 года, но, как сам Пушкин писал Вяземскому, во многих отношениях стало пророческим; правительство всполошилось вследствие того, что в стихотворении видно было сочувствие революционным идеям.

³ Стихотворение «Андрей Шенье» было написано в мае-июне 1825 года, а найденные при обыске строки, по сообщению Ф.Ф. Вигеля, датируемые пятью годами ранее, являются составными частями элегии, которые были позже включены в окончательный вариант произведения.

под следствие Алексева. Ф.Ф. Вигель своего племянника называет Александром Ильичом (именно так звучит полное имя героя романа «Картежник...», но оно совершенно отлично от указанного автором имени предка). Далее в тексте «Записок» упоминается «меньшой Николай Алексеев», который просил Бенкендорфа «о дозволении повидаться с заключенным братом». За это он был переведен из Семеновского полка в армейский под Рязань. Здесь уже упоминается «нужное» имя, хотя следует помнить, что отчество младшего брата, вероятно, такое же, как у старшего, – Ильич.

Однако не стоит забывать финал романа «Картежник...», где дано оригинальное, имеющее право на существование объяснение «путаницы» отчества героев.

Прежде чем отправиться в Бессарабию, Сашка Олексин провел ночь со своей возлюбленной Анечкой, с отцом которой он впоследствии встретится на дуэли. У графа, узнавшего, что дочь беременна от Олексина, дрогнула рука: он увидел в Сашке Анечку и промахнулся. Спустя годы, преодолев немало трудностей, в родное имение Александр вернулся, «похоронив» истинную любовь: он был убежден, что Анечка давно замужем за другим. Но вот они встретились. Обратимся к финалу романа:

«Тут появился сын. Белокурый, на меня похожий, как две капли крови. И как я его сразу не узнал?..

– Подковы гнешь?

– Учусь, – серьезно ответил он. – Орехи в ладони колоть уже научился, батюшка.

Батюшкой меня назвать пока нелегко ему было. Но он улыбнулся при этом совсем как я. Аничка внимательно поглядела на нас и сказала сыну:

– Будь добр, сделай то, о чем мы с тобой, дружок, давно условились. Помнишь?

– Уж все приготовлено, маменька! – с радостью сообщил он и тут же выбежал.

– Пойдем к столу? – предложил я, подавая ей руку.

– Обожди, душа моя, – сказала Аничка. – Сейчас Иван Гаврилович нас с тобою пригласит.

– Иван Гаврилович? Почему же вдруг – Гаврилович? У вас что же, игра такая?

– Судьба, а не игра, – пояснила Аннет. – Я – грешница, сын – безотцовщина, и при крещении мальчику дал отчество его крестный, Гавриил Алексеевич Неожин, батюшкин приятель. Если хочешь, можем похлопотать о восстановлении твоего отцовства.

– Нет, не хочу, – сказал я. Иван Гаврилович ничем не хуже Ивана Александровича. Сохраним это в нашем роду как память о нашей разлуке» [Васильев, 2005, 366].

Исходя из этих рассуждений, мы можем сделать предположение, что Борис Васильев за основу сюжета взял судьбу не своего прадеда, а его брата. Так можно объяснить парадокс имен «Записок» Вигеля в соотношении с историко-автобиографической романистикой Б.Л. Васильева.

Конечно, исключительно на воспоминаниях Ф.Ф. Вигеля нельзя построить объективное исследование, поэтому обратимся к другим сведениям.

Расследование по делу о найденных у офицеров строках «Андрея Шенье» продолжались достаточно долгое время. В следствии были задействованы многие и, конечно, сам А.С. Пушкин. Сохранились показания поэта по делу об элегии «Андрей Шенье». Отрывки этого документа публикует В.В. Вересаев, избегая цитирования Пушкиным стихотворных строк:

«Сии стихи действительно сочинены мною. Они были написаны гораздо прежде последних мятежей и помещены в элегии Андрей Шенье, напечатанной с пропусками в собрании моих стихотворений. Они явно относятся к Французской революции, коей А. Шенье погиб жертвою. (Следует подробное объяснение отдельных стихов отрывка.) Все сии стихи никак, без явной бессмыслицы, не могут относиться к 14 декабря. Не знаю, кто над ними поставил сие ошибочное заглавие. Не помню, кому мог я передать мою элегию А. Шенье. Для большей ясности повторяю, что стихи, известные под заглавием: 14 декабря, суть отрывок из элегии, названной мною Андрей Шенье.

27 января 1827.

Александр Пушкин.

Москва» [Вересаев, 2022, 375].

И снова явная перекличка с романом Б.Л. Васильева: оставленная на рукописи надпись «На 14 декабря». По сюжету это сделала невеста Олексина – Полиночка. И так же на допросах не выяснилось, кто автор фразы.

Упоминание надписи встречается в докладе председателя Государственного совета графа В.П. Кочубея главнокомандующему в столице графу П.А. Толстому по уголовному делу Леопольдова (именно он донес на офицера Молчанова, у которого впоследствии была обнаружена рукопись с уже известной нам надписью) [Вересаев, 2002, 437]. Отмечается также неизвестное ее происхождение. Это дает нам право предполагать, что образ Полины и ее участие в судьбе Олексина не более чем художественный прием.

Возвращаясь к вопросу о прообразе героя «Картежника...», необходимо обратить внимание на более поздние письменные источники авторства современников Пушкина и Алексева (часто инициалы не указаны), которые уже не нашли отражения на страницах романа, но имеют большое значение для исследования.

Всемирно известен портрет Пушкина кисти В.А. Тропинина. Эскиз полотна был передан Алексеву художником, о чем свидетельствует

надпись на бумажном ярлыке на обороте этюда, сделанная другом поэта – Сергеем Соболевским:

«Пушкин заказал Тропинину свой портрет, который и подарил Соболевскому. Этот портрет украли. Он теперь у кн. Мих. Андр. Оболенского. Для себя Тропинин сделал настоящий эскиз, который после него достался Алексееву, после Алексева был куплен Н.М. Смирновым, а после Смирнова (ск. 3 марта 1870) подарили его Соболевскому. Апрель 1870» [Вересаев, 2002, 386].

Это свидетельство позволяет нам оценить близость отношений Алексева и Пушкина. Однако, как было сказано выше, не везде фамилия Алексева употребляется с инициалами, из-за этого сложно понять, кому именно был подарен эскиз. Поэтому необходимо обратиться к другим материалам, где инициалы поставлены.

Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» публикует статью, в которой говорится о дарственной надписи Пушкина «Любезному другу Алѣксѣеву отъ Пушкин<a> въ память б<ылова>»⁴, сделанной поэтом на первой части «Истории Пугачевского бунта». На экземпляре есть и другая надпись: «Библиотека Н. Алѣксѣева № “. . . ” “. . . ” полка . . . томъ №. . . ». Она, вероятно, сделана самим владельцем библиотеки. В этой же статье есть уточнение: «Николай Степанович Алексеев (род. в 1789 г. – ум. в 1850–1860-х гг.) – был едва ли не единственным интимным другом Пушкина в годы его ссылки в Кишиневе».

Именно это примечание представляет бóльший интерес для нас. Ведь, если вспомнить содержание романа «Картежник...», следует отметить некоторые детали повествования: на момент знакомства с Пушкиным Александром Олексину шел восемнадцатый год, следовательно, родился он в начале XIX века. В статье указан конкретный год рождения Н.С. Алексева (который, как мы помним, считается прототипом героя романа), то есть на момент знакомства с поэтом ему было глубоко за тридцать, а в романе Пушкин – непререкаемый авторитет для Олексина – несколько старше героя. Другое расхождение материала статьи с уже известными данными – отчество Алексева. ФЭБ указывает Николая Степановича, а В.А. Карнюшин в своей работе упоминает Николая Сергеевича [Карнюшин, 2003, 72]. Возможно, информация разнится именно по той причине, что названа Б.Л. Васильевым на страницах романа.

Также мы можем найти фрагменты переписки с Пушкиным и его современниками. Сохранилось письмо Пушкина Н.С. Алексееву 1826 года:

⁴ <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/selected/rup/rup-7212.htm>.

«Приди, о друг, дай прежних вдохновений,
Минувшею мне жизнью повеи!..»

Не могу изъяснить тебе моего чувства при получении твоего письма. Твой почерк, опрятный и чопорный, кишиневские звуки, берег Быка, Еврейка, Соловкина, Калипсо. Милый мой, ты возвратил меня Бессарабии! я опять в своих развалинах – в моей темной комнате, перед решетчатым окном или у тебя, мой милый, в светлой, чистой избушке, смазанной из молдавского <говна>. Опять рейн-вейн, опять Champan, и Пушин, и Варфоломей, и все... Как ты умен, что написал ко мне первый! мне бы эта счастливая мысль никогда в голову не пришла, хоть и часто о тебе вспоминаю и жалею, что не могу ни бесить тебя, ни наблюдать твои маневры вокруг острога. Был я в Москве и думал: авось, бог милостив, увижу где-нибудь чинно сидящего моего черного друга или в креслах театральных, или в ресторации за бутылкой. Нет – так и уехал во Псков – так и теперь опять еду в белокаменную. Надежды нет иль очень мало. По крайней мере пиши же мне почаще, а я за новости кишиневские стану тебя потчевать новостями московскими. Буду тебе сводничать старых твоих любовниц – я чай дьявольски состарелюсь. Напиши кто? Я готов доньне идти по твоим следам, утешаясь мыслию, что орогачу друга.

Липранди обнимаю дружески, жалею, что в разные времена съездили мы на счет казенный и не соткнулись где-нибудь.

Прощай, отшельник бессарабский,
Лукавый друг души моей –
Порадуй же меня не сказочкой арабской,
Но русской правдою твоей.

А. П.
1 дек» [Пушкин, 1962, 246].

Снова здесь видим переключку с биографией героя романа, по этому письму можем предполагать, что Н.С. Алексеев явился прообразом Олексина.

Также В.В. Вересаев публикует отрывок более позднего письма в книге «Пушкин в жизни»:

«Ты не узнал бы меня: оброс я бакенбардами, остригся под гребешок остепенился обрюзг.

Пушкин – Н.С. Алексееву, 26 декабря. 1830 г., из Москвы» [Вересаев, 2022, 570].

И следом идет отрывок письма С.Д. Киселева Н.С. Алексееву того же года:

«Пушкин женится на Гончаровой, между нами сказать, на бездушной красавице, и мне сдается, что он бы с удовольствием заключил отступной трактат.

С.Д. Киселев – Н.С. Алексееву, 26 дек. 1830 г.» [Вересаев, 2022, 570].

Избегая анализа содержания отрывков, обратим внимание на инициалы Алексеева: они именно такие, как указывает В.А. Карнюшин, однако нельзя определить отчество на данном этапе исследования (необходимо изучить не только полные тексты писем, но и остальную часть переписки). Поэтому предположение, что прообразом героя романа стал брат прадеда писателя, судьба которого подробно изложена в «Записках» Ф.Ф. Вигеля, можно считать достоверным, имеющим право на существование при условии дальнейшего изучения источников.

Таким образом, мы можем заключить, что роль А.С. Пушкина в контексте романа «Картежник и бретер, игрок и дуэлянт» и всего творчества писателя соответственно стоит рассматривать не только как прообраз действующего лица и сюжетообразующий элемент автобиографического начала, но и как источник уникальной информации в границах биографии Бориса Васильева, позволяющий провести исторически точное литературоведческое исследование и выдвинуть новое предположение о прототипе героя романа.

В любом случае, надо понимать, что писательские «маневры» с упоминанием собственных предков и неточными указаниями на них давали Борису Васильеву возможность для свободного творческого полета мысли и фантазии, чтобы избежать в дальнейшем придирок со стороны историков и документалистов, тем более что в «Былях и небылях», в «Утоли моя печали», в «Доме, который построил Дед» это были уже встречи с Львом Толстым, генералом М.Д. Скобелевым, фабрикантом Романом Хомяковым, публицистом В.И. Немировичем-Данченко, с огромным количеством иных исторических персонажей, которые были вхожи в семью Олексиных (Алексеевых) как на правах близких друзей, так и на правах родственников.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев Б.Л. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт. М.: Вагриус, 2005. 368 с.
Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. 327 с.
Вересаев. В.В. Пушкин в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 1024 с.
Карнюшин В.А. Чтобы услышать голос прошлого. «Смоленские страницы» прозы Бориса Васильева. Смоленск: Универсум, 2003. 2-е изд. 150 с.
Карнюшин В.А. Смоленск и Смоленщина в творческом наследии Бориса Васильева // Русская словесность. 2022. № 5. С. 47–60.
Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. М.: ГИХЛ, 1962. Т 9: Письма 1815–1830. 495 с.
<http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/selected/rup/rup-7212.htm>.

V.A. Karnyushin

*PhD in Philological Sciences, Associate Professor,
Chair of Literature and Journalism,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

N.A. Malofeev

*1st Year Student,
Faculty of Philology,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

**Pushkin's Pages of Boris Vasiliev's Historical and Autobiographical Novels
(Based on the Novel «The Player and the Brether,
the Player and the Duellist»)**

The subject of the article is the image of Alexander Sergeyevich Pushkin as a source of unique information within the boundaries of the writer's biography, allowing to conduct historically reliable literary research and to put forward a new assumption about the prototype of the hero of the work.

The novel «The Player and the Brether, the Player and the Duellist», which opens the Oleksin cycle of B.L. Vasiliev's works, was taken as a material for analysis. A characteristic feature of the «Oleksin saga» is a complex, branched system of characters. Thanks to the study of «Pushkin's» plot line of the novel it was possible to put forward an assumption about the prototype of the hero of the work and to prove it, relying on archival materials of correspondence of A.S. Pushkin and his contemporaries.

The problem of the prototype of the hero of the novel was addressed by V.A. Karnyushin, whose creative interest in this issue is due to the original ending of the novel. The aim of the study is to determine the prototype of the novel's hero.

Keywords: Boris Vasiliev; the novel «The Gambler and the Burger, the Gambler and the Duelist»; «Oleksin cycle»; the image of Pushkin as a tool for revealing the image of the hero.

REFERENCES

Vasiliev B.L. The gambler and the brewer, the gambler and the duelist [Kartezhnik i breter, igrok i duelyant]. Moscow: Vagrius, 2005. 368 p. (in Russian).

Vigel F.F. Notes [Zapiski]. Moscow, 2000. 327 p. (in Russian).

Veresaev V.V. Pushkin in life: A systematic set of authentic testimonies of contemporaries [Pushkin v zhizni: Sistematicheskij svod podlinnyh svidetel'stv sovremennikov]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2022. 1024 p. (in Russian).

Karnyushin V.A. To hear the voice of the past. "Smolensk Pages" of Boris Vasiliev's prose [Shtoby uslyshat golos proshlogo. «Smolenskie stranitsy» prozy Borisa Vasilieva]. Smolensk: Universum, 2003. The second edition. 150 p. (in Russian).

Karnyushin V.A. Smolensk and Smolensk region in the creative heritage of Boris Vasiliev [Smolensk i Smolenshchina v tvorcheskom nasledii Borisa Vasil'eva]. *Russian literature*, 2022, no. 5, pp. 47–60 (in Russian).

Pushkin A.S. Collected works in 10 volumes [Sobranie sochinenij v 10 tomah]. Moscow: GИNL, 1962. Vol. 9. Letters 1815–1830. 495 p. (in Russian).

<http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/selected/rup/rup-7212.htm>. (in Russian).

А.В. Королькова

*Московский педагогический государственный университет
Москва, Россия*

УДК 811.33

DOI 10.35785/2072-9464-2024-65-1-54-65

ЦЕННОСТНАЯ ПАРАДИГМА АФОРИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Н.С. ГУМИЛЕВА

Ключевые слова: *афоризм; афористика; афористическое наследие Н.С. Гумилева.*

В статье говорится об афористическом наследии Н.С. Гумилева. Изречения включены и в художественные тексты Гумилева, и в публицистику, содержатся в статьях по теории литературы и в литературной критике, а также научных и научно-популярных статьях, связанных с его путешествиями. В корпусе афористики Н.С. Гумилева, как и в афористическом наследии любого автора, важен исторический и национально-культурный компонент, поскольку изречения иллюстрируют мировоззрение автора, его принадлежность к особой национальной лингвокультуре. В поэтической афористике поэта представлена вся человеческая жизнь с глубокими личностными противоречиями. Тематика афористики Гумилева репрезентирует идейные основы его произведений, выявляет ценностные ориентиры, а также генезис его личностного развития. Заметим, что в афористике поэта отражаются множественные противоречия мировоззренческого характера. Можно даже утверждать, что противоречивость афористики Гумилева является яркой особенностью корпуса его изречений. Афористика Гумилева – отражение его концептуальной картины мира, она позволяет по-иному взглянуть на его художественное творчество, глубочайший внутренний мир, увидеть последовательное развитие его творческого и литературно-критического мышления.

Творческое наследие Н.С. Гумилева представляет собой особую страницу литературы русского модернизма.

Все произведения поэта глубоко своеобразны и не только связаны с русской историей и культурой начала XX века, но и тесным образом переплетены с французским модерном.

«Художественная система Гумилева сложна и неоднородна: под внешней простотой текстов скрываются глубокие религиозно-философские смыслы и порою противоречивое, но в основе своей невероятно цельное, выстраданное авторское мировоззрение, основанное на православной картине мира. Тексты Гумилева, воспринимаемые в ракурсе формально-содержательного единства, на своей периферии характеризуются полифонизмом, интертекстуальностью и мультидискурсивностью», – справедливо отмечает В.С. Малых в статье «Творчество Н.С. Гумилева: проблемы мировоззрения и поэтики» [Малых, 2011, 25].

Несмотря на короткую творческую жизнь, Гумилеву удалось создать совершенно новое литературное течение – акмеизм, сформировать его теоретическую платформу, детализировать основные принципы и – самое основное – претворить это в гениальных поэтических текстах.

Уточним *методы и принципы исследования*: семантический анализ корпуса афористики, зафиксированной в «Словаре афоризмов русских писателей» [Словарь афоризмов русских писателей, 2008], а также на портале «Николай Гумилев. Электронное собрание сочинений» [<https://gumilev.ru/>]. При извлечении афоризмов из поэтических и публицистических текстов Н.С. Гумилева для фиксации их в словаре использовался метод выделения ключевых слов-концептов в составе изречения.

Афоризмы содержатся и в художественных текстах Гумилева, и в публицистике, в статьях по теории литературы и в литературной критике, а также научных и научно-популярных статьях, связанных с его путешествиями. В целом нужно отметить, что он тяготел к афористическому стилю изложения именно в прозе. Отметим, что данная стилевая черта присуща далеко не всем поэтам и писателям XX века.

Прежде чем рассматривать тематические особенности афористики Гумилева, следует кратко уточнить собственно понятие афоризма как особого амбивалентного лингвистического явления. Необходимо отметить, что, несмотря на тысячелетнюю историю мировой афористики, не существует общепринятого определения понятия (термина) «афоризм».

Теория афористики в настоящее время представляет собой пеструю картину разнообразных концепций и теорий. Приведем перечень значимых в данной научной области работ. О теории афористики: Е.Е. Иванов «Лингвистика афоризма» [Иванов, 2016]; А.В. Королькова «Афористика в контексте русской культуры» [Королькова, 2018]; Ю.Е. Прохоров «Лингвострановедческое описание афористики в учебных целях» [Прохоров, 1977]; Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров «Национально-культурная семантика языковых афоризмов» [Верещагин, Костомаров, 1990]; С.Г. Шулежкова «Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие» [Шулежкова, 2002]; Н.Т. Федоренко, Л.И. Сокольская «Афористика» [Федоренко, Сокольская, 1990] и пр.

Не вдаваясь в теоретические споры, уточним, что афоризмом, опираясь на концепции Н.Т. Федоренко, Л.И. Сокольской, В.Г. Костомарова, Е.М. Верещагина, Л.П. Дядечко, С.Г. Шулежковой, Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко, мы называем «изречения устойчивого характера фразеологического порядка, имеющие обязательную паспортизированность и содержащие в своей структуре тематическую доминанту – ключевые слова-концепты; афоризмы отличает концептуальная цельность и смысловая законченность, а также понятийная завершенность» [Королькова, 2018, 37].

Для вычленения из контекстов Николая Гумилева изречений-афоризмов мы опирались на так называемые ключевые слова, тематические доминанты. Общеизвестно, что ключевые слова в афоризмах есть словесное выражение основных концептов русской культуры. Ключевые слова – это своеобразные ориентиры для читателей, осмысливающих по-новому известные понятия.

А.П. Сковородников предлагает считать ключевыми «слова, выражающие главную идею целого художественного текста» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2003]. Ключевые слова «создают внутреннее единство лексической системы произведений, становясь существенным элементом его композиционного построения» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2003, 154]. Он отмечает также, что ключевые слова используются в лексикографии при работе над тезаурусами, «обозначая те опорные слова, которые, как своеобразные нити, связывают внутреннюю структуру тезауруса» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2003, 155].

Е.А. Земская называет ключевыми «слова, обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания. К ключевым словам нашей эпохи относятся и высокочастотные имена собственные, и имена нарицательные» [Земская, 2000, 92]

Во всех произведениях Гумилева существуют тематические доминанты, зачастую выраженные афористически. Основой его поэтической афористики является вся человеческая жизнь с глубокими личностными противоречиями. Тематика афористики Гумилева репрезентирует идейные основы его произведений, выявляет ценностные ориентиры, а также генезис его личностного развития. Заметим, что в афористике поэта отражаются множественные противоречия мировоззренческого характера. Можно даже утверждать, что противоречивость афористики Гумилева является яркой особенностью корпуса его изречений.

Отметим, что в афористике Н.С. Гумилева, как и в афористическом наследии любого автора, важен исторический и национально-культурный компонент, поскольку изречения иллюстрируют мировоззрение автора, его принадлежность к особой национальной лингвокультуре. При этом следует

указать, что для афористики всех стран и народов в целом характерно отражение общечеловеческих ценностей, так называемых универсалий. Так, например, изречения авторов времен Античности содержат множество универсальных истин, которые присутствуют в русской классической афористике XIX и XX века, в том числе и в изречениях Н.С. Гумилева. Это изречения о труде, о дружбе, любви, ценности человеческой жизни, о правде, о смерти, о Родине, о слове, о поэзии и пр.

В целом афористика Николая Гумилева сложна онтологически, поэтому без учета его философско-религиозных и творческих воззрений невозможно вычленение афоризмов из его поэтических и прозаических текстов. Традиционно считается, что в поэзии Гумилева основная доминанта – романтическая тема любви в некоем экзотическом ореоле, однако афористика показывает, что это далеко не так.

Ключевые слова позволяют вычленить афоризмы из текстов Н.С. Гумилева. Необходимо отметить, что при выявлении афористики Н.С. Гумилева возникают спорные вопросы.

Сложность вычленения афоризмов текстов Н. Гумилева состоит в том, что выделить краткое изречение из поэтического текста зачастую не представляется возможным, поскольку это явно противоречит его мировоззренческим и творческим убеждениям. Поэтому количество его поэтических афоризмов невелико по сравнению с количеством афоризмов из текстов, например, Блока и Анны Ахматовой. В то же время афоризмы легко вычленяются из прозаических текстов Гумилева о литературе, об истории литературы, о теории стиха и пр.

Семантика афоризмов Гумилева определяет их особенности. Афоризмы, касающиеся проблем искусства, более объемны синтаксически, поэтические изречения более кратки, часто состоят из одного осложненного либо сложного предложения.

Самое интересное при анализе афористики Гумилева – это семантическое наполнение изречений. Исследование афоризмов поэта позволяет по-иному увидеть его знаковые мировоззренческие доминанты.

Примерно одинаковое количество афоризмов Гумилева посвящено любви, Богу и Родине.

Любовь для Гумилева составляет особую жизненную ценность, неважно, к кому любовь (к женщине, к Богу, к Родине (Руси, России), к человеку как личности). Любовь по Гумилеву практически всегда трагична.

*Любовь мужчины – пламень Прометея
И требует и, требуя, дарит.
Пред ней душа, волнуясь и слабея,
Как красный куст горит и говорит (Жестокий, 1911).*

*А другим – жестокая любовь,
Горькие ответы и вопросы,
С желчью смешана, кричит их кровь,
Слух их жсаят злым звоном осы (Много есть людей, что полюбив..., 1917).*

*<Говорила>: «Да, любовь, свободна,
И в любви свободен человек,
Только то лишь сердце благородно,
Что умеет полюбить навек» (Прогулка, 1917).*

*Привет тебе, о Родина святая!
Влюбленные, вытайте рок, и вам
Блеснет сиянье розового рая (Баллада, 2012).*

Тема Родины появляется в афоризмах из поэтических текстов Гумилева постоянно. Можно утверждать, что это сквозная тема его афористики. Родина, Россия для Гумилева святое понятие, чаще овеянное ореолом трагичности, страданий. В афоризмах Гумилева Россия несет свой крест, выполняя особую духовную миссию.

*Русь бредит Богом, красным пламенем,
Где видно ангелов сквозь дым...
Они ж покорно верят знаменьям,
Любя свое, живя своим (Старые усадьбы, 1913).*

*О Русь, волшебница суровая,
Повсюду ты свое возьмешь.
Бежать? Но разве любишь новое
Иль без тебя да проживешь? (Старые усадьбы, 1913).*

*Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей (Наступление, 1914).*

В афористическом наследии Гумилева имплицитно (реже эксплицитно) постоянно выражено ощущение трагичности человеческого бытия, что связано с темой любви, с темой Родины, России, размышлениями философско-религиозного характера. В начале XX века подобное мироощущение выражается в афористике всех поэтов Серебряного века, философов этой эпохи. В русской афористике появляется и начинает активно наполняться особое афористическое пространство (фразеосемантическое поле) – «трагическое восприятие действительности», которое станет определяющим для всей русской афористики XX века.

*И терн сопутствует венцу,
И время жизни – злое время... (В библиотеке, 1909).*

*И все идет душа, горда своим уделом,
К несуществующим, но золотым полям,
И все спешит за ней, изнемогая, тело,
И пахнет тлением земля (Разговор, 1916).*

Достаточно много афоризмов связано с христианской тематикой, с христианскими постулатами о Боге, вере, о предназначении человека, об особенностях души христианина. Гумилев указывает, что человек должен следовать христианским заповедям, уповать на Бога, чтобы избавиться от сил зла. Афоризмы этой тематики свидетельствуют о целостном религиозном мировоззрении поэта.

*Не стремиться ни к славе, ни к счастью,
Все равны перед взором Отца.
И не дать покорить самовластью
Посвященные небу сердца! (Родос, 1912)*

*Но забыли мы, что осиянно
Только слово среди земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово это – Бог (Слово, 1919).*

*Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но все в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога (Фра Беато Анджелико, 1912).*

Отметим, что в ряде исследований о творчестве Гумилева указывается на христианские основы концептуальных взглядов поэта, но в некоторых работах делаются попытки доказать, что его взгляды были мистически-окультистными.

Так, например, Николай Богомолов в своей монографии «Русская литература начала XX века и оккультизм» посвятил главу творчеству Гумилева. В ней рассматривается мистическое и даже оккультное начало в некоторых стихотворениях и даже сборниках поэта. В частности, утверждается, что «разного рода мистический опыт очевидно присутствует и в стихотворениях Гумилева акмеистического периода в виде объективированного описания», а также что «наиболее откровенным становится мистическое и – более конкретно – оккультное начало поэзии Гумилева в последнем сборнике его стихов, в “Огненном столпе”, а также в стихотворениях последних лет, в прижизненные книги не включенных» [Богомолов, 2000]. Отдельные утверждения Н. Богомолова не вызывают сомнений, однако отметим, что в афористическом наследии Гумилева «оккультных» изречений крайне мало, а все примеры, которые убедительно приводит Н. Богомолов, не являются афоризмами, представляя собой обыкновенные цитаты из текстов поэта.

Однако один из подобных афоризмов, противоречащих цельному христианскому мировоззрению, приведем:

*Не спасешься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненное право –
Самому выбирать свою **смерть** (Выбор, 1908).*

Некоторое мистическое начало практически постоянно имплицитно присутствует в афористике Гумилева, чаще всего, однако, не входя в противоречие с традиционными христианскими представлениями.

*И счастьем **душа** обожжена
С тех самых пор; веселием полна,
И ясностью, и мудростью, о **Боге**
Со звездами беседует она,
Глас Бога слышит в воинской тревоге
И Божьими зовет свои дороги (Пятистопные ямбы, 1913).*

Сквозной темой афористики Николая Гумилева является тема искусства, поэзии, которые осмысляются как части философии прекрасного. Это, прежде всего, прозаические афоризмы.

Гумилев придерживается общеизвестного постулата о том, что искусство отражает реальную действительность, оно предметно и вечно. Поэт уверен, что искусство, преображая ее, изменяет окружающий мир.

Ряд афоризмов раскрывает взгляды Гумилева на природу искусства и поэзии. Укажем, что приводимое изречение является афористическим высказыванием (согласно концепции Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской из монографии «Афористика», афористическое высказывание отличается от афоризма лишь большим объемом до пяти предложений разной структуры).

Поэзия и религия – две стороны одной и той же монеты. И та, и другая требуют от человека духовной работы. Но не во имя практической цели, как этика и эстетика, а во имя высшей, неизвестной им самим. Этика приспособляет человека к жизни в обществе, эстетика стремится увеличить его способность наслаждаться. Руководство же в перерождении человека в высший тип принадлежит религии и поэзии (Письма о русской поэзии).

*Тайные думы поэта
В сердце его прихотливом
Стали потоками света,
Стали шумящим приливом (из цикла «Беатриче», 1906).*

Афоризм из поэмы «Северный раджа» продолжает мысль предыдущего изречения:

*Живет закон священной лжи
В картине, статуе, поэме...*

Обратимся к анализу еще одной темы афористического наследия Н. Гумилева. Николай Гумилев был участником Первой мировой войны, что стало для него предметом творческого осмысления. Он сумел, будучи современником, отразить особый взгляд русского патриота на происходящие события.

*И воистину светло и свято
Дело величавое **войны**,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны (Война, 1914).*

Поэт изначально приветствовал начало войны, но затем реальная картина смерти тысяч людей, свидетелем чего он стал, меняет его взгляды (однако не патриотизм!). О философских основах гумилевского восприятия войны написано немало. Исследователи отмечают: «Изменение отношения Н. Гумилева к Первой мировой войне и, как следствие, трансформирование ее художественного изображения в его стихах и прозе мотивировано столкновением поэта с реальностью и осознанием того, что война, независимо от ее характера и вызвавших ее причин, ужасна в принципе, так как она уносит человеческие жизни. Как следствие изменения восприятия войны в целом – и трансформация христианской символики в военной лирике: если в начальных стихах военного “цикла” она показывает веру автора в войну как в Божий путь, путь преобразования человека, а значит, и мира, то в поздних звучат мысли о том, что вместо Бога в душе у человека – безбожие, война сделала человека жестоким, лишила веры» [Букарева, Малая, 2020, 36]. В афористике Н. Гумилева также отражается его амбивалентное отношение к сущности войны, а в изречениях позднего

времени и неприятие войны как таковой. В диахронии наблюдается трансформация темы войны в изречениях Гумилева.

Во многих случаях строки афоризмов Гумилева являются пророческими в отношении его собственной дальнейшей судьбы.

*Наше бремя – тяжелое бремя:
Труд зловецкий дала нам судьба,
Чтоб прославить на краткое время,
Нет, не нас, – только наши гроба (Родос, 1912).*

*И Господь воздаст мне полной мерой
За недолгий мой и горький век.
Это сделал в блузе светло-серой
Невысокий старый человек (Рабочий, 1916).*

Изречения Гумилева отличает семантическая неоднозначность, особая глубина, яркость, образность языка, сложная метафоричность. В некоторых случаях его прозаические афоризмы (скорее афористические высказывания) – это стихотворения в прозе, соединяющие лирическое и прозаическое начало.

Афористика Н.С. Гумилева в полной мере отражает особенности индивидуально-авторского стиля, особенно это ощутимо при анализе синтаксической структуры его афоризмов. Большая часть поэтических афоризмов представляет собой поэтическую строфу, состоящую из четверостишия с перекрестными рифмованными строками. Обычно поэтическая строфа-афоризм Гумилева состоит либо из двух простых предложений, либо из одного сложного предложения с разными видами связи. В прозе Н.С. Гумилева преобладают афористические высказывания, то есть изречения, состоящие из более чем трех предложений разного типа. Для афористического стиля Н.С. Гумилева характерно использование разнообразных сложных синтаксических конструкций, даже в ряде случаев – сложных синтаксических целых, что упрощает извлечение собственно афоризма из прозаического текста.

При анализе афористического наследия любого писателя или поэта следует обращать внимание и на так называемые крылатые выражения, которые восходят к афоризмам, но в процессе активного употребления в активном запасе языка зачастую утрачивают печать авторства. В предисловии к словарю «Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения» Н.С. Ашукин и М.Г. Ашукина отмечают: «Представляя собой лаконические формулировки идей и представлений, конденсируя сложные образы, они (крылатые выражения. – А. К.) вызывают в нашем сознании ряд ассоциаций» [Ашукин, 1988, 5].

Крылатых выражений у Н. Гумилева немного, однако они наиболее показательны, так как в концентрированном виде представляют ядро его ценностной парадигмы.

*Как сладко жить, как сладко побеждать
Моря и девушек, врагов и слово (Рыцарь счастья, 1917).*

*Я за то и люблю затеи
Грозových военных забав,
Что людская кровь не святее
Изумрудного сока трав (Детство, 1916).*

В свое время об особенностях изречений Н. Гумилева писал Ю.Н. Верховский: «Когда художник-поэт слагается, определяется в своем личном своеобразии как нечто цельное, перед нами в той или иной мере предстает мир, своеобразно преломившийся в творчестве, им воссозданный. Тогда мы можем говорить о мирозерцании или мировосприятии поэта, о его идеологии или о его поэтических идеях, – разумея под этим не отвлеченные построения, положения и формулировки, но конкретно-образные представления и конкретно-музыкальные высказывания, непосредственно дающие нам этот мир в его “идеальной прозрачности”» [Верховский, 1925].

Рассматривая концептуальную и языковую картину мира Гумилева, отраженную в афористике и крылатых выражениях, нужно обратить внимание на одно изречение, которое показывает глубокое осмысление поэтом соотношения языка и отражения мировоззренческой сущности.

Человеческая личность способна на бесконечное дробление. Наши слова являются выражением лишь части нас, одного из наших ликов (Анатомия стихотворения).

Афористика Гумилева – отражение его концептуальной картины мира, она позволяет по-иному взглянуть на его художественное творчество, глубочайший внутренний мир, увидеть последовательное развитие его творческого и литературно-критического мышления.

ЛИТЕРАТУРА

Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. 4-е изд., доп. М.: Худож. лит., 1988. 528 с.

Богомолов Н.А. Гумилев и оккультизм // Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М.: Новое лит. обозрение, 2000. 549 с. URL: <http://sobolev.franklang.ru/index.php/nachalo-xx-veka/231-n-bogomolov-gumilev-i-okkultizm> (дата обращения: 05.08.2023)

Букарева Н.Ю., Малая О.Е. Феномен войны в эстетике и художественном творчестве Н.С. Гумилева // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3(22). С. 36–42.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Национально-культурная семантика языковых афоризмов // Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1990. 246 с.

Верховский Ю.Н. Путь поэта. О поэзии Н. Гумилева // Современная литература: сборник статей. Л.: Мысль, 1925. URL: <https://gumilev.ru/about/94/> (дата обращения: 08.08.2023).

Гумилев Николай. Электронное собрание сочинений. URL: <https://gumilev.ru/>.

Земская Е.А. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 2000. 473 с.

Иванов Е.Е. Лингвистика афоризма. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2016. 154 с.

Королькова А.В. Афористика в контексте русской культуры. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2018. 226 с.

Королькова А.В., Ломов А.Г., Тихонов А.Н. Словарь афоризмов русских писателей. М.: Русский язык Медиа, 2008. 627 с.

Малых В.С. Творчество Н.С. Гумилева: проблемы мировоззрения и поэтики // Филология. 2011. Т. 1, № 4. С. 25–34.

Прохоров Ю.Е. Лингвострановедческое описание афористики в учебных целях: автореф. дис. ... канд. филол. наук, М., 1977. 25 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.

Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. М.: Наука, 1990. 415 с.

Шулежкова С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М.: Азбуковник, 2002. 286 с.

A.V. Korolkova

*PhD in Philological Sciences, Doctor, Professor,
Chair of the Russian language,
Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russia*

Aphoristics of N.S. Gumilev

The article talks about the aphoristic heritage of N.S. Gumilev. Sayings are included both in Gumilev's literary texts and in journalism, are contained in articles on literary theory and in literary criticism, as well as scientific and popular science articles related to his travels. In the corpus of N.S. Gumilev's aphoristics, as in the aphoristic heritage of any author, the historical and national-cultural component is important, since the sayings illustrate the author's worldview, his belonging to a special national linguistic culture. In the poet's poetic aphorism, the whole human life is represented with deep personal contradictions. The theme of Gumilev's aphorisms represents the ideological foundations of his works, reveals value orientations, as well as the genesis of his personal development. It should be noted that the poet's aphorism reflects multiple contradictions of a philosophical nature. It can even be argued that the inconsistency of Gumilev's aphorisms is a striking feature of the corpus of his sayings. Gumilev's aphorism is a reflection of his conceptual picture of the world, allows us to take a different look at his artistic work, the deepest inner world, to see the consistent development of his creative and literary–critical thinking.

Keywords: aphorism; aphoristics; aphoristic heritage of N.S. Gumilev.

REFERENCES

- Ashukin N.S. Winged words: Literary quotations; Figurative expressions [Krylatye slova: Literaturnye citaty; Obraznye vyrazheniya]. The 4th edition, added. Moscow: Artist. lit, 1988. 528 p. (in Russian).
- Bogomolov N.A. Gumilev and the occult [Gumilev i okkul'tizm]. *Russian literature of the beginning of the XX century and occultism: Research. and materials*. Moscow: New lit. review, 2000. 549 p. Available at: <http://sobolev.franklang.ru/index.php/nachalo-xx-veka/231-n-bogomolov-gumilev-i-okkultizm> (accessed on 5 August 2023) (in Russian).
- Bukareva N.Yu., Malaya O.E. The phenomenon of war in aesthetics and artistic creativity of N.S. Gumilev [Fenomen vojny v estetike i hudozhestvennom tvorchestve N.S. Gumileva]. *Verkhnevolzhsk Philological Bulletin*, 2020, no. 3 (22), pp. 36–42 (in Russian).
- Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. National-cultural semantics of linguistic aphorisms [Nacional'no-kul'turnaya semantika yazykovykh aforizmov]. *Language and culture: linguistics in teaching Russian as a foreign language*. The 4th edition, reprinted and added. Moscow: Russian language, 1990. 246 p. (in Russian).
- Verkhovsky Yu.N. The path of the poet. About N. Gumilev's poetry [Put' poeta. O poezii N. Gumileva]. *Modern literature. Collection of articles*. Leningrad: Thought, 1925. Available at: <https://gumilev.ru/about/94/> (accessed on 8 August 2023) (in Russian).
- Gumilev Nikolay. Electronic collection of works [Elektronnoe sobranie sochinenij]. Available at: <https://gumilev.ru/> (in Russian).
- Zemskaya E.A. Russian language of the end of the XX century (1985-1995) [Russkij yazyk konca XX stoletiya (1985-1995)]. Moscow: Languages of Russian culture, 2000. 473 p. (in Russian).
- Ivanov E.E. Linguistics of aphorism [Lingvistika aforizma]. Mogilev: Kuleshov Moscow State University, 2016. 154 p. (in Russian).
- Korolkova A.V. Aphoristics in the context of Russian culture [Aforistika v kontekste russoj kul'tury]. Smolensk: Smolensk State University, 2018. 226 p. (in Russian).
- Korolkova A.V., Lomov A.G., Tikhonov A.N. Dictionary of aphorisms of Russian writers. [Slovar' aforizmov russkikh pisatelej]. Moscow: Russian Language Media, 2008. 627 p. (in Russian).
- Malykh V.S. N.S. Gumilev's creativity: problems of worldview and poetics [Tvorchestvo N.S. Gumileva: problemy mirovozzreniya i poetiki]. *Philology*, no.4. Vol.1, 2011, pp. 25–34 (in Russian).
- Prokhorov Yu.E. Linguistic and cultural description of aphoristics for educational purposes: abstract of the dissertation ... candidate of Philological Sciences [Lingvostranovedcheskoe opisanie aforistiki v uchebnyh celyah: avtoref. dis...kand. filol. nauk]. Moscow, 1977. 25 p. (in Russian).
- Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language [Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka]. Edited by M.N. Kozhina. Members of the editorial board: E.A. Bazhenova, M.P. Kotyurova, A.P. Skovorodnikov. Moscow: Flint: Nauka, 2003. 696 p. (in Russian).
- Fedorenko N.T., Sokolskaya L.I. Aphoristics [Aforistika]. Moscow: Nauka, 1990. 415 p. (in Russian).
- Shulezhkova S.G. Winged expressions of the Russian language, their sources and development [Krylatye vyrazheniya russkogo yazyka, ih istochniki i razvitie]. Moscow: Azbukovnik, 2002. 286 p. (in Russian).

Ж.В. Марфина

*Луганский государственный педагогический университет
Луганск, Россия*

УДК 811.161.1'373'42:82-92

DOI 10.35785/2072-9464-2024-65-1-66-79

**ВЕРБАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ МЕНТАЛЬНОГО ПОЛЯ
РОДСТВА В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ**

Ключевые слова: номинация «родство»; лингвокультурный концепт; ментальное поле родства; публицистический дискурс; образительно-выразительные средства языка.

В статье на материале контекстов, представленных в «Национальном корпусе русского языка», проанализированы основные репрезентанты ментального поля родства, среди которых – номинация «родство» (как имя лингвокультурного концепта «Родство»), устойчивые выражения «родство души» («родство души», «родство по душе»), «духовное родство» и под., а также фразеологизм «Иван, не помнящий родства». Определены способы дискурсивного освоения данных вербальных репрезентантов в публицистических текстах. Отмечено, что основным актуализатором семантики номинации «родство» как основного репрезентанта является ее контекстуальная сочетаемость с распространителями, не содержащими в своей семантике образных компонентов. Примечательно, что в публицистическом дискурсе осваивается аспект понятийной составляющей номинации «родство», реализуемый во вторичном ('близость по общности происхождения; сходство, основанное на той близости') и переносном ('сходство, близость по содержанию, свойствам, признакам') значениях.

Результаты исследования позволили сделать вывод о том, что у вербальных репрезентантов ментального поля родства, включенных в состав тропов, в том числе синкретичных, и стилистических фигур (метафор, эпитетов, сравнений и под.), явно преобладает образно-оценочный компонент. Проанализированный материал показал, что выражения, семантическим центром которых является номинация «родство», в процессе дискурсивного освоения приобретают ярко выраженную позитивную коннотацию.

В последние десятилетия внимание исследователей сосредоточено на ментальных объектах, конкретизируемых в разного рода ситуациях общения, что находит отражение в различных дефинициях, системах перцептивных и метафорических образов и т. п. В связи с этим в дискурсах различных типов происходит дополнение лингвокультурных концептов (далее – ЛК) теми или иными характеристиками, уточнение и конкретизация у же

имеющихся у них свойств и т.п., что приводит к разного рода трансформациям структурно-функционального устройства ментального феномена, в том числе ментального поля родства (далее – МПР), ключевым элементом которого является ЛК «Родство», репрезентируемый в лексемах, фразеологизмах, разного рода прецедентных феноменах и т.п.

ЛК «Родство», принадлежащий к базовым концептам русской лингвокультуры, функционирует в дискурсах разных типов. Не является исключением публицистический дискурс – одна из наиболее обширных сфер общения в современном социуме. «Публицистика стремится воздействовать на современное общественное мнение, нравы и политические институты. Публицистический стиль отличает тенденциозность (часто открытая), полемичность, эмоциональность, образность; ему близки интонации, строй и функции ораторской речи. Тематически диапазон публицистического стиля практически неограничен: политика, идеология, философия, экономика, культура, спорт, повседневный быт, текущие события (не случайно публицистику называют “летописью современности”）」 [Солганик, 2014, 499].

Цель данной статьи – определить и проанализировать способы дискурсивного освоения в публицистических коммуникативно-речевых образованиях вербальных репрезентантов ментального поля родства.

Основными методами, использованными в работе, являются метод компонентного анализа, метод сплошной выборки, описательный метод, включающий в себя наблюдение, сопоставление, обобщение и интерпретацию данных, а также описательно-аналитический.

Для анализа нами были использованы тексты, представленные в газетном подкорпусе «Национального корпуса русского языка» (далее – НКРЯ). Он является крупнейшим подкорпусом НКРЯ и включает тексты и печатных газет, и электронных агентств (в настоящее время число зафиксированных в нем словоупотреблений превышает 800 млн).

По нашим наблюдениям, вербальные репрезентанты МПР используются в публицистическом дискурсе достаточно активно. Жанр публицистического дискурса, в который они вводятся, в значительной степени определяет как характер его употребления, так и особенности дискурсивного осмысления, в том числе и своеобразие индивидуально-стилистической манеры автора.

Так, в своем первичном прямом значении имя ЛК «Родство» функционирует в хрониках, интервью (информативного характера), новостных подборках и других информационных жанрах, что подтверждают исследованные нами контексты.

Прежде всего, отмечаем, что во всех приведенных примерах реализовано прямое значение номинации «родство» – ‘отношения между людьми, имеющими общих предков’, которое конкретизируется в сочетаниях с различными распространителями, уточняющими характер обозначаемых отношений,

но в подавляющем большинстве своем не содержащими в семантике оценочных и/или образных компонентов, то есть преимущественно принадлежащими к нейтральной лексике. Эти распространители имеют различную частеречную принадлежность (имена существительные, имена прилагательные, местоимения и глаголы) и в ряде случаев дополнительно уточняются сочетающимися с ними лексическими единицами. В публицистических текстах употребляется уже явно приобретшее признаки устойчивости выражение *кровное родство* (в Большом академическом словаре русского языка в 27 томах [Большой академический словарь русского языка, 2004] оно зафиксировано именно в таком статусе), обозначающее родство по общему родоначальнику: *Мне кажется, что понятие семьи, основанное лишь на кровном родстве, давно устарело* (Коммерсант, 2020.12); *По данным источника «Ъ», документ был выдан россиянину Кондратенкову на основании так называемого кровного родства* (Коммерсант, 2020.08). Во втором примере словосочетание *кровное родство* сопровождается определением *так называемое*, что является дополнительным указателем на его устойчивость.

Имя ЛК «Родство» относится к категории так называемых оценочно маркированных номинаций, характеризующих разные сферы взаимоотношений человека [Смирнова, 2021, 67], значения данной номинации зачастую конкретизируются определениями, например *близкое* и *дальнее*, отражающими *степень* и *линию родства* (*Под аффилированностью понимается брак или близкое родство с участниками закупок* (Коммерсант, 2017.09); *Более того, специалист утверждает, что Хиллари состоит в дальнем родстве с Селин Дион и Мадонной, передает ТАСС* (Vesti.ru, 2016.11), при этом выражения *степень родства* и *линия родства* также характеризуются определенной устойчивостью (*В 2000 году началось реформирование наследственного права, появилось четыре очереди в зависимости от степени родства, и эта система охватила 90 процентов наследников* (Парламентская газета, 2021.06).

Понятие «линия родства», в свою очередь, может быть конкретизировано (информацию о такой конкретизации включают не только энциклопедические, но и лингвистические словари, к примеру словарь В.И. Даля [Даль, 2000, 231]) – ср.: *Нилогов также отмечает, что говорит не о прямом родстве по мужской или женской линиям, а о смешанном* (lenta.ru, 2016.11); *Родство действительно есть, но не по прямой линии* (lenta.ru, 2017.09). В данных контекстах рассматриваемая номинация употребляется в сочетании с адъективированным причастием *смешанный* (*говорит не о прямом родстве... а о смешанном*) – таким образом обозначается родство особого характера, объединившее в себе признаки кровного родства и свойства (родства по брачным отношениям).

Кровное родство (как правило, уже являющееся установленным фактом или противопоставляемое родству по брачным отношениям – *некровному*)

может быть также обозначено как *биологическое* или *генетическое*, что наблюдаем в следующих контекстах: *В соответствии с финским законодательством, пишет газета, у мужчины есть два года с момента рождения ребенка, чтобы отказаться от отцовства, если у них нет биологического родства* (РИА Новости, 2020.10); *35 лет назад, 4 января 1985 года, в Лондоне родился ребенок у первой в мире гестационной суррогатной матери: генетического родства между женщиной и младенцем не было, она выносила эмбрион биологических родителей* (Парламентская газета, 2020.01).

В современном обществе весьма актуальной стала проблема определения степени и характера родства (чаще всего *кровного*), что нашло отражение и в довольно широком диапазоне сочетающихся с рассматриваемой номинацией лексических единиц. Так, ряд используемых в сочетании с номинацией «родство» определений указывает на вероятность, но еще недоостоверность родственных отношений между людьми: в этих случаях родство квалифицируется как *предполагаемое* (...*И когда она перевела, результат предполагаемого родства обладателя останков и Митрофанова-сына получился где-то в районе 100 процентов, без сотых долей* (Новая газета, 2017.10) или *возможное* («...*Что-то вроде родственников родственников*», – *определяет Никита возможное родство Марии Билукиной и Пахомовых* (lenta.ru, 2017.02)).

Зачастую номинация «родство» контекстуально сочетается с предикатами определенной семантики, например: *устанавливать, доказывать, подтверждать* (*Чтобы выяснить их судьбу, родителям предлагают сначала подтвердить свое родство с младенцами через генетическую экспертизу* (Коммерсант, 2020.07); *Он добавил, что подозреваемый отрицает вину и факт отцовства, в связи с чем назначены позволяющие установить родство экспертизы* (Коммерсант, 2019.11)), а также с семантически оппозиционными предикатами *подтвердить, опровергнуть, отрицать* (*Сообщалось, что тест ДНК опроверг родство испанской гадалки с Сальвадором Дали* (gazeta.ru, 2017.10); *При этом наследницы Соньки были страшно обижены на нее – и всячески старались скрыть свое родство* (lenta.ru, 2019.03); *Правительство отрицает родство Светланы Медведевой и руководителей «Мираторга»* (Коммерсант, 2019.05)). Такое сочетание приобретает устойчивый характер и приравнивается к языковым шаблонам (штампам).

Наряду с отмеченными глаголами в сочетании с номинацией «родство» используются и образуемые от них имена существительные, такие как *доказательство, подтверждение* (в грамматических формах как единственного, так и множественного числа), *установление, признание* и т. п.: *Следственный комитет России провел судебные экспертизы по установлению родства доноров генетического материала по отношению к детям, рожденным с применением суррогатного материнства* (lenta.ru, 2020.11); *По словам Севенарда, семья располагает косвенными доказательствами*

родства с монаршей семьей (lenta.ru, 2017.10); Для получения прямых доказательств родства бабушки с династией Романовых Севернард предложил эксгумировать, а после перезахоронить останки его бабушки в Петропавловской крепости (lenta.ru, 2017.10). При этом следует обратить внимание на то, что в процессе дискурсивного осмысления номинации «родство» в публицистических текстах находит отражение и дальнейшая детализация родственных отношений между людьми, ср.: *прямые доказательства родства – косвенные доказательства родства*.

Практически во всех приведенных контекстах дискурсивно осмысливается *понятийная* часть имени ЛК «Родство», содержащаяся в его первичном значении. Исключениями в данном плане являются лишь несколько примеров, где при дискурсивном осмыслении номинации «родство» в условиях контекста формируется явный оценочный элемент. Это наблюдается, в частности, в следующем примере, где в результате введения в текст трех репрезентантов МПР: *родственники* (дважды) и *родство* (причем первые два употребления объединены в стилистической фигуре *плеоназма*) – в контексте формируется оценка обозначенного явления, что придает изложению некоторую экспрессивность: *Что-то вроде родственников родственников», – определяет Никита возможное родство Марии Билюкиной и Пахомовых* (lenta.ru, 2017.02). Предполагаем, что таким образом передается несколько ироничное отношение говорящего к вероятному родству между упомянутыми в тексте лицами: даже в случае подтверждения это родство будет иметь, по его мнению, крайне высокую степень отдаленности. Оценочный компонент еще в двух контекстах формируется в сочетании с обозначающими состояние человека глаголами: *Канек Санчес ... тяготился своим родством с легендарным команданте* (lenta.ru, 2015.01) – глагол *тяготиться*, употребляющийся в основном в книжной речи, используется для определения ощущений человека, чем-либо обремененного; *Факт родства нового заместителя мэра Астаны с опальным Рахатом Алиевым власти страны стараются не афишировать* (gazeta.ru, 2014.12) – глагол *афишировать*, имеющий прозрачную внутреннюю форму, обозначает стремление кого-либо выставлять что-то напоказ для всеобщего ознакомления.

Весьма активно осваивается в публицистическом дискурсе еще один аспект понятийной составляющей номинации «родство», реализуемый в производных значениях: вторичном ('близость по общности происхождения; сходство, основанное на той близости') и переносном ('сходство, близость по содержанию, свойствам, признакам').

В ряде примеров номинация «родство» употребляется по отношению к живым существам и организмам, что обуславливает актуализацию указанного выше вторичного значения соответствующей лексемы: *Большинство содержащихся в неволе особей находятся в близком родстве, и скрещивание их приводит к вырождению* (Известия, 2016.09); *Ларга – вид тюленей, находящийся*

в близком родстве с обыкновенным тюленем (lenta.ru, 2016.07); Новые коронавирусы классифицируют на основе оценки степени их генетического родства с уже известными (Парламентская газета, 2020.03). В этих случаях тематическая направленность публикаций предполагает донесение до адресата объективной информации о чем-либо, что обуславливает выбор соответствующих средств их языкового воплощения – номинация «родство» употребляется в сочетании с характерными для уточнения ее значения определениями (обозначающими характер имеющегося родства, его степень и т.п.: *генетическое родство, близкое родство*), зависимыми словами в функции дополнения, которые также конкретизируют семантику главного компонента словосочетания (*родство между видами вирусов; родство новых коронавирусов с уже известными коронавирусами* и т.п.).

Гораздо более разнообразным является дискурсивное осмысление номинации «родство» в текстах иной тематики, которую в целом можно определить как *социокультурную* и *политическую*, предполагающую разноаспектное освещение в тексте проблем общества, культуры, политики, экономики и т.п. В публикациях подобного рода, как правило, вполне явно выражается позиция автора по отношению к сообщаемому, что закономерно предполагает включение в текст оценочных и/или образных речевых средств. В этих случаях значительно бóльшим диапазоном отличаются как используемые в сочетании с вербальными репрезентантами родства определения, так и иные (в большинстве случаев – зависимые от них) компоненты, объединенные в словосочетаниях подчинительной синтаксической связью, в частности управлением. Некоторые из этих компонентов являются довольно типичными распространителями интересующих нас вербальных репрезентантов – они, как правило, уточняют семантику обозначаемого понятия, не добавляя оценочных либо образных смыслов: *родство народов (наших стран); родство (словацкого и русского) языков (Многие словаки выражают свои чувства благодарности нашим военнослужащим, родство словацкого и русского языков позволяет военнослужащим и местным жителями объясняться между собой (Известия, 2020.04)); религиозное, а не языковое родство (Политические пристрастия жителей Невшателя, как и всей протестантской Романдии, определялись тогда религиозным, а не языковым родством – немец-протестант был им ближе и роднее француза-католика (Новая газета, 2016.08)); идеологическое родство (Эта связь, в частности, объясняется идеологическим родством и общими стратегическими интересами турок и боевиков (Известия, 2016.02))* и под. Как можно убедиться на примере рассмотренных контекстов, многие сочетания такого рода сформировались на метафорической основе, однако в процессе активного употребления практически полностью утратили образность.

Образные и/или оценочные компоненты значения формируются в условиях микроконтекстов чаще всего при употреблении в сочетании с интересующими нас нестандартными (зачастую индивидуально-авторскими) распространителями, которые передают и отношение автора к изображаемому: *корпоративное родство* (*Но в целом картина именно такая: корпоративное родство, землячество, личная преданность и лояльность и т.п.* (Московский комсомолец, 2016.04)); *советское родство* (*Неужели не было советского родства?* (Известия, 2006.03)); *жанровое родство* (фильмов) (*Похоже, в этом году директор фестиваля Тьерри Фремо отбирал фильмы исключительно по их жанровому родству* (Ведомости, 2019.05)); *всеобщее родство* (культур) (*Мысль о всеобщем родстве культур, о глубинных связях между ними рождалась во время спектакля сама собою* (Ведомости, 2015.11)); *не самое блестящее родство* (*Это не самое блестящее родство установили профессор Кембриджского университета Саймон Моррис и канадский палеонтолог Жан-Бернар Карон из университета Торонто* (Комсомольская правда, 2012.03)); *родство у них <фильмов> не столько стилистическое, сколько атмосферное* (*Невольно напрашиваются ассоциации с «Реальной любовью» Ричарда Кертиса, но родство у них не столько стилистическое, сколько атмосферное* (РБК Дейли, 2012.03)). Часть приведенных определений изначально содержит в своей семантике коннотативный компонент: (не совсем) *блестящее, всеобщее* (родство), что придает оценку определяемому понятию; в другой части оценочно-образный компонент формируется в результате употребления относительных прилагательных в значении качественных: *жанровое, корпоративное, советское, стилистическое, атмосферное родство*.

Примечательно, что адъективные единицы нередко используются в подобных случаях для определения не только собственно вербальных репрезентантов МПР, но и словосочетаний с этими единицами, сформировавшимися в результате метафорического восприятия окружающего, однако в настоящее время обладающими уже стертой метафоричностью и, соответственно, невыраженной образностью: *жанровое родство фильмов, всеобщее родство культур, никакого родства с брендами* и т.п.

Однако наиболее отчетливо образно-оценочный компонент (по большей части – с превалированием образности) проявляется при дискурсивном осмыслении вербальных репрезентантов МПР в тех случаях, когда они оказываются в составе изобразительно-выразительных средств – тропов и стилистических фигур. Например, в предложении *Но только в-третьих включается темное, не проясненное разумом избирательное родство* (Новая газета, 2016.03) двойной эпитет: *темное, не проясненное разумом избирательное родство*, где второй компонент является антропоморфным элементом. Поскольку бинарный эпитет в данном случае является определением к словосочетанию с компонентом *родство*, коннотативный элемент формируется и у определения *избирательный*, в результате чего создается оригинальный многослойный образ.

Возможно функционирование номинации «родство» и в компаративных конструкциях – образных выражениях, построенных «на сопоставлении двух предметов, понятий или состояний, обладающих общим признаком, за счет которого усиливается художественное значение первого предмета» [Квятковский, 1966, 280], например: *фронтовая дружба, как родство (Фронтовая дружба, как родство, на всю жизнь* (Аргументы и факты, 2003.06)).

Однако наиболее активно, по нашим наблюдениям, вербальные репрезентанты МПР в публицистическом дискурсе образно осмысливаются в таком тропе, как *метафора*, отличающемся как семантическим, так и структурным разнообразием: *родство – не только спрос, но и дар (Понимание того, что родство – не только спрос, но и дар, пришло к Александру Шолохову намного позже... (lenta.ru, 2016.09); родство и кумовство правят бал (Город коррумпирован, чужому там не прижиться. Только родство и кумовство правят бал (Комсомольская правда, 2006.07); чувство родства будет тлеть (Это чувство родства еще долго будет в нас тлеть – как на пожарище, которое выжгло много что из самого необходимого (Аргументы и факты, 2006.04) и др.*

Значительная часть функционирующих в публицистических дискурсах метафор отличается развернутостью, достигаемой при помощи различных распространителей, например: *...роман «Сфера» в равной степени в родстве с замаятинским «Мы» и еще больше с «дивным новым миром» Хаксли (lenta.ru, 2015.025); ...сюжетные ходы, шпионская тема, откровенные ауканья с русской классикой буквально кричали о родстве (Ведомости, 2012.01); ...родство дает о себе знать во многих пуштинских традициях, обычаях и даже именах, поразительно схожих с иудейскими (Известия, 2010.01) и под. В данном случае также наблюдается актуализация образной семантики как тропа в принципе, так и составляющих его компонентов. При этом следует отметить, что введение в развернутый контекст нередко способствует актуализации образности и у метафор с не столь выраженным индивидуально-авторским своеобразием, в том числе и языковых, со стертой образностью. Это можно наблюдать в таком контексте: *родство с этой землей, буквально через родство своих близких с владимирской землей (Мне кажется то, что говорили о владимирских корнях, что здесь часто бывал, любил бывать, родство с этой землей, буквально через родство своих близких с владимирской землей (Vesti.ru, 2015.12)), где используется выражение родство с землей, которое в результате повтора и распространения его компонентов приобретает повышенную экспрессивность.**

Метафора может сочетаться с эпитетом (*неистребимое, нынешнее, восхитительное* и др.), что является еще одним способом актуализации образного содержания: *испытывать; родство Тбилиси и Вашингтона; скульптура и танец ... обнаруживают родство* и т. п.: *Меж тем по сей день полно людей, нуждающихся в государстве, испытывающих неистребимое чувство родства с ним <государством> ... (Новая газета, 2016.02); На фоне нынешнего родства*

Тбилиси и Вашингтона не все помнят, что, когда осенью 2003-го в Грузии политические «дети» Шеварднадзе свергли своего патрона, в Америке восторга не выказывали (Известия, 2006.03); ...скульптура и танец – не слишком близкие друг другу пространственное и временное искусства – обнаруживают восхитительное родство (Известия, 2011.11).

Особо следует остановиться на рассмотрении в публицистических дискурсах выражений с вербальными репрезентантами МПР, которые уже изначально содержат в себе элемент образности (в лексикографических источниках они, как правило, отмечаются особо (см.: [Большой академический словарь русского языка, 2014; Большой академический словарь русского языка, 2004])). Это такие выражения, как *родство души; духовное родство; родство духа; Иван, не помнящий родства; не помнящий родства.*

Данные выражения включаются в публицистические произведения в качестве элементов, уже содержащих в своей семантике образный компонент, который при дискурсивном осмыслении может либо актуализировать исходно присущее ему значение, либо трансформировать его. Так, актуализация смысла, содержащегося в выражении *родство души (родство души)*, – ‘общность или сходство взглядов, убеждений, мировосприятия, внутреннего мира, душевного склада’ – наблюдается в тех случаях, когда речь идет об отношениях между людьми.

В ряде случаев эта семантика дополнительно подчеркивается различными средствами и способами, например с помощью оценочного определения: *между ними <фигурами героя и автора> – явное родство души (О такой, какую написал Булгаков про Мольера – когда фигуры героя и автора сопоставимы по масштабу, между ними – явное родство души, а временная дистанция в 300 лет оставляет за бортом всякую шелуху (Труд-7, 2006.07))* и т.п. Наиболее отчетливо подобная «поддержка» проявляется при включении выражения *родство души* в тропы и/или стилистические фигуры, например, метафору: *отношения, замешанные на родстве души (Ему прекрасно известно, что физическое совершенство не столь важно, как это принято считать, и что партнерские отношения, замешанные на родстве души и сходстве жизненного опыта, куда важнее (Комсомольская правда, 2011.12); антитезу: кровное родство не может быть ни необходимым, ни достаточным условием для родства души (Само по себе кровное родство не может быть ни необходимым, ни достаточным условием для родства души (Известия, 2003.02)).*

Значительно чаще, как свидетельствуют наши наблюдения, в современном публицистическом дискурсе встречается выражение *духовное родство.*

В данном выражении одновременно реализуются два из четырех присущих прилагательному *духовный* значения: ‘относящийся к духу, связанный с внутренним миром человека, его мировоззрением, с проявлением его нравственных качеств’ и ‘связанный с религией, церковью (противоп. светский)’ [Большой академический словарь русского языка, 2004, 449]. В ряде примеров

наблюдается очевидная актуализация религиозных устоев: *Если, к примеру, намеревающиеся обвенчаться когда-либо выступали в роли крестных отца и матери чужого ребенка, они согласно церковным канонам обрели духовное родство, а значит, повенчаны быть не могут* (Труд-7, 2006.03); *Православные народы Христом Спасителем призваны к взаимной любви – духовное родство между ними несравненно выше родства кровного* (Аргументы и факты, 2003.04). Однако в большинстве случаев акцент делается на особенностях внутреннего мира (и, соответственно, мировосприятии) личности, на что указывает контекст словосочетания *духовное родство*, например: *Было и чувственное притяжение, но все-таки объединяло нас духовное родство* (Труд-7, 2003.01); *...данный знак олицетворяет родителей, семью, дом, род, Родину, привязанность к корням и духовное родство со своим народом, то есть все самое сокровенное* (Труд-7, 2006.06); *Но супруги мало виделись, у них не оказалось духовного родства* (Труд-7, 2007.04).

Рассмотрение особенностей функционирования в современном публицистическом дискурсе выражения *духовное родство* полностью подтверждает выводы В.В. Колесова, к которым он приходит в результате анализа значимости понятия *духовность*, определяемого им как «проявление высшего Духа в душе человека, формирующее цельность личности в сплаве чувства, ума и воли» [Колесов, 2017, 84].

Важное место в современном публицистическом дискурсе занимает фразеологизм, компонентом которого является номинация «родство»: *Иван, не помнящий родства* (а также более редко встречающийся его вариант – *не помнящий родства Иван*), на что в своих работах указывает И.П. Зайцева [Зайцева, 2022]. В преобладающей части выявленных случаев употребления анализируемое выражение используется в его основном значении – ‘человек, не дорожащий старыми связями, а также прошлым своего народа, родины’ [Русский семантический словарь, 2003]: *Мы действительно оказались в положении Ивана, не помнящего родства* (Труд-7, 2003.08).

В то же время следует обратить внимание на различия в грамматических и лексико-грамматических характеристиках устойчивых выражений, вводимых в публицистические произведения. Так, имя *Иван* используется как в единственном, так и во множественном числе (*И у нас нет права быть «иванами, не помнящими родства»*) (Труд-7, 2000.05), а также в значении как собственного, так и нарицательного существительного (*Надоело, что людей, живущих на Донбассе, считают Иванами, родства не помнящими*) (Новый регион 2, 2006.09), что, безусловно, определенным образом корректирует содержание фразеологизма.

Значительный интерес в аспекте исследования своеобразия дискурсивного осмысления рассматриваемой единицы языка представляют случаи структурно-семантической трансформации ее автором: опущение одного из компонентов или его замены; распространение выражения определением или

иным компонентом; введение в стилистическую фигуру и т.п., в результате чего существенно актуализируется как свойственный фразеологизму оценочный компонент, так и его образный потенциал (последний при этом может заметно «обновляться»). Например: *В смысле приближения к Жанам и Джованни, родства не помнящим, мы вполне удачно реализовали завлекательный лозунг «Хочешь жить, как в Европе?»* (Известия, 2002.08); *Это я к тому, что даже моя родная тетушка считает меня Клашей, не помнящей родства* (Аргументы и факты, 2002.03); *Так неужели она для нас «иммигрантка» и будет худшей россиялкой, чем Иван, не помнящий родства, из Синих Липягов?* (Комсомольская правда, 2003.09); *Таким образом, он является одним из самых важных звеньев воспитания не космополитов, а тех самых Иванов, которые прекрасно «помнят свое родство»* (Труд-7, 2003.08) и др.

Еще одним типичным для современного публицистического дискурса приемом трансформации фразеологизма является дополнение, конкретизация содержащегося смысла при помощи определений либо иных распространителей, которые могут относиться как к одной из частей, так и к обеим. Наибольший воздействующий эффект используемый прием имеет в случаях, когда индивидуально-авторский подход проявляется в трансформации обоих компонентов фразеологизма, например: *Истеричным «Иваном, не помнящим родства» на фоне этой речи смотрелся господин Саакашвили, бросивший в юбилейные дни вызов нашей армии и забывший о подвиге трехсот тысяч грузин, защищавших мир от коричневой чумы* (Труд-7, 2005.05), – где распространители фразеологизма (одиночное и распространенное определения) по объему более чем втрое превышают распространяемое выражение.

Еще один прием трансформации фразеологизмов, который часто встречается в современном публицистическом дискурсе, – переосмысление единицы языка путем введения ее в состав тропа либо стилистической фигуры. Так, фразеологизм может функционировать одновременно в составе двух стилистических фигур – парцелированной конструкции и синтаксического параллелизма: *Чтоб не потонули в забывчивости. Чтобы помнили Иваны свое родство* (Труд-7, 2000.08); или обращения и восклицания, причем значимость употребленной единицы языка дополнительно подчеркивается с помощью графки: *ИВАНЫ, ПОМНИТЕ РОДСТВО!* (Труд-7, 2000.05).

Проанализированные контексты, которыми далеко не исчерпывается диапазон употреблений рассматриваемых устойчивых выражений в современной публицистике (в том числе и в трансформированном виде), свидетельствуют о достаточно активном освоении авторами ЛК «Родство» в составе репрезентантов МПР, изначально содержащих в своей семантике образно-оценочный компонент.

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что именно в современном публицистическом дискурсе вербальные репрезентанты МПР русской лингвокультуры осмысливаются наиболее активно и разнообразно, будучи

вводимыми во множество жанрово-стилистических форм.

Особый характер дискурсивного осмысления репрезентантов МПР наблюдается в тех жанровых формах публицистического дискурса, в которых наряду с информативной функцией заметная роль принадлежит функции воздействующей, одним из проявлений которой становится воплощение в тексте *личностной* позиции автора, для чего им привлекаются различные средства. В такого рода публикациях в числе средств воплощения авторского начала нередко используются репрезентанты МПР, что закономерно предполагает не только акцент на содержательной части, но и их *образное* и/или *оценочное* осмысление в условиях дискурса. Наиболее явственно образно-оценочный компонент (в большинстве таких случаев превалирует образность) формируется у репрезентантов МПР, когда они оказываются в составе тропов и стилистических фигур: метафор, эпитетов, часто образующих в сочетании с метафорой синкретичный троп, сравнений и т.д.

Проанализированный материал показал высокую активность использования в современном публицистическом дискурсе устойчивых выражений с репрезентантами МПР, среди которых *родство души* (*родство души, родство по душе*), *духовное родство* и под., а также фразеологизм *Иван, не помнящий родства* в различных вариациях. При дискурсивном осмыслении этих репрезентантов в большинстве случаев акцент ставится на их *ценностной* (как правило, ценностно-образной) значимости, что достигается разнообразными способами организации материала в коммуникативно-речевом произведении.

Примечательно также, что выражения, основой которых является номинация «родство», в процессе дискурсивного освоения в публицистических коммуникативно-речевых образованиях зачастую приобретают весьма очевидную коннотативную семантику положительного свойства, что, в свою очередь, придает им определенную устойчивость – как единице языка, которая в качестве готовой формулы может быть использована для позитивной характеристики межличностных отношений, формирующихся прежде всего на основе общности внутреннего мира людей.

ЛИТЕРАТУРА

Большой академический словарь русского языка. М.; СПб.: Наука, 2014. Т. 23: Распльв – Розниться. 736 с.

Большой академический словарь русского языка. В 27 т. М.: Наука; СПб.: Наука, 2004–... Т. 5.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 2000. Т. 4: Р – V.

Зайцева И.П. Осмысление фразеологизма Иван, не помнящий родства в современном медиадискурсе // Славянская фразеология и паремиология. Культурное наследие и современность: сб. науч. ст. Гомель, 2022. С. 83–88.

Квятковский А. Поэтический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 377 с.

Колесов В.В. ДУХ и ДУША // Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX–XXI веков: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвященной педагогической и научной деятельности проф. Галины Васильевны Звездовой и приуроченной к ее юбилею. Липецк, 2017. Ч. 1. С. 76–85.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.03.2023).

Смирнова Л.Г. Оценочный потенциал существительного в русском языке // Известия Смоленского государственного университета. 2021. № 1(53). С. 61–76.

Солганик Г.Я. Публицистический стиль // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник. Красноярск, 2014. С. 499–501.

Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. В 3 т. Т. 3: Имена существительные с абстрактным значением: Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2003. 630 с.

Zh.V. Marfina

*PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Rector,
Lugansk State Pedagogical University
Lugansk, Russia*

Kinship Mental Field Verbal Representations in Modern Journalistic Discourse

The article analyzes the main representations of the kinship mental field based on the material of the contexts presented in the «Russian National Corpus», including the term «kinship» (as the name of the cultural and linguistic concept «kinship»), fixed expressions «kinship of souls», «spiritual kinship», etc., as well as the idiom «Ivan, who does not remember kinship». The discursive mastering methods of the mentioned verbal representations in journalistic texts are determined. It is noted that the main semantics' actualizer of the term «kinship» as the main representation is its contextual compatibility with disseminators that do not contain figurative components. It is noteworthy that the aspect of the conceptual component of the term «kinship» implemented in connotation (affinity by common origin; similarity based on that affinity) and figurative meaning ('similarity, proximity in content, properties, signs') is mastered in the journalistic discourse.

The results of the research allowed to conclude that the verbal representations of kinship mental field comprised in the tropes, including syncretic and stylistic figures (metaphors, epithets, comparisons, etc.), clearly demonstrate the presence of figurative and evaluative component. The analyzed material showed that expressions, the semantic center of which is the term «kinship», acquire a pronounced positive connotation in the process of discursive mastering.

Keywords: «kinship» term; cultural and linguistic concept; kinship mental field; journalistic discourse; figurative and expressive means of language.

REFERENCES

The Great Academic Dictionary of the Russian Language [Bolshoj akademicheskij slovar russkogo yazyka]. Moscow; St. Petersburg: Nauka, 2014. Vol. 23. Rasplyv–Roznitsya. 736 p. (in Russian).

The Great Academic Dictionary of the Russian Language [Bolshoj akademicheskij slovar russkogo yazyka]. In 27 volumes. Moscow; Nauka; St. Petersburg: Nauka, 2004. Vol. 5. (in Russian).

Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language [Tolkovyj slovar zhivogo velikorussskogo yazyka]. In 4 volumes. Moscow, 2000. Vol. 4: R–V. (in Russian).

Zajceva I.P. Comprehension of the phraseological unit Ivan, who does not remember kinship in the modern media discourse [Osmyslenie frazeologizma Ivan, ne pomnyashij rodstva v sovremennom mediadiskurse]. *Slavic phraseology and paremiology. Cultural heritage and modernity: collection of scientific articles*. Gomel, 2022, pp. 83–88 (in Russian).

Kvyatkovskij A. Poetic dictionary [Poeticheskij slovar]. Moscow: Sov. encyclopaedia, 1966. 377 p. (in Russian).

Kolesov V.V. The spirit and the soul [DUH i DUSHA]. *Spirituality and mentality: ecology of language and culture at the turn of the XX–XXI centuries: collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the pedagogical and scientific activities of Prof. Galina Vasilyevna Zvezdova and dedicated to her anniversary*. Lipeck, 2017. Part 1, pp. 76–85 (in Russian).

The Russian National Corpus [Nacionalnyj korpus russkogo yazyka]. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed on 10 March 2023) (in Russian).

Smirnova L.G. Evaluative Potential of Nouns in the Russian Language [Ochenochnyj potencial sushestvitelnogo v russkom yazyke]. *Issues of Smolensk State University*. 2021, no. 1(53), pp. 61–76 (in Russian).

Solganik G.Ya. Journalistic style [Publicisticheskij stil]. *Effective speech communication (basic competencies): dictionary reference*. Krasnoyarsk, 2014, pp. 499–501 (in Russian).

Russian semantic dictionary: an explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings: in 3 volumes [Russkij semanticheskij slovar: tolkovyj slovar, sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij: v 3 t.] Vol. 3. *Nouns with an abstract meaning: Being. Matter, space, time. Connections, relationships, dependencies. The spiritual world. The state of nature, man, societies*. Edited by N.Yu. Shvedovoj. Moscow: Azbukovnik, 2003. 630 p. (in Russian).

О.В. Петешова

*Балтийский федеральный университет
им. Иммануила Канта
Калининград, Россия*

УДК 81-112

DOI 10.35785/2072-9464-2024-65-1-79-90

ВЛИЯНИЕ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОЙКОНИМИИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: *топоним; ойконим; переименование; экстралингвистический фактор; Калининградская область; топоним-мигрант; мемориальный топоним.*

В статье изучается воздействие таких факторов, как размер и место поселения, а также время его переименования, на выбор советскими властями новых ойконимов при реноминации населенных пунктов Калининградской области после включения восточно-пруссских территорий в состав СССР.

Для изучения были отобраны 2497 актов переименования. Автор рассматривает связь каждого фактора с предпочитаемыми способами согласования исходных и новых географических названий, с долей естественно-географических и мемориальных ойконимов в соответствующих выборках, а для фактора «время» дополнительно с долей топонимов-мигрантов и идеологических названий. По итогам исследования фактора «время» было выявлено, что последовательности самых распространенных способов согласования на разных этапах переименования полностью совпадают, а доля идеологических ойконимов со временем падает. Также установлено, что доля согласований в группах, отобранных по фактору «размер», возрастает по мере роста средней численности населения в поселках той или иной группы. Наконец, характеризуя фактор «место», мы определили, что ономастически непоследовательные районы находятся на юго-востоке области, а ономастически последовательные районы образуют полосу, идущую с севера на юг по центральной части региона с легким перекосом на запад. Эти выводы подтверждают факт влияния экстралингвистических факторов на ход и результаты массовых переименований в сфере ойконимии.

В ходе массового переименования географических объектов, последовавшего за включением территорий бывшей Северо-Восточной Пруссии в состав СССР, советским руководством были заменены названия всех населенных пунктов, присутствовавших на региональных картах. Представители европейской общественности сразу оценили данный процесс негативно, рассматривая его как радикальную, идеологически бесцеремонную акцию, не учитывающую историю этих земель [Лангенфельд, 2011, 169].

Вместе с тем известно, что любая кампания по переименованиям тесно связана с ситуацией, в которой она протекает и которая предопределяет отбор ойконимов в соответствии с принципом коммуникативной целесообразности [Шемчук, 2005, 17]. Именно по этой причине мы поставили своей целью определение роли экстралингвистических факторов в отборе основных стратегий местного переименования. В качестве таких факторов мы, вслед за В.Д. Валль, рассматриваем время осуществления реноминации, размер переименованного населенного пункта и его местоположение в регионе [Валль, 2014]. Однако, в отличие от автора этой работы, написанной под нашим научным руководством, мы привлекаем в качестве материала исследования не 468 случайно отобранных актов переименования, построенных по принципу «исходный восточно-пруссский – новый советский ойконим», а все 2497 реноминаций, реализованных в Калининградской области в первое послевоенное пятилетие, что позволяет нам прийти к совершенно другим выводам. Основным источником информации при этом служит архивный документ «Указы Президиума Верховного Совета СССР», содержащий перечни всех соответствующих переименований [УПВС].

Поскольку исходными ойконимами при рассматриваемых региональных переименованиях являются не только легко трактуемые нами лексические единицы немецкого происхождения, но и многочисленные балтизмы, то есть древнепрусские и литовские слова, то для их интерпретации используются работы немецких исследователей, анализировавших семантику ключевых топоформантов немецкоязычной ойконимии балтийского происхождения (например, [EВBF; Gerullis, 1922; Nesselmann, 1873]).

Роль фактора «время» при региональных переименованиях. Переименования населенных пунктов бывшей Северо-Восточной Пруссии были полностью проведены за 1946–1950 годы, причем не в форме разовой массовой реноминации, а в результате издания в разное время целых шести Указов Президиума Верховного Совета СССР. Данные Указа от 4 июля 1946 года, которым столица региона Кенигсберг была переименована в Калининград, и Указа от 27 ноября 1946 года, которым город Пиллау был преобразован в Балтийск, мы сознательно не рассматриваем по причине количественной нерелевантности при сопоставительном анализе задействованных в них ойконимов. Соответственно, задачей нашего исследования на этом его этапе становится сравнение номинативной деятельности инициаторов переименования, зафиксированной в четырех Указах Президиума Верховного Совета СССР:

1) 7 апреля 1946 года, когда были осуществлены реноминации 14 новых районных центров;

2) 17 июня 1947 года, когда были переименованы преимущественно центры сельских советов новой области РСФСР (122 населенных пункта);

3) 17 ноября 1947 года, когда переименованию подверглись обычные населенные пункты региона (1192 случая);

4) 5 июля 1950 года, когда переименование обычных населенных пунктов (их оставалось 1167) было завершено.

В первом из четырех случаев решения по выбору новых географических названий принимались на уровне Совета министров СССР, который формально запрашивал предложения Кенигсбергского областного управления по гражданским делам, но в итоге рассматривал их весьма критически [Маслов, 2014]. В остальных случаях инициатива полностью исходила от специальных комиссий, создаваемых районными властями из представителей местных органов власти, учреждений коммунального хозяйства, творческой интеллигенции и трудовых коллективов. Они должны были выработать предложения по новым названиям, максимально понятным новоселам [Маслов, 2019].

Если отбор населенных пунктов, включенных в первый и второй Указы из приведенного выше списка, однозначно продиктован новой административной ролью затронутых поселений, то распределение названий поселков и деревень между третьим и четвертым Указами, содержащими абсолютное большинство региональных ойконимов, не поддается, на наш

взгляд, совершенно никакой логике. В обоих документах задействуются населенные пункты практически всех 17 существующих на тот момент районов Калининградской области (в Указе № 4 отсутствуют только номинации из Правдинского района), причем нельзя утверждать, что ойконимы из каждого района в двух документах представлены в равных пропорциях. Напротив, применительно к некоторым районам их количество к последнему периоду переименований серьезно возрастает (например, от 27 до 123 в Советском районе), а в других районах заметно падает (в частности, от 103 до 12 в Багратионовском районе).

Сопоставление четырех документированных периодов региональных переименований осуществлялось нами по пяти количественно выраженным параметрам:

- частотность согласованных реноминаций, то есть фактов отбора новых ойконимов с учетом формы или семантики исходных ойконимов;

- частотность новых ойконимов, семантика которых отражает объективные, природные свойства населенных пунктов, например, их флору, фауну, климатические условия или рельеф (в дальнейшем для краткости будем обозначать их как естественно-географические, например, *пос. Сосновка*, *пос. Побережье*, *пос. Высокое*);

- частотность мемориальных ойконимов как названий, увековечивающих значимые события советской или русской истории, а также деятелей советской или русской культуры (например, *пос. Лермонтово*, *пос. Ильюшино*, *пос. Фурманово*);

- частотность ойконимов-мигрантов, то есть номинаций городов и поселков, перенесенных на новые для них территории колхозниками-переселенцами из других регионов с теми же названиями (в частности, *пос. Брянское*, *пос. Ярославское*, *пос. Псковское*);

- частотность географических названий, связанных с коммунистической символикой, типа *пос. Новоколхозное*, *пос. Краснознаменское*, *пос. Ударное* (в дальнейшем мы будем считать такие названия собственно идеологическими, понимая, что на самом деле ярко выраженную идеологическую нагрузку несут, помимо них, и охарактеризованные выше мемориальные ойконимы, и ойконимы-мигранты).

При сопоставлении четырех периодов по частотности согласованных реноминаций выяснилось, что доли ойконимических согласований существенно расходятся во времени и могут быть ранжированы следующим образом: период № 1 – 0%, период № 2 – 18%, период № 3 – 29%, период № 4 – 8%. Единственным значимым выводом здесь может быть лишь утверждение, что на первом этапе при переименовании районных центров, объективно наиболее часто упоминаемых в общественных дискуссиях, для инициаторов реноминаций было важно максимально продемонстрировать свое

дистанцирование от вражеской восточно-прусской культуры и устремленность Калининградской области в новое будущее.

Вместе с тем последовательность самых распространенных из возможных способов согласования при переименованиях в разные временные периоды практически совпадает. Это наглядно представлено в таблице 1, где приводятся количественные данные по согласованным реноминациям рядовых населенных пунктов в третьем и четвертом периодах.

Таблица 1

Количественные данные по согласованным реноминациям рядовых населенных пунктов

Период 3	Период 4	Пример реализации данного способа согласования
1. Одинаковая тематическая соотнесенность – 59	1. Одинаковая тематическая соотнесенность – 44	Исходный и новый ойконимы относятся к одной и той же семантической группе, например фауне: <i>Finkengrund</i> (немецкое ‘долина зябликов’) → <i>пос. Грачево</i>
2. Идеологическая антонимия – 36	2. Идеологическая антонимия – 38	Исходный и новый ойконимы несут разноплановую идеологическую нагрузку: <i>Louisenthal</i> (по имени прусской королевы) → <i>пос. Нахимово</i> (по фамилии русского военачальника)
3. Перевод – 29	3. Перевод – 11	<i>Steinai</i> (от немецкого Stein ‘камень’) → <i>пос. Каменка</i>
4. Переосмысление – 24	4. Переосмысление – 8	Новый ойконим обладает формальным сходством с исходным, но не совпадает с ним по своей семантике: <i>Kaschelen</i> (от прусского ‘мех’) → <i>пос. Кошелево</i>
5. Семантическая антонимия – 5	5. Семантическая антонимия – 1	Новый ойконим или его компонент имеет значение, противоположное значению старого ойконима: <i>Groß Dumbeln</i> (первый компонент – немецкое ‘большой’) → <i>пос. Малое Ижевское</i>
6. Заимствование – 0	6. Заимствование – 0	Перенос исходного ойконима в новую языковую систему с графической и морфологической ассимиляцией практикуется в регионе только во втором периоде переименования: <i>Domnau</i> → <i>пос. Домново</i>

Элементарные количественные подсчеты показывают, что в третьем и четвертом периодах доли случаев использования идеологической антонимии являются абсолютно одинаковыми, составляя 3% всех актов согласованных переименований. Во втором периоде этот процентный показатель отличается также весьма незначительно, не превышая 8% всей выборки.

Что касается результатов сравнения разных временных срезов калининградской кампании по переименованиям по четырем остальным параметрам, то было установлено почти полное отсутствие тех или иных значимых закономерностей. Так, в разное время доли естественно-географических названий среди новых ойконимов будут относительно сопоставимыми (21% – 30% – 40% – 30%). Частотность мемориальных ойконимов в первые три периода падает, однако в четвертый период немотивированно возрастает (42% – 20% – 17,8% – 27,7%). По распространению ойконимов-мигрантов с учетом темпорального критерия также невозможно выявить какие-либо релевантные закономерности (0% – 27% – 15,9% – 15,6%), хотя бросается в глаза факт почти полного совпадения их доли при анализе двух периодов переименования рядовых населенных пунктов региона.

Тем не менее в сфере замены исходных названий на собственно идеологические нами зафиксирована однозначно нисходящая тенденция. В то время как в Указе № 1 коммунистическая символика используется в 36% названий (например, *г. Краснознаменск, г. Пионерский, г. Советск*), что может быть связано с его особой ролью в закреплении территориальной принадлежности новых территорий Советского Союза, в Указе № 2 представлено 8% таких номинаций, а в последующих Указах – лишь 4% и 3,7% соответственно. Это означает, по нашему мнению, что на степень идеологизации географических названий при реноминации предсказуемо влияет политико-экономический статус переименовываемого объекта (для населенных пунктов из Указов № 3 и № 4 данный статус является одинаковым, поэтому приведенные процентные показатели варьируются очень незначительно).

Роль фактора «размер» при региональных переименованиях.

При анализе влияния размера населенных пунктов на стратегии их переименования советскими властями мы разделили все поселения, расположенные на изучаемых территориях, на шесть неравновеликих групп, которые можно ранжировать по их количественной представленности следующим образом:

- объекты с населением 101–500 человек – 1041 наименование;
- объекты с населением 11–100 человек – 782 наименования;
- объекты с населением 501–1000 человек – 137 наименований;
- объекты с населением 1001–3000 человек – 44 наименования;
- объекты с населением 10 и менее человек – 29 наименований;
- объекты с населением более 3000 человек – 27 наименований.

Такое подразделение населенных пунктов по данным на 1938 год не совпадает с изложенным выше делением на районные центры, центры сельских советов и рядовые населенные пункты, поскольку среди районных центров присутствуют малые города (г. Ладушкин – 1253 жителя, г. Краснознаменск – 2070 жителей, г. Светлогорск – 2544 жителя и т.п.). Среди центров сельских советов, наоборот, имеются достаточно крупные поселения (пос. Корнево – 5801 житель, пос. Ясное – 4510 жителей). Довольно большими

являются и некоторые населенные пункты, ставшие в СССР рядовыми (примеры – пос. Крылово с 3173 жителями или пос. Громово с 1155 жителями).

Отметим также, что некоторые официально переименованные населенные пункты (в частности, Brandlacken, Ringels или Argenbruch) в действительности прекратили свое существование уже к 1905 году, однако инициаторы переименований руководствовались при отборе исходных ойконимов донацистскими картами Восточной Пруссии, поэтому факт замены соответствующих названий вполне подлежит объяснению. Кроме того, подчеркнем, что для 437 переименованных поселений, или 17% от нашего общего материала исследования, численность населения не удалось установить. В этой связи при дальнейшем квантитативном анализе мы отталкиваемся от 2060 актов топонимических реноминаций как от общего количества осуществленных переименований.

При изучении корреляции согласованных переименований с размером населенных пунктов, при котором мы полностью исключили из рассмотрения одинаковую тематическую соотнесенность по причине ее преимущественно случайного характера, выяснилась одна достаточно яркая закономерность: чем больше населенный пункт, тем более высокая доля согласований имеет место при смене номинаций в соответствующей группе ойконимов. Так, на первой позиции по частотности согласованных переименований находятся самые крупные региональные поселения (20,5% согласований среди объектов с населением 1001–3000 человек и 14,8% среди объектов с населением более 3000 человек). На втором месте оказались средние географические объекты с населением от 501 до 1000 человек (доля согласованных переименований в этой группе составляет 10,9%). Для малых населенных пунктов данный процент не превышает 6,8. Среди исчезающих объектов с населением не более 10 человек случаи согласованных переименований не зафиксированы вообще.

На наш взгляд, обрисованная закономерность объясняется тем, что, как мы видели при описании фактора «время», в целом среди способов согласования ойконимов заметно доминирует идеологическая антонимия, которая основана на четкой замене идеологической окраски ойконимов, обладающей особой значимостью именно применительно к крупным населенным пунктам, названия которых находятся «на слуху» у новых жителей области.

Напротив, переводу подвергаются только названия небольших поселений с численностью населения до 1000 человек, и даже в этой сфере он затрагивает не более 2,9% всех реноминаций, поскольку сохранение семантики более крупных географических названий, в особенности городов, в экстралингвистических условиях конца 40-х годов XX века было весьма нежелательным по тем же самым идеологическим причинам.

При определении места мемориальных и естественно-географических названий в группах поселений разного размера не было зафиксировано

ни одной релевантной закономерности. Например, при рассмотрении первых четырех из шести групп доля мемориальных названий падает при переходе к каждой новой группе (34,5% → 24,4% → 22,5% → 19,7%), после чего необъяснимым образом начинает повышаться вплоть до 35,2% от соответствующих выборок ойконимов. Получается, что среди названий поселков с населением не более 10 человек фигурирует самое большое относительное количество мемориальных номинаций, что, по нашему мнению, противоречит стремлению связать с именами выдающихся деятелей советской культуры более часто упоминаемые крупные населенные пункты, которое было бы более логичным в ситуации осуществления местной кампании по переименованию географических объектов.

Примерно те же тенденции касаются использования в новой ойконимии естественно-географических названий. Возрастая в сфере названий из первых трех по своему размеру групп от 27,6% до 41%, их доля затем резко падает, а в среднем составляет 29% на группу объектов.

Итак, фактор «размер» обуславливает ход и результаты калининградских переименований только в одном из возможных аспектов своего влияния.

Роль фактора «место» при региональных переименованиях. Поскольку, как было обозначено выше, инициатива по отбору новых региональных ойконимов исходила, как правило, от районных властей, то при исследовании особое внимание было уделено анализу фактора «место», причем между собой сопоставлялись именно кампании по переименованию на уровне 17 вновь образованных районов Калининградской области. По числу актов реноминации данные районы достаточно заметно отличаются друг от друга. Крупными районами в этом плане являются Озерский с его 242 переименованиями, Черняховский с 240 переименованиями и Приморский со 195 переименованиями. Меньше всего реноминаций было реализовано в Калининградском районе (63 акта), Правдинском районе (67 актов), в Большаковском и Ладушкинском районах (по 69 актов в каждом из них).

На первом этапе изучения действия фактора «место» были традиционно рассмотрены доли согласованных переименований, но теперь на уровне отдельных районов области. Было установлено, что соответствующие значения варьируют в пределах от 5,5% для Нестеровского района до 25,4% для Правдинского района. От средней доли в 11,5% на район существенно отклоняются как раз только Нестеров и Правдинск. В абсолютных показателях лидерами по числу ойконимических согласований являются Славск и Полесск, в то время как Нестеров находится на противоположной стороне данной сравнительной шкалы. Первые места по количеству случаев использования идеологической антонимии принадлежат Железнодорожному и Озерскому районам (11 и 10 случаев соответственно). Больше всего переведенных с исходного языка ойконимов отмечено в Славске, в то время

как в четырех районах области перевод не задействуется совсем. Аналогичным образом в восьми районах региона совершенно не применяется переосмысление как способ согласования ойконимов, хотя в Озерском районе оно реализуется 9 раз, а в Советском – 7 раз.

Доля естественно-географических названий при их порайонном рассмотрении также колеблется в достаточно широких пределах (от 24% в Гусевском районе до 52% в Славском районе). Серьезные отклонения от ее среднего значения в 35,6%, превышающие 10-процентный порог, фиксируются не только в Гусеве и Славске, но и в Железнодорожном и Озерском районах (в меньшую сторону), а также в Большаковском, Гвардейском, Калининградском и Правдинском районах (в большую сторону).

Наконец, средняя доля мемориальных названий в одном районе Калининградской области составляет 22,8%. Ее превышают более чем на 10% Озерский район (32% выборки) и Железнодорожный район (40%). Значительно более низкие доли мемориальных ойконимов характерны для Большаковского района с его 11,6% и Славского района с его 10%.

Изучая общую картину воздействия фактора «место» на переименования в регионе, мы выяснили, что последовательнее всего тезисы ономастики, ориентирующей инициаторов переименований на согласования ойконимов, предпочтение естественно-географических номинаций и минимальное использование мемориальных названий, реализуются в Славском районе Калининградской области. Если считать, что в идеальной ситуации доля согласований ойконимов в одном районе должна быть выше ее среднего значения в 11,5%, доля естественно-географических номинаций должна превысить среднее значение в 35,6%, а доля мемориальных названий, наоборот, быть ниже среднего значения в 22,8%, то к числу ономастически последовательных районов на анализируемых территориях можно отнести также Большаковский, Гвардейский, Калининградский и Правдинский районы. Обратные тенденции, напротив, более свойственны таким районам области, расположенным в порядке возрастания ономастической непоследовательности в действиях властей при переименованиях географических объектов, как Гусевский, Нестеровский, Советский и Озерский.

При исследовании социально-экономического развития Калининградской области специалисты предлагают выделять в регионе три так называемых макрорайона:

– Западный, включающий в себя, согласно научным источникам, Полесский, Гвардейский, Калининградский и Правдинский районы [Федоров, 2009], а также, в соответствии с картографическими данными, Гурьевский, Багратионовский, Приморский и Ладужинский районы. В сумме в этом макрорайоне было осуществлено 1022 акта переименования населенных пунктов;

– Северный, объединяющий Советский, Славский, Неманский и Краснознаменский районы, а по картографическим данным также Большаковский район. Здесь были переименованы 576 поселений;

– Юго-восточный, к которому принадлежат оставшиеся Черняховский, Гусевский, Нестеровский, Озерский и Железнодорожный районы, где переименованиям подверглись 899 населенных пунктов.

В указанных макрорайонах доли согласованных переименований демонстрируют удивительную сопоставимость (12%, 9,4% и 10,3% соответственно).

Если рассматривать ономастическую последовательность переименований на уровне макрорайонов, то три из четырех ономастически непрерывных районов оказались расположенными в Юго-восточном макрорайоне Калининградской области. Ономастически последовательные районы распределились по оставшимся макрорайонам приблизительно в равных пропорциях, что показывает отсутствие привязки к макрорайону в данной сфере. Однако при изучении региональных карт становится очевидным, что наиболее последовательные районы тянутся своеобразной полосой с севера на юг по центральной части области с легким перекосом в западном направлении. В этом контексте естественным представляется предположение о влиянии на принятие решений в разных регионах конкретного состава сформировавшихся в них комиссий по переименованию, поскольку близость предпочтений членов комиссий именно на этих территориях может предопределять близость подходов к переименованию. Тем не менее на настоящий момент в распоряжении специалистов имеются данные о составе комиссий лишь в шести районах Калининградской области [Маслов, 2019, 85], поэтому любые утверждения о региональных реноминациях в целом остаются лишь на уровне предположений.

* * *

Таким образом, мы видим, что в целом нельзя говорить о четком влиянии времени переименования и размера переименованного населенного пункта на отбор новых ойконимов, в то время как фактор пространственного положения географического объекта в Калининградской области заметно сказывается на реноминациях городов, поселков и деревень, осуществленных советским руководством в конце 40-х годов прошлого века, что может объясняться участием в районных переименованиях членов комиссий со сходными идеологическими и эстетическими представлениями.

ЛИТЕРАТУРА

Валль В.Д. Роль экстралингвистических факторов при переименовании населенных пунктов Калининградской области // *Linguamobilis*. 2014. № 1. С. 55–63.

Лангенфельд М. Процесс переименований в Калининградской области // Калининградские архивы. 2011. № 9. С. 158–171.

Маслов В.Н. Переименование районных центров Калининградской области в 1946 году // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 12. С. 58–69.

Маслов В.Н. Предложения районных властей о переименовании центров сельских советов Калининградской области (октябрь–ноябрь 1946 г.) // Калининградские архивы. 2019. № 16. С. 84–123.

УПВС – Указы Президиума Верховного Совета СССР // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. 297. Оп. 1. Д. 102а.

Федоров Г.М. Знаете ли Вы Калининградскую область? Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. 205 с.

Шемчук Ю.М. Переименование в лексике современного немецкого языка // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 16–19.

Gerullis G. Die altpreußischen Ortsnamen. Berlin und Leipzig: Vereinigung wissenschaftlicher Verleger, 1922. 286 S.

Nesselmann G. Thesaurus Linguae Prussicae. Berlin: Harrwitz und Gossmann, 1873. 224 S.

EBBF – Endungen und Besonderheiten baltischer Familiennamen. URL: https://genwiki.genealogy.net/Endungen_und_Besonderheiten_baltischer_Familiennamen (дата обращения: 21.11.2022).

O.V. Peteshova

*PhD in Philological Sciences, Associate Professor,
Institute of Education and Humanities,
Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russia*

Influence of Extralinguistic Factors on the Formation of Oikonymy in Kaliningrad Region

This article studies the impact of such factors as the size and the location of a settlement and the time of its renaming as well on the choice of new oikonyms made by the Soviet authorities when the settlements of the Kaliningrad region were renamed after the inclusion of the eastern Prussian territories into the USSR. 2497 acts of renaming were selected and studied. The author examines the connection of each factor with the preferred methods of coordination of the original and new geographical names, with the share of natural-geographical and memorial oikonyms in the corresponding samples, and for the «time» factor the share of migrant toponyms and ideological names is also considered. As a result of the «time» factor study it was revealed that the sequence of the most common methods of coordination fully coincide at different stages of renaming while the share of ideological names decreases over the time. In addition, it was discovered that the share of coordination tends to increase in the groups selected according to the «size» factor together with the increase of the population of the settlements. Finally, while «place» factor was considered it turned out that onomastically uncoordinated areas are located in the south-east of the region, while onomastically coordinated ones form a line stretching from the north to the south of the region slightly shifting to the west. The obtained results prove the fact that extra linguistic factors influence the process and the results of massive renaming in the field of oikonymy.

Keywords: *toponym; oikonym; renaming; extralinguistic factor; Kaliningrad region; migrant toponym; commemorative toponym.*

REFERENCES

Vall V.D. The role of extralinguistic factors in the renaming of settlements in the Kaliningrad region [Rol' ekstralingvisticheskikh faktorov pri pereimenovanii naseleennykh punktov Kaliningradskoi oblasti]. *Linguamobilis*, 2014, no. 1, pp. 55–63 (in Russian).

Langenfeld M. The process of renaming in the Kaliningrad region [Protsess pereimenovani v Kaliningradskoi oblasti]. *Kaliningrad archive*, 2011, no. 9, pp. 158–171 (in Russian).

Maslov V.N. The renaming of district centers in the Kaliningrad region in 1946 [Pereimenovanie raionnykh tsentrov Kaliningradskoi oblasti v 1946 godu]. *Bulletin of Baltiisk Federal University of I. Kant*, 2014, no. 12, pp. 58–69 (in Russian).

Maslov V.N. Proposals from district authorities on the renaming of centers of rural councils in the Kaliningrad region (October–November 1946) [Predlozheniia raionnykh vlastei o pereimenovanii tsentrov sel'skikh sovetov Kaliningradskoi oblasti (oktiabr'-noiabr' 1946 g.)]. *Kaliningrad archive*, 2019, no. 16, pp. 84–123 (in Russian).

UPVS – Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR [UPVS - Ukazy Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR]. *Materials of State archive of Kaliningrad region*, Library holdings 297, Inventory 1, Case 102a (in Russian).

Fedorov G.M. Do you know the Kaliningrad region? [Znaete li Vy Kaliningradskuiu oblast'?). *Kaliningrad: Federal University of I. Kant*, 2009, 205 p. (in Russian).

Shemchuklu M. Renaming in the vocabulary of modern German language [Pereimenovanie v leksike sovremennogo nemetskogo iazyka]. *Issues of Voronezh State University. Series «Linguistics and Intercultural Communication»*, 2005, no. 2, pp. 16–19 (in Russian).

Gerullis G. *Die altpreußischen Ortsnamen*. Berlin und Leipzig, Vereinigung wissenschaftlicher Verleger, 1922. 286 S. (in German).

Nesselmann G. *Thesaurus Linguae Prussicae*. Berlin, Harrwitz und Gossmann, 1873. 224 S. (in German).

EBBF – Endungen und Besonderheiten baltischer Familiennamen. Available at: https://genwiki.genealogy.net/Endungen_und_Besonderheiten_baltischer_Familiennamen (accessed on 21 November 2022) (in German).

И.М. Басовец

*Минский государственный лингвистический университет
Минск, Республика Беларусь*

УДК 811.161.3+811.111'42

DOI 10.35785/2072-9464-2024-65-1-90-102

**ЛУЧЕВИДНАЯ СУБЪЕКТНАЯ МОДЕЛЬ ТЕКСТОВОЙ
ДЕАВТОРИЗАЦИИ В МЕДИАЖАНРАХ
(на материале английского и белорусского языков)**

Ключевые слова: *текстовая деавторизация; конструкции деавторизации; нереферентный субъект; лучевидная субъектная модель; прагматическая маркированность.*

Цель статьи заключается в построении лучевидной субъектной модели текстовой деавторизации на материале англо- и белорусскоязычных

медiateкстов информационных жанров с выявлением общих и отличительных признаков.

В результате анализа способов расположения субъектных компонентов конструкций деавторизации в новостных статьях и текстах интервью с применением метода моделирования, методов семантического и контекстуального анализа построена лучевидная субъектная модель текстовой деавторизации, демонстрирующая в сопоставляемых англо- и белорусскоязычных медиатекстах схожие и отличительные черты.

Установлены общие для сопоставляемых медиакультур признаки анализируемой модели: структурно-семантический параллелизм конструкций деавторизации, наличие схожих повествующих субъектных групп, дихотомия мнений специалистов и неспециалистов. Определены разные признаки модели в сравниваемых медиакультурах, которые относятся к характеру доминантной прагматической маркированности и формально-референциальным характеристикам субъектных компонентов в конструкциях деавторизации. Выявлена жанровая специфика исследуемой модели в текстах интервью, где фиксируется разновидность лучевидной субъектной модели, в которой противопоставляются две коллективные точки зрения по принципу «свои – чужие», при этом для усиления позиции «своих» используется ряд фортификационных дискурсивных сигналов.

Проблема выделения деавторизации как текстовой категории и систематизации средств ее реализации в современном языкознании видится нам значимой, поскольку проявляется в постановке вопросов достоверности сообщаемой информации и возможности ее верификации, что актуально как для современной лингвистики текста, прагмалингвистики, медиалингвистики и журналистики, так и для общества в целом.

Траектория изучения деавторизации на текстовом уровне была подготовлена рядом лингвистических исследований последних лет. Так, к примеру, в ходе исследования способов сокрытия источников в современных газетных и журнальных текстах Е.В. Осетрова фиксирует использование ряда конструкций для передачи неавторизованной информации в виде слухов: «Уход от конкретного авторства в сторону неопределенности, а то и полной анонимности источника стал узальной нормой СМИ» [Осетрова, 2010, 6]. В работе автор говорит о генеральном модусе неавторизованной информации, который реализуется на текстовом уровне: «С генеральным модусом массовый адресат сталкивается, когда обсуждению какого-либо конкретного слуха посвящена вся публикация» или это «задано редакторской политикой, структурой издания, отражаясь в названиях газетных и журнальных рубрик» [Там же, 25–27]. Упоминание участия неавторизованной информации в реализации текстостроительной функции отмечает и С.В. Гричин: «Неавторизованные высказывания, представляющие собой конститутивные части текста, чередуясь, генерируют новые смыслы, импликации, обуславливая тем самым дальнейшее

развитие текста» [Гричин, 2017, 149]. При изучении коммуникативно-правовых рисков в публичной коммуникации М.А. Осадчий квалифицирует деавторизацию как коммуникативную тактику, применяемую журналистом в ходе создания текста, которая «характеризуется намерением говорящего снять с себя авторскую ответственность» [Осадчий, 2012, 53]. В этом же ключе А.В. Курьянович затрагивает проблему деавторизации как способа «ухода от правовых рисков» в коммуникации [Курьянович, 2016, 11–12]. Одной из последних работ в данной области является исследование Ю.Н. Драчевой, где на материале научно-популярных статей определен «языковой механизм деавторизации текста», под которым автор понимает «внесение в текст установки на неопределенное авторство» и отмечает, что, к примеру, при освещении научных проблем в массмедиа «наблюдается тенденция нивелировать имена исследователей, ученых» и представлять их в весьма обобщенном виде, поскольку «медиаобраз тяготеет к ономастической концептуализации, отвечающей квазиэнциклопедичности подачи информации» и «стремлению к внешней достоверности информации», что и «требует сохранения некоторых семантических компонентов (например, указания на ученых без приведения фамилий конкретных исследователей и их трудов)» [Драчева, 2019, 225–226].

Комплексный анализ деавторизации на уровне высказывания, а также ряд намеченных тенденций, подготовленных вышеупомянутыми лингвистами в изучении деавторизации на уровне текста, позволили нам сформулировать определение текстовой деавторизации, которая представляет собой коммуникативно-прагматическую категорию, предполагающую интегрирование неидентифицируемых чужих голосов в текст и их сцепление таким образом, что они способны переакцентировать отрезки текста, включить в ткань повествования предложения с размытым или нулевым авторством и одновременно создать видимость ссылок на разные источники для реализации различных прагматических задач. Основной единицей текстовой деавторизации является деавторизованное высказывание, которое вводится в текст при помощи конструкций деавторизации. Наблюдения за функционированием деавторизованных высказываний в пространстве целого текста позволяют не только зафиксировать их роль в развитии повествования, но и обнаружить, что субъекты в конструкциях деавторизации зачастую расположены не хаотично, а образуют системные связи. Так, наши наблюдения в отношении англо- и белорусскоязычных текстов информационных жанров (новостные статьи, интервью) показывают, что в обеих сопоставляемых медиакультурах одной из наиболее распространенных субъектных моделей текстовой деавторизации является лучевидная.

Лучевидная субъектная модель текстовой деавторизации демонстрирует чередование и поэтапную смену конструкций с разнореференциальными субъектными номинациями, как правило, представляющими две неиндивидуализированные, четко разграниченные группы лиц, которые кодируются преимущественно полными именными группами. Рассмотрим ее

схематичное представление на примере новостной статьи «How MI5 agent used Celtic tickets to infiltrate ‘New IRA’» ‘Как агент МИ5 использовал билеты в приложении Celtic для проникновения в «Новую ИРА»’ (The Times, December 28, 2022). Здесь и далее по тексту при построении моделей приняты следующие символичные обозначения: S_n – нереферентный субъект¹, $S_{но}$ – нереферентный обобщенный субъект, $S_{нн}$ – нереферентный неопределенный субъект, $S_{нон}$ – нереферентный обобщенный инклюзивный (включающий говорящего) субъект, S_p – референтный субъект, T – объединяющая высказывания повествующих субъектов тема обсуждения.

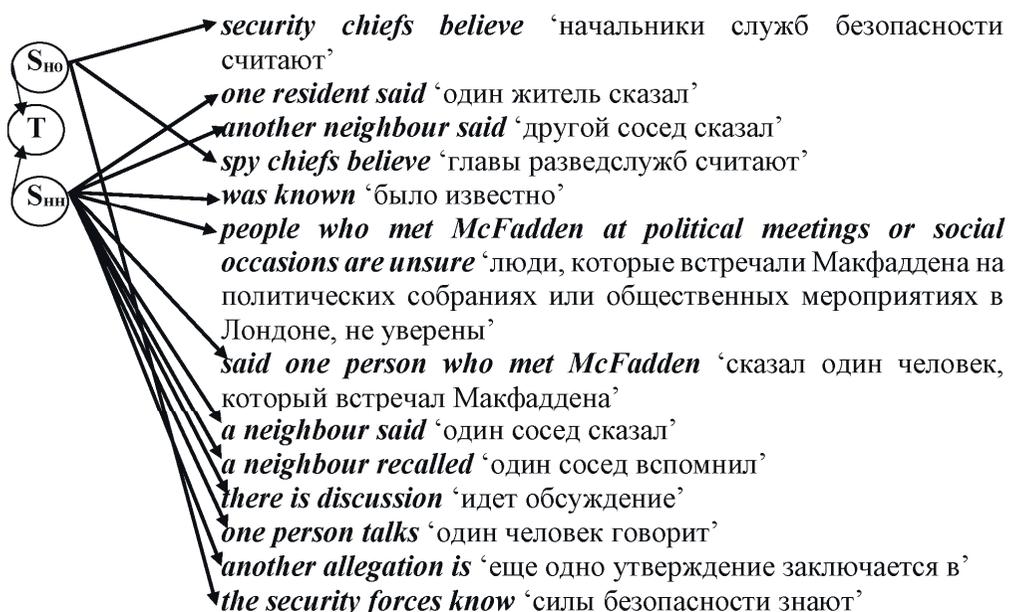

Схема 1. Лучевидная субъектная модель текстовой деавторизации в англоязычной статье

Из приведенной схемы видно, что в данной модели в большинстве случаев присутствует параллелизм конструкций деавторизации, маркирующих деавторизованные высказывания, в отношении как структурного, так и референциально-семантического наполнения: в конструкциях с обобщенными субъектами ($S_{но}$), репрезентующими органы безопасности, представлены субъекты мысли, вербализованные схожей именной группой с идентичным или синонимичным глагольным компонентом (*believe* (2), *know* (1)); в субъектно-предикатных конструкциях с неопределенными субъектами ($S_{нн}$), репрезентующими простых людей, представлены преимущественно субъекты

¹ Под нереферентным субъектом понимается субъект, который не подлежит идентификации адресатом, не соотносится с конкретным субъектом в реальном мире и бывает двух разновидностей: нереферентный обобщенный (кодируется весьма обобщенной номинацией, не относится к конкретной группе лиц с четко очерченными границами референтной области) и нереферентный неопределенный (кодируется языковыми средствами категории неопределенности или не выражен вербально, но подразумевается).

речи с идентичным глагольным компонентом (*said*). Строеие лучевидной модели основывается на дихотомии мнений, слов, оценок «специалистов» / «неспециалистов» и на противопоставлении или разграничении их позиций: в случае с анализируемым текстом различаются подходы обобщенных субъектов мысли («сил безопасности»), которые «считают / знают», и неопределенных субъектов речи (соседей, простых людей), которые «говорят».

Деавторизованные высказывания в рассматриваемой статье демонстрируют чередование утверждений, подаваемых от имени нереферентных субъектов двух разновидностей: обобщенных, с одной стороны, и эксплицитных или имплицитных неопределенных – с другой. В деавторизованных высказываниях с эксплицитным неопределенным субъектным компонентом *a neighbour said* ‘один сосед сказал’ и *a neighbour recalled* ‘один сосед вспомнил’ сохраняется неопределенный артикль в значении ‘один, некий’, поскольку имеет место не повторная номинация того же неопределенного субъекта (иначе по правилам грамматики английского языка при повторном употреблении существительного необходимо было бы использовать определенный артикль), а цитируются два разных субъекта, что становится понятным из логики повествования. Учет контекста использования редуцированных референциальных выражений позволяет заключить, что неопределенные подразумеваемые субъекты (предстающие как «третьеличные нули»² [Падучева, 2012]) в конструкциях *was known* ‘было известно’, *there is discussion* ‘идет обсуждение’, *another allegation is* ‘еще одно утверждение заключается в’ не соотносятся с конкретными ни ретроспективно, ни проспективно. Значительно меньшее количество редуцированных референциальных выражений по сравнению с полными (3 : 10) объясняется тем, что журналист-автор активизирует новых референтов при разносторонней подаче информации от имени разных субъектов, а при каждом введении нового субъекта – источника информации, отличного от предыдущего упомянутого, необходимой является его вербализация посредством полных референциальных выражений, что позволяет маркировать такой когнитивный переход и очертить границы транслируемых эпизодов. Подобный маркированный переход к новому источнику информации С.В. Гричин именует «сменой авторизационного ключа», которая рассматривается как дискурсивное действие и актуализирует дискретизацию описываемых объектов и отношений, акцентирует их определенные признаки, способствуя тем самым реализации прагматических стратегий (либо их частей) [Гричин, 2017, 150–151]. В данной модели основным прагматическим вектором составляющих ее компонентов является разносторонняя характеристика предмета обсуждения (агента MI5) со стороны а) «сил безопасности», которые представлены обобщенными номинациями и оказываются референциально

² Термин «третьеличный нуль» введен Е.В. Падучевой, под ним понимается «подразумеваемое подлежащее (нулевой субъект) 3-го лица, который относится к разряду субстантивных нулевых знаков» [Падучева, 2012].

затемненными, и б) простых граждан или соседей, которые в силу неопределенности выступают референциально непрозрачными. Использование конструкций деавторизации в таких случаях выполняет текстостроительную функцию, заключающуюся в оформлении процесса предъявления читателю материала, который содержит ту или иную характеристику объекта. Такое предъявление материала соответствует прагматической установке «описание свойств объекта», которая ориентирована на выделение значимых признаков, параметров и характеристик объекта, его положительных и отрицательных свойств [Там же, 145]. Коммуникативное намерение автора отражает лежащие за ним ментальные операции (сравнения, анализа, обобщения и др.) и реализуется в многоуровневом единстве выраженных деавторизованными высказываниями смыслов, основанных на переработке и фиксации в тексте полученной журналистом информации. Конструкции деавторизации выступают в качестве речевого средства, маркирующего в тексте элементы когнитивно-дискурсивной деятельности автора-журналиста, состоящей в воплощении в тексте переходов сообщаемых эпизодов, структурированных в соответствии с авторской интенцией.

Строение лучевидной субъектной модели текстовой деавторизации в англо- и белорусскоязычной медиакультурах оказывается схожим и предопределяется наличием как минимум двух центров, при этом переменными характеристиками могут выступать а) референциальный статус субъектов и количество субъектных центров, объединяющих субъектные группы, и б) расположение высказываний неиндивидуализированных лиц в тексте: они могут не демонстрировать чередования, а быть представлены линейно-последовательно. Рассмотрим сказанное на примере белорусскоязычной новостной статьи «Хабар для Евы. Колькі каштуе Еўрапарламент?» (Звезда, 23.12.2022).

Схема 2. Лучевидная субъектная модель текстовой деавторизации в белорусскоязычной статье

В субъектно-предикатных конструкциях с обобщенными субъектами ($S_{но}$), репрезентующими экспертов, представлены субъекты речи, вербализо-

ванные именными группами (*эксперты, еўрапейскія СМІ*) и локативным детерминантом (*у Еўрапарламенце*), в то время как в конструкциях с неопределенными субъектами ($S_{\text{ни}}$), репрезентующими не экспертов, подразумеваются субъекты речи / мысли в составе редуцированных референциальных выражений с третьеличным нулем (неопределенно-личных, безличных и номинализованных конструкций), которые, однако, не соотносятся с упомянутыми ранее обобщенными номинациями, поскольку подразумевают более широкий неидентифицируемый круг лиц. Сравним: *Урсулу фон дэр Ляен (як яе называюць, «мадам УФДЛ») надазраюць у лабіраванні інтарэсаў фармгigанта Pfizer з ЗША і «адсутнасці празрыстасці»*. В отличие от рассмотренной выше англоязычной статьи, где основанием построения модели служит дихотомия подходов «специалистов» – «неспециалистов», в анализируемой белорусскоязычной статье взгляды обобщенных и неопределенных субъектов не противопоставляются, а дополняют друг друга и «выполняют единую задачу развития текста», поскольку в данном случае «неавторизованные экспертный и слуховой субъект работают сообща» [Осетрова, 2010, 25]. Обращение к экспертной информации в такой общественно значимой области, как медиадискурс, естественным образом связано с необходимостью опоры на авторитет. Поскольку прагматическая категория авторитетности связана с лингвоэкономическим и властным статусом коммуникантов, ее содержание метакоммуникативно, что означает яркую выраженность функции регуляции, мониторинга коммуникативного процесса [Болдырева, 2006]. В анализируемом тексте употребление обобщенных номинаций, кодирующих авторитетные группы, не только способствует созданию эффекта весомости сообщаемого, но и служит связующим звеном для введения пропозиций с бессубъектными конструкциями деавторизации. Очевидное преобладание в рассматриваемой статье бессубъектных конструкций, зачастую реализующих прагматическую функцию ухода от ответственности за сообщаемое, объясняется самим новостным поводом – взяткой высокопоставленного чиновника Европарламента, в отношении которого выдвигаются разные версии и достоверных сведений пока не получено, однако при этом существует необходимость информирования читателей. В подобных текстах в дополнение к прагматической функции снятия ответственности за сообщаемую информацию конструкции деавторизации выполняют «медийные функции неавторизованной информации в СМИ: удовлетворение информационного интереса и информационной потребности» [Осетрова, 2010, 30]. Рассматриваемое явление «прочно включено в контекст современного пространства СМИ и не должно оцениваться только как наступление на достоверность факта или как манипуляция мнением массовой аудитории, поскольку существуют объективные причины, повлекшие его возникновение», например «активизация качеств актуальности» [Там же, 31]. Выбор журналистом конструкций с бессубъектными номинациями при освещении события является значимым коммуникативным действием и свидетельствует о том, что сообщаемое уже было им отрефлектировано и согласовано с собственной коммуникативной интенцией.

Очевидно, что строение лучевидной субъектной модели текстовой деавторизации выделяется по структурным и содержательным признакам. Формально-структурно модель характеризуется маркированностью конструкциями с эксплицитным или имплицитным нереферентным субъектом, вариативностью структурной организации конструкций, различной интенсивностью их употребления в тексте. По содержательным признакам модель отличают а) референциальные характеристики: нереферентность субъектов, то есть принадлежность субъектов к неиндивидуализированным группам лиц (как обобщенным, так и неопределенным), б) семантические характеристики: тематическая однородность их утверждений, вариативность содержательно-смысловой наполненности конструкций; в) прагматические характеристики: единство выражаемой установки, которая может обогащаться дополнительными прагматическими эффектами.

Разновидностью описанного выше строения лучевидной субъектной модели текстовой деавторизации с четко выделенными субъектными центрами, содержащими разнореференциальные номинации, может служить модель, состоящая только из нереферентных обобщенных субъектов, которая обнаруживается в таком медиажанре, как интервью. Данная разновидность модели реализуется, если интервьюируемый субъект выражает приверженность определенной коллективной точке зрения, которая противопоставлена мнению иного обобщенного субъекта. При этом остальные признаки лучевидной модели, от структурно-семантического параллелизма конструкций, вариативности следования компонентов при развертывании повествования до текстовой насыщенности прагматическими эффектами, сохраняются.

Рассмотрим контрастивные позиции обобщенных субъектов на примере англоязычного интервью с лидером лейбористской партии «An interview with Sir Keir Starmer» 'Интервью с сэром Кириом Стармером' (The Economist, April 26, 2023). В интервью наблюдается поэтапная смена конструкций с нереферентными субъектами, кодирующими две противопоставленные по взглядам группы лиц по принципу «свои – чужие».

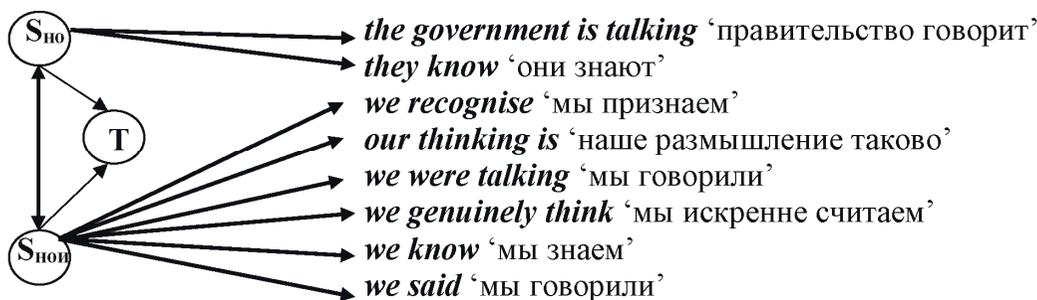

Схема 3. Лучевидная субъектная модель текстовой деавторизации в англоязычном интервью

В анализируемом тексте фиксируется противопоставление, с одной стороны, коллективного мнения «своих», за которым стоят сам интервьюируемый и его сторонники-однопартийцы и которое маркируется конструкциями с инклюзивным собирательным «мы», и, с другой стороны, мнения «чужих», то есть представителей правящей партии, которое маркируется двусоставными глагольно-именными конструкциями с метонимичным существительным и дейктическим местоимением третьего лица множественного числа. При этом выражение своей позиции помещено в концентрированный дискурсивный фокус, что отражается не только в численном превосходстве соответствующих конструкций, но и в наличии ряда фортификационных дискурсивных сигналов, работающих на усиление позиции «своих». В качестве таких сигналов выступают а) авторизирующие конструкции с коммуникативным акцентом на экспертности говорящего: *I know this first hand, because I ran a public service for five years* ‘Я знаю это из личного опыта, потому что пять лет руководил государственной службой’; *I think that it’s very important for me to say that as Leader of the Opposition wanting to be the Labour Prime Minister, heading a Labour government* ‘Я думаю, что для меня очень важно сказать это как для лидера оппозиции, желающего стать премьер-министром Лейбористской партии, возглавляющим лейбористское правительство’; б) автоинтертекстуальные вкрапления, акцентирующие предыдущий опыт адресанта: *I said* ‘я говорил’; *I’ve said many, many times* ‘я говорил много, много раз’; *I was saying* ‘я говорил’; в) конструкции авторизации квалифицирующего типа с интенсификаторами или без них: *I think* ‘я думаю’; *I’m well aware* ‘я прекрасно знаю’; *I do know* ‘я действительно знаю’; *I understand* ‘я понимаю’; *I do think* ‘я действительно полагаю’; *I know* ‘я знаю’; *I do acknowledge* ‘я действительно подтверждаю’.

Любопытно, что для придания авторскому тексту полемичности в повествовании интервьюируемого субъекта обнаруживается введение «додуманной чужой речи» [Руженцева, 2023, 17]. В качестве субъектов додуманной чужой речи выступают, к примеру, кто-то из правительства или люди вообще в конструкциях с глаголом говорения, который употребляется в сослагательном наклонении или в будущем времени изъявительного наклонения, к примеру: *If someone was here from the government, they’d say, we’re constantly talking to business* ‘Если бы здесь был кто-то из правительства, они бы сказали, мы постоянно общаемся с бизнесом’; *The moment you suggest changing anything, somebody, many people, will say ‘no, no, no, leave it as it is’* ‘В тот момент, когда вы предложите что-то изменить, кто-то, многие люди скажут: «Нет, нет, нет, оставьте все как есть»’. Введение додуманной чужой речи предоставляет 1) адресанту «содержательную свободу» [Осетрова, 2010, 39], возможность высказать то, что уже было обдуманно говорящим и «включено в его личную сферу, вписано в его личный контекст и актуализовано в высказывании», а «сам выбор авторизируемого содержания

высвечивает личную сферу автора: его предпочтения, потребности, ход рассуждения» [Рябцева, 2005, 383]; 2) адресату «речевую самостоятельность при интерпретации неопределенности», заключенной в предположительности реакций, что заставляет читателя «включать творческую и языковую рефлексию, помогая активно достраивать информационный образ объекта и оперативно формировать отношение к нему» [Осетрова, 2010, 39]. В дополнение к определенной содержательной свободе и отражению хода рассуждения автора вкрапления додуманной неавторизованной чужой речи позволяют говорящему не только вести полемику с воображаемым оппонентом, но и, просчитав его возможные аргументы или реакции на определенные меры, далее в тексте снабдить массового адресата контраргументами с целью убеждения в собственной правоте.

В белорусскоязычном интервью используется аналогичный принцип построения данной разновидности лучевидной модели, которую мы продемонстрируем на примере белорусскоязычного текста беседы с председателем Белорусской федерации легкой атлетики Иваном Тихоном (Звезда, 29.09.2023).

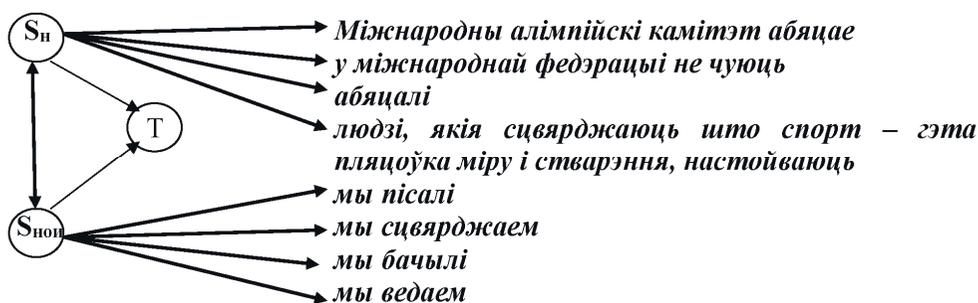

Схема 4. Лучевидная субъектная модель текстовой деавторизации в белорусскоязычном интервью

Для кодирования позиции представителей международного олимпийского комитета, то есть мнения «чужих», используются полные именные группы (*Міжнародны алімпійскі камітэт; людзі, якія сцвярджаюць...*), локативный детерминант (*у міжнароднай федэрацыі*) или третьеличный нуль в неопределенно-личной конструкции (*абяцалі*), например: *Абяцалі разгледзець пытанне яшчэ падчас леташняга чэмпіянату свету ў Арэгоне, але тады яго так і не разгледзелі* (Звезда, 29.09.2023). Для выражения позиции «своих», с которой отождествляет себя интервьюируемый субъект, используются выражения с инклюзивным собирательным «мы», что позволяет акцентировать коллективность высказанной позиции, например: *Мы бачылі, што легкаатлеты знаходзяцца ў добрай форме; Мы сцвярджаем, што не згодныя з раішэннем аб нашым адхіленні, заклікаем выконваць прынцыпы алімпізму, найважнейшыя з якіх – спорт па-за палітыкай* (Звезда, 29.09.2023). Инклюзивный характер обобщенно-собирательного «мы» подтверждается вкраплением по всему тексту интервью конструкций авторизации с личным местоимением первого лица единственного

числа (*я як спартсмен, як старшыня федэрацыі лічу; я перакананы; я думаю; я разумею; я лічу*), которые не только представляют собой метатекстовые сигналы читателю о том, что маркированные данными конструкциями высказывания являются отражением собственной позиции интервьюируемого, но и подчеркивают его опыт в качестве спортсмена и председателя федерации, что является основанием для квалификации его мнения как экспертного в своей области. Подобного рода конструкции авторизации с акцентом на экспертной роли говорящего приносят прагматическое обогащение *мы*-высказываниям и работают синкретично в рамках более весомого выражения мнения «своих». Очевидно, что доминантной прагматической функцией конструкций деавторизации в рассматриваемом тексте интервью является убеждение в правоте мнения «своих» на фоне создания контраста с подходом «чужих», при этом интерпретация ситуации со стороны обобщенно-собирающего инклюзивного «мы» находится в более сильной коммуникативной позиции.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что субъектная референция является основой построения лучевидной субъектной модели текстовой деавторизации, которая характеризуется определенной комбинацией структурно-семантических и референциально-прагматических признаков, и демонстрирует языковую и жанровую специфику. В лучевидной субъектной модели текстовой деавторизации в сопоставляемых англо- и белорусскоязычных медиатекстах обнаруживаются схожие и отличительные черты. Общими оказываются следующие признаки: структурно-семантический параллелизм конструкций деавторизации, наличие, как правило, двух повествующих субъектных групп, представление мнений специалистов и неспециалистов или коллективного мнения «своих» и «чужих». Различия обнаруживаются в гетерогенном и гомогенном характере 1) доминантной прагматической маркированности: в англоязычных текстах используются контрастные позиции специалистов / неспециалистов, в белорусскоязычных текстах их позиции не противопоставляются; 2) субъектных компонентов: в англоязычных медиатекстах обнаруживается их гомогенный характер, в то время как белорусскоязычной медиакультуре свойственна гетерогенность как в части типов нереферентности субъектных компонентов, так и в отношении языковых средств для их кодирования. В жанре интервью фиксируется разновидность лучевидной субъектной модели текстовой деавторизации, в которой а) противопоставляются две коллективные точки зрения по принципу «свои – чужие», при этом для усиления позиции «своих» используется ряд фортификационных дискурсивных сигналов в форме авторизующих конструкций с коммуникативным акцентом на экспертности и предыдущем опыте говорящего; б) возможно введение додуманной чужой речи, которое предоставляет адресанту содержательную свободу, а адресату – речевую самостоятельность при интерпретации сказанного.

ЛИТЕРАТУРА

Болдырева А.А. Категория авторитетности в научном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 182 с.

Гричин С.В. Авторизационная модель научного текста: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2017. 347 с.

Драчева Ю.Н. Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивно-языковые механизмы: дис. ... д-ра филол. наук. Вологда, 2019. 575 с.

Курьянович А.В. Правовые риски и тактики ухода от них в условиях сетевой вербальной интеракции (на материале эпистолярных электронно-медийных текстов) // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2016. Вып. 11(176). С. 9–16.

Осадчий М.А. Публичная речевая коммуникация в аспекте управления правовыми рисками: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2012. 73 с.

Осетрова Е.В. Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: речеведческий аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2010. 42 с.

Падучева Е.В. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект. 2012. URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/Neopr_Lichn_VYa.pdf (дата обращения: 19.08.2023).

Руженцева Н.Б. Авторизация дискурса СМИ: к проблеме прагматической и стилиевой свободы журналиста // Политическая лингвистика. 2023. № 2(98). С. 12–21. DOI: 10.26170/1999-2629_2023_02_01.

Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. 640 с.

I.M. Basovets

*PhD in Philological Sciences, Associate Professor,
Doctoral Student at the Chair of Theoretical and Applied Linguistics,
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus*

Raylike Subject Model of Text Deauthorization in Media Genres (in English and Belarusian)

The purpose of the article is to construct a raylike subject model of text deauthorization based on the material of English and Belarusian media texts of information genres with the identification of common and distinctive features. In the result of analysis of the ways in which the subject components of deauthorization structures are located in news articles and interviews using the modeling method, methods of semantic and contextual analysis, the raylike subject model of text deauthorization is constructed, which exhibits similar and distinctive features in the compared English and Belarusian media texts.

The characteristics of the analyzed model that are common to the compared media cultures are established: structural and semantic parallelism of deauthorization structures, the presence of similar narrating subject groups, the dichotomy of opinions of specialists and non-specialists. Different features of the analyzed model in the compared media cultures are identified, which relate to the nature of the dominant pragmatic marking and the formal-referential characteristics of the subject components in deauthorization structures. The genre specificity of the studied model in the interview texts is revealed, where a new version of raylike subject model is discovered, in which two collective opinions are contrasted on the principle of «we» vs «strangers», while a number of fortifying discursive signals are used to strengthen the we-position.

Keywords: *text deauthorization; deauthorization structures; non-referential subject; raylike subject model; pragmatic marking.*

REFERENCES

- Boldyreva A.A. Category of authority in scientific discourse [Kategoriya avtoritetnosti v nauchnom diskurse]. Voronezh, 2006. 182 p. (in Russian).
- Grichin S.V. Authorization model of scientific text [Avtorizatsionnaya model' nauchnogo teksta]. Tomsk, 2017. 347 p. (in Russian).
- Dracheva Yu.N. Media image of local oral speech culture: cognitive-linguistic mechanisms [Media obraz lokal'noy ustnoy rechevoy kul'tury: kognitivno-yazykovyye mekhanizmy]. Vologda, 2019. 575 p. (in Russian).
- Kuryanovich A.V. Legal risks and tactics for avoiding them in the conditions of network verbal interaction (based on epistolary electronic media texts) [Pravovyye riski i taktiki ukhoda ot nikh v usloviyakh setevoj verbal'noy interaktsii (na materiale epistolyarnykh elektronno-mediynykh tekstov)]. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, 2016. Issue 11(176), pp. 9–16 (in Russian).
- Osadchiy M.A. Public speech communication in the aspect of legal risk management [*Publichnaya rechevaya kommunikatsiya v aspekte upravleniya pravovymi riskami*]. Kemerovo, 2012. 73 p. (in Russian).
- Osetrova E.V. Unauthorized information in the modern communicative environment: speech science aspect [Neavtorizovannaya informatsiya v sovremennoy kommunikativnoy srede: rechevedcheskiy aspekt]. Krasnoyarsk, 2010. 42 p. (in Russian).
- Paducheva E.V. An indefinite-personal sentence and its implied subject [*Neopredelenno-lichnoye predlozheniye i yego podrazumevayemyy sub'yekt*]. Available at: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/Neopr_Lichn_VYa.pdf (accessed on 19 August 2023) (in Russian).
- Ruzhentseva N.B. Authorization of media discourse: to the problem of pragmatic and stylistic freedom of a journalist [Avtorizatsiya diskursa SMI: k problem pragmaticheskoy i stilevoj svobody zhurnalista]. *Political linguistics*, 2023, no. 2(98), pp. 12–21 (in Russian).
- Ryabtseva N.K. Language and natural intelligence [Yazyk i yestestvennyy intellekt]. Moscow: Academia, 2005. 640 p. (in Russian).

В.Г. Сибирцева

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Нижний Новгород, Россия*

УДК 821.112.2

DOI 10.35785/2072-9464-2024-65-1-102-119

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ: Ф.Г. КЛОПШТОК В РОССИИ XIX ВЕКА

Ключевые слова: *Клопшток; Карамзин; литературная репутация; «Вестник Европы»; Иван Розанов.*

В статье предпринимается попытка реконструкции апологетической литературной репутации Ф.Г. Клопштока, сочетающейся с читательским безразличием к его творчеству.

Литературная репутация – многоаспектное явление, которое складывается под воздействием различных факторов, может оказываться результатом случайных обстоятельств. При безоговорочном причислении Клопштока к классикам – великим сентименталистам и эпикам – и изучении его поэзии в общеобразовательных учреждениях XIX века оды и гимны Клопштока практически не переводились на русский язык, а настоящее обращение к творчеству немецкого поэта в России началось только в XX веке.

Представленное исследование, опирающееся на фундаментальные работы И.Н. Розанова и А.И. Рейтблата, анализирует парадоксальность литературной репутации Клопштока. Образ поэта, сдержанно обрисованный Н.М. Карамзиным, под пером последующих критиков приобретает черты святого. Обзор переводных критических отзывов о Клопштоке показывает способы искажения оригинала с целью создания хвалебного взгляда на поэта и его творчество. В статье описывается начало формирования литературной репутации Клопштока: самый главный этап, повлиявший на вхождение немецкого поэта в круг чтения культурного человека в России XIX века. Последовательные попытки поместить Клопштока в удобные рамки великих эпиков приводят к своеобразным результатам: Клопшток входит в круг обязательного учебного чтения и при этом исчезает из поля зрения литературоведов. До середины XX века Клопшток остается каноническим литературным именем без должного внимания исследователей.

В 2024 году исполняется 300 лет со дня рождения Фридриха Готлиба Клопштока (1724–1803), выдающегося немецкого поэта второй половины XVIII века. Поэта, которого незаслуженно быстро потеснили романтики, оставив в памяти русского читателя только имя великого «творца “Мессиады”» [Мерзляков, 1980, 201]. Три-пять строк о Клопштоке в большинстве литературоведческих изданий XIX – середины XX века подобны математическим аксиомам: поэт обозначается на строго отведенном почетном месте, чаще всего в ряду великих эпиков. В то же время в мемуарах мы читаем о сложности в восприятии поэзии Клопштока, доходящей до отторжения. На русский язык Клопшток переводился мало, в результате имя немецкого поэта закрепилось в энциклопедиях и учебниках по истории литературы, а само его творчество осталось практически неисследованным.

Великий, бессмертный [Карамзин, 1985, 52], писавший «самые высшие оды» [Кюхельбекер, 1979, 259], «новейший лучший автор» [Западов, 1958, 196] и – премудрый [Пушкин, 1960, 381], «самый скучный» автор [Анненков, 1983, 245], которому место на литературном чердаке [Гончаров, 1955, 472]. Представленный набор противоречивых характеристик словно приглашает исследователя проследить, как формировалась литературная репутация Клопштока в России, и выявить, чем обусловлено двойственное отношение к выдающемуся немецкому поэту.

Само понятие «литературной репутации» ввел в научный обиход историк русской поэзии и библиовед И.Н. Розанов. В своей фундаментальной работе «Литературные репутации» он анализирует творческие биографии и судьбы русских писателей XVIII–XX веков. Розанов не дает определения самого феномена литературной репутации, но на конкретных примерах рассматривает факторы, влияющие на литературную судьбу русских и советских писателей. Он рассуждает о неприятии литературы прошедших эпох как о необходимом условии развития литературного процесса: «Закономерность в литературных движениях гораздо более обуславливается отталкиванием, чем притяжением» [Розанов, 1990, 20], пишет об опасности канонизации имен, о «недооценке» или «переоценке» того или иного имени, связанной с излишним вниманием к текущему моменту.

Отдельные аспекты литературной репутации еще до появления в 1928 году книги Розанова уже рассматривали исследователи формальной школы (В.Б. Шкловский, Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум). Так, Эйхенбаум в статье «Литературный быт» (1927) писал о важности настоящего момента и элементе «моды» на того или иного автора.

Эйхенбаум подчеркивал, что необходимо пристально изучать влияние исторических связей на литературу: «обращение к литературно-бытовому материалу вовсе не означает отхода от литературного факта или от проблемы литературной эволюции» [Эйхенбаум, 1987, 431]. Одним из поводов обращения к этому вопросу стали критические статьи Белинского, которые дали начало наивной теории «преемственности», «влияния» и широко распространились в литературоведении советского времени. Эйхенбаум пишет об опасности такого подхода. В статье он предостерегает от широкого обращения к «наивному индивидуально-психологическому биографизму»: «Литература, как и любой другой специфический ряд явлений, *не порождается* фактами других рядов и потому *не сводима* на них» (курсив Б. Э.). История развития литературоведения в России показала, что смешение литературоведческих и социологических понятий очень обедняет исследования, такой путь развития науки тоже предвидел Эйхенбаум: «Как социальный заказ не всегда совпадает с литературным, так и классовая борьба не всегда совпадает с литературой борьбой и литературными группировками» [Эйхенбаум, 1987, 433].

Следы наивного биографизма и попытка «вписать» автора в нужный контекст отразились и на восприятии Клопштока в России, это произошло уже в советское время. Как отмечается в «Большой советской энциклопедии», немецкий поэт поначалу восторженно отзывался о французской революции, однако «абстрактно-этическая позиция К. помешала ему верно оценить якобинский этап революции» [Каган, 1958]. По всей вероятности, Клопшток был неудобен для литературной критики советского периода, нередко построенной на социологическом подходе, еще и потому, что самое известное его произведение «Мессиада» – поэма религиозная.

Розанов, несомненно, знакомый со статьей Эйхенбаума, рассматривает феномен литературной репутации в совокупности различных факторов и, кроме того, затрагивает вопрос канонического вхождения того или иного автора в историю литературы. Он пишет о так называемом книжном литературном бессмертии, сослужившем худую славу многим авторам: «Такое бессмертие может поддерживаться искусственно и без такой поддержки иногда прекращается. Например, мы знаем ряд имен, с которыми знакомимся в школе в обязательных программах, и никогда сами к этим авторам добровольно не возвращаемся. Каждая реформа программ может прекратить то или иное эфемерное бессмертие» [Розанов, 1990, 82]. Наблюдения над литературной судьбой того или иного автора позволяют исследователю сделать выводы, которые до настоящего момента остаются актуальными при изучении литературных репутаций. Для настоящего исследования наиболее релевантными являются замечания Розанова о «пересмотре прежних классиков» и о случайности выбора канонических авторов: «В самом признании писателей “образцовыми”, следовательно, достойными изучения, есть известный элемент случайности» [Розанов, 1990, 108].

Опираясь на выводы Розанова, мы можем увидеть, что Клопшток оказался «недооцененным» писателем, «немодным» или «неудобным» в определенной политической ситуации. При этом эпитет «недооцененный» уже содержит в себе двусмысленность (кто оценивает? по каким критериям?). В отношении Клопштока именно «элементы случайности» легли в основу литературной репутации и, по всей вероятности, сама репутация отчасти стала результатом игры случайных историко-культурных факторов.

Причисление Клопштока к каноническим авторам немецкой литературы парадоксальным образом пересекается с читательским «не-обращением» к его произведениям, о котором пишет современный историк литературы А.И. Рейтблат [Рейтблат, 2014, 51]. Рейтблат, продолживший теоретическую разработку проблемы литературной репутации, считает очень важным обращение (или не-обращение) читателей к творчеству определенного писателя, «выбор среди его произведений тех или иных для переписывания, заучивания, чтения вслух, включения в антологии и т.д., то или иное их понимание» [Рейтблат, 2014, 51]. В конечном итоге литературная репутация создает вектор рецепции того или иного автора (в нашем случае – Ф.Г. Клопштока) и может повлиять на глубину исследовательского интереса к писателю или поэту в определенную эпоху.

Таким образом, для исследования восприятия поэзии Клопштока в России недостаточно будет изучить переводы текстов немецкого поэта и проанализировать доступные критические отклики на них. Прояснить своеобразие отношения к творчеству Клопштока, в котором смешались почтение и незнание, помогут также произведения русских писателей, мемуары,

дневники, письма. В отношении Клопштока всестороннее рассмотрение литературной репутации, то есть «представлений о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы и свойственны значительной части ее участников (критики, литераторы, издатели, книготорговцы, педагоги, читатели)» [Рейтблат, 2014, 16], оказывается совершенно необходимым.

Формирование литературной репутации Клопштока за два с половиной столетия последовательно прошло этапы, охарактеризованные в работе Розанова: от восторга перед выразителем новых идей до «забронзовения» имени и последующего перехода в «незаслуженно забытые» авторы. К счастью, Клопштоку удалось избежать «книжной канонизации» [Розанов, 1990, 107]: в начале XXI века наблюдается новый виток интереса к произведениям немецкого поэта. Появляются не только стиховедческие работы, но и исследования, относящиеся к смежным областям науки: философии, музыковедению, а также статьи, связанные с анализом духовных гимнов, становлением немецкого языка и описанием просветительских взглядов Клопштока. Современные работы по творчеству Клопштока требуют отдельного большого разговора, потому что именно они начинают раскрывать многогранное творчество немецкого поэта для русского читателя. Однако основы для восприятия Клопштока в России были заложены в начале XIX века.

Первый период формирования литературной репутации Клопштока в России представляет особенный интерес. Именно тогда образ немецкого поэта преподносился в правильном, идеализированном виде, и эти преобразующие трансформации затронули восприятие поэзии Клопштока, позволив непытливому читателю просто согласиться с мнением критиков о значимости его творчества.

На рубеже XVIII–XIX веков популярность Клопштоку во многом обеспечил Н.М. Карамзин, ставший для немецкого поэта проводником в русскую культуру. Карамзин выступил одновременно в роли и издателя, и читателя, и критика, и переводчика. Впервые имя Клопштока появилось на страницах «Московского журнала» Карамзина и в «Письмах русского путешественника», публиковавшихся в «Вестнике Европы».

Интересно, что возвышенные эпитеты, относящиеся к Клопштоку, Карамзин всегда вкладывает в уста героев своих произведений. Это может быть путешественник из «Писем», в котором читатель находит немало автобиографических черт самого автора, или лирический герой стихотворения «Поэзия», обращающийся к Клопштоку четыре раза, называющий его «певец избранный Клопшток» [Карамзин, 1966].

В «Письмах русского путешественника» Клопшток также упоминается не единожды. Например, в разговоре главного героя с поэтом и переводчиком Гердером:

Разговор обратился на литературу, и, слыша от меня, что я люблю немецких поэтов, спросил он [Гердер], кого из них предпочитают всем другим? Сей вопрос привел меня в затруднение. «Клопштока, – отвечал я, запинаясь, – почитаю самым выспренным из певцов германских» [Карамзин, 1985, 173].

В путешествии по Франции герой также вспоминает Клопштока: «...Зато в северной Европе существует певец “Мессиады”, которому сам Гомер отдал бы лавровый венец свой» [Карамзин, 1985, 363]. В 2000 году российский исследователь А.В. Михайлов в книге «Обратный перевод» обстоятельно опишет колоссальное влияние, которое оказал Клопшток на Карамзина, – в главе «Николай Михайлович Карамзин в общении с Гомером и Клопштоком». Немецкий поэт притягивал Карамзина не только как автор религиозной эпопеи, но и как «патриотический поэт, поглощенный мыслью о немецкой и о всей германской древности» [Михайлов, 2000, 259]. В эпоху Карамзина, когда достойные переводы Гомера только начали появляться на русском и немецком языке, Клопшток, как подчеркивает Михайлов, был выше Гомера:

Эпоха заворожена Гомером, но она же заворожена Клопштоком, – да еще как! – и может случиться так, – для нас перспектива невыносимая! – что Гомер только приоткрывается через Клопштока, и приоткрывается под сенью Клопштока, уже хорошо усвоенного и принятого очень близко к сердцу! [Михайлов, 2000, 260].

Герои произведений Карамзина молоды, они могут восхищаться авторской идеей, и так происходит с эпопеями «Мессиада» и драмами на древнегерманскую тему. Или восторгаться живым языком и новаторским стилем автора, рассуждая об оде «Цюрихское озеро». Сам же Карамзин в первом в России очерке о Клопштоке, опубликованном в «Московском журнале» в 1792 году, воздерживается в своих оценках от прямой похвалы, но дает биографию Клопштока в воспитательно-позитивном ключе, как пример таланта и усердия. Идея эпопеи, пишет Карамзин, охватила Клопштока еще в отрочестве, и он настойчиво шел к своей цели: «способность к поэзии весьма рано в нем обнаружилась, а особливо к эпической... Уже в сих юных летах думал он о разных предметах для эпопеи». Одаренность Клопштока была неподражаема: «Всякий смелый духом, который... входит в храм Изящного новым путем, имеет обыкновенно множество подражателей; так и за Клопштоком многие хотели туда пробраться – но тщетно! он вошел в ворота и захлопнул их за собою». Сам король датский Фридрих беседовал с Клопштоком, «сердечно полюбил Клопштока и часто уверял его в своем почтении» [Карамзин, 1792, 94].

Клопшток был для Карамзина не настоящим литературой и не ее почетным прошлым. Он был вневременным возвышенным явлением, воспринимаемым через призму божественной «Мессиады»: «Изображение клопштоковой музы превосходит силы наши. ... во все веки и во всех зонах мира нашего пребудет сия божественная поэма единственною и несравненною» [Карамзин, 1792, 96]. В главе «Карамзин в общении с Клопштоком и Гомером» А.В. Михайлов пишет, что в юности Карамзин «был заворожен

Клопштоком», но, будучи в Германии, никогда не отваживался посетить Клопштока или вступить с ним в переписку: «В Клопштоке Карамзин ощущал силу, превышающую доступный ему уровень сентиментального общения, т.е. общения, подразумевающего *взаимное умиление чувством*» (курсив А.В. Михайлова) [Михайлов, 2000, 260].

В «Вестнике Европы», пришедшем на смену «Московскому журналу», Карамзин размещал о Клопштоке не только свои заметки. Биографический очерк, перевод которого Карамзин поместил в третьем номере от 1803 года, принадлежит перу немецкого историка И.-В. фон Архенгольца. Карамзин обращался к трудам Архенгольца в «Письмах русского путешественника», и, как пишет Г.А. Гуковский, немецкий историк и литературный критик входил в число писателей, из которых Карамзин «свободно заимствовал» [Гуковский, 1938, 86]. Оригинальная статья Архенгольца была напечатана в 1803 году в его журнале «Минерва» («*Minerva für Politik Geschichte und Literatur*»). Статья «Архенголец о Клопштоке» переведена Карамзиным в сокращении, акцент делается на исключительно положительном характере немецкого поэта. Умиление и восхищение величием Клопштока, описание его веселого и кроткого нрава, по всей видимости, преследуют цель завершить обрисовку немецкого гения в позитивном ключе.

Почтительное обращение с именем Клопштока прослеживается во всех заметках Карамзина, опубликованных в «Вестнике Европы». Но Карамзин читал Клопштока на немецком, а далеко не все читатели «Вестника Европы» имели возможность познакомиться с произведениями немецкого поэта в оригинале. Переводов лирики Клопштока на русский язык было ничтожно мало, и даже первое переложение «Мессиады» Алексея Кутузова почти сразу после издания стало недоступно: оно было изъято из книжных лавок цензурой Священного синода.

Авторитетное слово Карамзина, открывшего для широкого читателя Клопштока, на долгие годы стало единственно верным, немецкий поэт был причислен к поэтам «знаменитым», «славным именам», «истинным пиитам». «Мессиада» и псалмы Клопштока вошли в число канонических, образцовых текстов, обязательных для любого гимназиста или студента, изучающего риторику или немецкий язык. Министерство народного просвещения Российской империи включило его в число писателей, которые «представляют историю национальной / мировой литературы как избранные имена “классиков”» (о ситуации в середине XIX века см.: [Acta Slavica Estonica, 2013]).

Имя Клопштока проникает в программы духовных и светских учебных заведений, в хрестоматии на немецком языке и пособия для преподавания немецкого языка и немецкой словесности уже с конца XVIII века. Как пишет филолог и историк языка Е.И. Кислова в исследовании о культурных

контактах русских учебных заведений, в семинариях «в качестве материалов для чтения на занятиях использовались и поэтические тексты, причем выбирались авторы, пользовавшиеся популярностью как в Европе, так и среди российского дворянства. <...> Студенты делали переводы из Э.Г. Лессинга (1729–1781) и Ф.Г. Клопштока (1724–1803)» [Кислова, 2015, 173]. В гимназиях и высших училищах немецкая литература до 1917 года не была отдельным предметом и входила в курс «немецкого языка».

В учебниках, как правило, были представлены азбука, примеры для чтения, грамматика, словарь, а также отдельные предложения, афоризмы и отрывки из оригинальных текстов на перевод. Художественные произведения могли даваться в приложениях (или хрестоматиях) без перевода, иногда они сопровождалась краткими пояснительными биографическими сведениями на русском языке.

Среди проанализированных нами приложений к учебникам немецкого языка за 1823–1906 годы произведения Ф.Г. Клопштока встречаются достаточно редко, несмотря на то что он относился к рекомендованным поэтам. Значит, дополнительный разговор о Клопштоке на занятиях мог возникнуть только по инициативе учителя. Оды Клопштока помещались в разделах, которые условно можно определить как «О Божественном», «О природе», «О древних героях». По всей видимости, самой распространенной в учебных заведениях России была хрестоматия Н. Берте, которая предназначалась для средних и высших классов гимназий и выдержала 19 переизданий до 1906 года [Берте, 1906]. Единственная ода Клопштока «Am Morgen» («Утром») находится в этой хрестоматии в разделе «Geistliche Oden und Lieder» («Духовные оды и песни»). То же самое стихотворение, озаглавленное «Morgen» («Утро»), есть в хрестоматии Ф.Ф. Кейзера для средних и старших классов русских учебных заведений [Кейзер, 1832]. В средних и старших классах гимназий наряду с немецким языком преподавалась риторика, учебник по риторике также содержал оригинальные тексты. В учебнике З. Шрейбера содержится несколько стихотворений Клопштока: переложение псалма, отрывок из известного стихотворения «Die Sprache» и отрывок из героической оды «Teutonia» («Тевтония») [Schreiber, 1837].

Значительно чаще учебные пособия содержат стихи Геллерта, Шамиссо, Ленау, Гердера. Лидерами по частотности вхождения в хрестоматии в начале XIX века оказываются Гейне, Шиллер и Гете.

Поверхностное знакомство с Клопштоком в гимназии приводит к тому, что имя немецкого поэта становится своеобразной уловкой, мерилем показной образованности и способом проверить культурный уровень собеседника, не вдаваясь в подробности. В 1849 году, когда о выдающемся немецком поэте Клопштоке уже основательно начали забывать, сценку «проверки Клопштоком» описал в своем рассказе И.Т. Кокорев, молодой

очеркист и бытописатель Москвы. Герой рассказа «Самовар», вместо прилежной службы начавший писать стихи, будучи рекомендован вельможному покровителю литературы, приходит показать ему свое творчество:

...Молча подал ему юноша «Бессмертие души», плод двух бессонных ночей. Бегло взглянул вельможа на мелко исписанную, точно бисером, тетрадь и, как громом, вдруг поразил поэта вопросом: «А читали ли вы Клопштока?» Смущенный Миша не знал, что отвечать на такой неожиданный экзамен. «Какой же вы поэт, если не читали Клопштока!» – заметил меценат. «Я полагаю, что, чувствуя призвание», – смиренно начал было Миша; но покровитель быстро прервал его новым замечанием: «Да кто же вас призывал?» – и, молвив это, двинулся далее [Кокорев, 1932, 251].

Упоминание Клопштока является только поводом отказать просителю в содействии и принизить его. Нет никакой уверенности в том, что сам несостоявшийся покровитель читал Клопштока, но благодаря рассказу Кокорева мы можем заметить, что имя поэта в середине XIX века все еще было на слуху.

Таким образом, для формирования литературной репутации Клопштока существенным оказывается фактор обязательного знакомства массового читателя только с именем поэта. «Книжное бессмертие», о котором писал Розанов [Розанов, 1990, 58], для Клопштока обусловлено незнанием русскими читателями самих его текстов.

В отношении Клопштока как представителя другой культуры отдаленного от нас времени целесообразно обратиться и к замечаниям современников, в которых немецкий поэт упоминается мимоходом. Оказывается, что раздробленные письменные и печатные высказывания являются самыми многочисленными и информативными для понимания противоречивости литературной репутации Клопштока в России.

Особенностью восприятия Клопштока в России начала XIX века является тот факт, что содержание его произведений (патетическое воспевание Спасителя человечества в «Мессиаде» и национально-патриотические идеи в драматической трилогии об Арминии – герое древнегерманских мифов) сформировало образ самого автора как набожного и восторженного человека. Авторы биографических заметок нередко приписывали поэту монашескую аскетичность, благонравие и одновременно романтическую экзальтированность [Архенгольц, 1803; Каченовский, 1808; Талызин, 1818]. И если фактические биографические сведения сохраняются в своей канве, то оценка творчества и личности самого автора относится скорее к традиционному, «как должно быть», положительному образу автора. Подобное нравоучительное «облагораживание» выдающихся деятелей эпохи было весьма характерно для статей конца XVIII – начала XIX веков (преимущественно из переводной литературы). В этом ключе созданы переводные заметки в «Вестнике Европы», в частности посвященные Ж.-Ж. Руссо или В.А. Моцарту.

Русские читатели, интересовавшиеся литературой и не владевшие в достаточной степени немецким языком, могли составить представление о

немецком поэте по журнальным обзорам и отдельным статьям, в которых Клопшток вскользь упоминается преимущественно как создатель «Мессиады». Уже в «Московском журнале» Карамзин пишет, что «“Мессиада” и некоторые Клопштоковы оды (имеются в виду “Цюрихское озеро” и “Праздник весны”. – В. С.) составляют основание Клопштокова бессмертия» [Карамзин, 1792, 97].

Клопшток постепенно отдалялся от читателя, оставаясь знаменитым автором. Творец «Мессиады» достоин наивысшей похвалы, равно как и поэты, сравниваемые с ним. В журнале «Северный вестник» (1804, т. 3) «Мессиада» Клопштока, наряду с поэмой Виланда «Музарион» и драматической поэмой «Натан Мудрый» Лессинга, называется среди произведений, которые «превосходят все, что нынешние просвещеннейшие народы произвели в разных родах сочинений» [Анастасевич, 1804, 136].

Несколько позже, в 1808 году, в сборнике сочинений и переводов, издаваемых Российской академией наук, опубликовано «Слово похвальное Александру Петровичу Сумарокову, читанное в императорской российской академии в годовое торжественное ее собрание 1807 года». Для автора похвального слова, драматурга и переводчика И.А. Дмитриевского Клопшток стоит в числе великих поэтов, написавших эпические произведения: «Свойства истинных пиитов – возвышать души по-философски, а пленять их по-стихотворчески. Омир, Виргилий, Клопшток, Мильтон (орфография источника сохранена. – В. С.) и другие великие пииты не стяжали бы вечной славы, если бы удалились от сей преславной цели» [Дмитревский, 1808, 168]. Клопшток все чаще называется в ряду «великих пиитов», грандиозность замыслов позволяет сопоставить творцов, принадлежащих разным эпохам. Однако такой подход способствует не более глубокому изучению имени, а формированию устойчивого ассоциативного ряда «великих эпиков».

В 1816 году в «Вестнике Европы» в разделе об искусствах, науках и литературе редактор-издатель М.Т. Каченовский публикует статью «О чудесном», где описания, «сотворенные богатым воображением Клопштока», признаются «истинно чудесными», как и описания ада и рая у Мильтона [Каченовский, 1816, 44]. По всей видимости, речь в статье также идет о «Мессиаде». Цитаты для доказательности этого сопоставления не приводятся, но стоит вспомнить заметку Каченовского о Клопштоке в «Вестнике Европы» 1808 года, чтобы понять: настоящая статья продолжает формирование образа благочестивого и великого поэта.

Все что ни написал Клопшток, велико, возвышенно, сильно; все имеет на себе признаки ума творческого; везде богатство пылкого воображения и полнота сердца; и в духовных гимнах, и в песнях на образец древних бардов, и в одах любовь к отечеству и дружбу изображающих, парение ума его недостигаемо. В Мессиаде Клопшток изумляет языком Херувимским [Каченовский, 1808, 58].

Можно заметить, как постепенно внимание критиков смещается на фигуру самого автора, написавшего «божественную поэму». Благочестивая идея и грандиозность воплощения «Мессиады» как бы накладывают отпечаток на создателя, которого следует только хвалить.

Начало такому отношению положила переводная статья И.В. Архенгольца, опубликованная в 1803 году в «Вестнике Европы». Собственно о произведениях Клопштока Архенголец не пишет, но жизнеописание Клопштока начинает приобретать под его пером элементы житийной литературы. Поэт страстно любит родину: «Огненный Патриотизм его не охладил до гроба»; благочестив нравом: «Воспоминание о благородных, прекрасных свойствах его останется навсегда приятнейшею для меня мыслию. Он был удивительно нежен в своих чувствах, и тверд характером». Был чувствительным и снисходительным другом: «Слыша мнение, несогласное с его мыслями, он часто с видом добродушия говаривал людям: “Это для меня совершенно ново и любопытно; продолжайте”» [Карамзин, 1803].

Недостатки эпопеи Клопштока, равно как и экспериментальный характер его лирики, отходят на второй план. Позиция Архенгольца в оценке творчества Клопштока максимально честна: «Не беру на себя определить достоинства Поэта Клопштока: Германия полвека удивлялась ему, и все просвещенные народы, зная Мессаду даже только по слабым переводам, отдают справедливость его Гению» [Карамзин, 1803].

Таким мы видим образ Клопштока, который старательно формируется в публицистике и позже, в усредненно-благородном виде, закрепится в учебной литературе и преподавании. Однако нельзя забывать и о читателях Клопштока, чьи субъективные оценки нередко менее почтительны.

Трудность языка Клопштока была отмечена уже А.С. Пушкиным, упомянувшим немецкого поэта в неоконченной юношеской поэме «Бова»:

Разбирал я немца Клопштока
И не мог понять премудрого!
Не хотел я воспевать, как он;
Я хочу, чтоб меня поняли
Все от мала до великого [Пушкин, 381].

Литературовед-пушкинист М.А. Цявловский замечает по поводу этих строк, что Пушкин пробовал читать «Мессиаду» на немецком языке в Лицее под влиянием Дельвига и Кюхельбекера, «но содержание “Мессиады” и ее тяжелый слог не могли увлечь поэта» [Цявловский, 1962, 101]. Пушкинский эпитет «премудрый» передает одновременно уважение, которое юный лицеист испытывает к знаменитому автору эпопеи, и непонимание слога Клопштока.

Описание подобных смешанных чувств по отношению к Клопштоку мы можем наблюдать в «Путевых записках» литературного критика

П.В. Анненкова. Автор приезжает в Альтону поклониться праху Клопштока и возвращается в мыслях ко времени своего школьного обучения:

Мы с благоговением поклонились великому поэту, которого я не знаю ни одной строчки и которого, по какому-то странному предубеждению, считаю самым скучным [по-этом] писателем. Нет никакого сомнения, что я ошибаюсь, но мне все кажется, будто поэзия его не касается людей, а принадлежит собственно ангелам [Анненков, 1983, 245].

Хрестоматийным примером незнания Клопштока является, вероятно, эпизод, приведенный в «Старой записной книжке» П.А. Вяземского и связанный с первым переводом на русский язык «Страданий юного Вертера» Гете. Вяземский пишет об ошибке, которую заметил В.А. Жуковский в переводе Ф. Галченкова:

Шарлотта, со слезами на глазах смотрит на небо и на меня, – говорит Вертер, – и восклицает: «Клопшток!» Но в старом русском переводе романа Клопшток превращается в следующее: «Пойдем играть в короли» (старая игра). Он вам все разъяснит, а именно: переводчик никогда не слышал о Клопштоке и принимает это слово за опечатку [Вяземский, 1927, 90].

Трепетные чувства, которые испытывают Вертер и Лотта при виде грозы, вызывают в памяти у героев стихотворение Клопштока «Весеннее празднество» («Die Fruhligsfeier», 1759 года). Эта ода была одной из самых известных у Клопштока, на русский язык она не переведена.

Записки Анненкова и Вяземского публикуются значительно позже журнальных статей о Клопштоке и не могут носить полемического характера по отношению к творчеству Клопштока. Великая религиозная эпопея, равно как и ее автор, не должны подвергаться критике, и образ великого благочестивого поэта надолго остается незамутненным.

Самым ярким примером формирующегося отношения к Клопштоку (почтение и незнание) является, по всей видимости, выдержка из смеси новостей иностранной литературы, опубликованная в «Вестнике Европы» в 1814 году. Она касается сочинения французской писательницы и хозяйки литературного салона Жермены де Сталь «О Германии». Мадам де Сталь знали в России (где она побывала накануне войны с Наполеоном в 1812 году) и следили за ее книгами. В своем трактате «О Германии» (*De l'Allemagne*, 1813) мадам де Сталь пишет о Клопштоке подробно и объективно, внимательно анализирует его сочинения. Когда она обращается к фактам биографии Клопштока, всегда указывает, что информация дается со слов знавших его людей. Примечательными оказываются не собственно слова мадам де Сталь (хотя книга, несомненно, уже была известна в России), а реакция на упоминание ее оценки «Мессиады» в пересказе со слов «одного немецкого писателя» – чему, собственно, и посвящен короткий абзац в обзоре иностранной литературы в «Вестнике Европы»:

Госпожа Сталь, в своем сочинении о Германии, говорит: «Клопшток не имел только творческой силы воображения. Его изобретения слабы». – Небо, земля и ад опровергают сей приговор. Он населил их существами, которые приводят читателя в удивление, и не редко в восхищение. Клопшток есть Микель-Анджели Поэзии; но имел гораздо более творческой силы [Вестник Европы 1814, 305].

Заключение автора заметки, по всей видимости, незнакомаго с сочинениями французской писательницы, представляет собой осуждение госпожи де Сталь, покусившейся на святое: «И что могла читать гжа Сталь из поэта Клопштока? – Довольно сих нескольких строк для иного читателя, чтобы заставить навсегда бросить ее книгу» [Вестник Европы, 1814, 305]. Отзыв на сочинение мадам де Сталь – пример опосредованной рецепции Клопштока в России и уже складывающейся канонической репутации немецкого поэта, не требующей непосредственного обращения к первоисточнику. Критика «Микель-Анджелия Поэзии», по мнению автора заметки, совершенно недопустима.

Подведем некоторые итоги размышлений о формировании литературной репутации Ф.Г. Клопштока в России. Приведенные примеры иллюстрируют попытки искусственно культивировать образ идеального поэта, достоинства которого являются прямым следствием «возвышенности» его *невнимательно прочитанных* произведений. С первого появления в русской периодике автор постоянно находится в тени создаваемого критиками-современниками положительного образа Поэта и благочестивого автора религиозной эпопеи, достойной стоять в одном ряду с творениями Гомера, Вергилия и Мильтона. Творчество Клопштока стало идеальной иллюстрацией «книжного, школьного бессмертия», о котором писал И.Н. Розанов. В основе почитания Клопштока не лежит знание его произведений. Редкие опубликованные переводы лирики и отрывков драматических сочинений не затрагивают произведения, благодаря которым Клопшток стал известен в Германии. Так, отсылка к оде «Весеннее празднество» остается неузнанной в первом переводе «Вертера». При этом изначальная предрасположенность поэзии Клопштока к декламации способствует проникновению его гимнов в русскую культуру в виде песен: в конце XVIII – начале XIX века в дворянской среде становятся популярными домашние концерты, на которых исполняются песни под музыкальный аккомпанемент гитары или клавесина. Героиня повести Карамзина «Евгений и Юлия» на таком домашнем вечере поет «Клопштокову песню “Willkommen, silberner Mond” (“Явись к нам, серебряный месяц” (нем.). – В. С.), к которой музыку сочинил кавалер Глук» [Карамзин, 1789]. Необходимо было появление исследований на стыке музыковедения и филологии, чтобы обратить внимание на песни на слова Клопштока. А для понимания места Клопштока в литературном процессе предстояло внимательно прочитать его произведения и, хотя бы отчасти, перевести. Новые переводы его лирики и полноценные стиховедческие исследовательские работы по творчеству Клоп-

штока стали появляться в XX веке. В XXI веке пришло время и для междисциплинарных исследований, на Клопштока обратили внимание философы, историки, музыковеды. «Пересмотр прежних классиков», о котором писал Розанов, стал актуален для Клопштока именно сегодня. Это связано не столько с пренебрежением по отношению к литературному наследию, сколько с почтительным привыканием к великому имени и заштампованностью оценок исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

- Анастасевич В.Г. Новые замечания на старый спор о древних и новых писателях // Северный вестник. 1804. Т. 3. С. 119–140.
- Анненков П.В. Парижские письма. М.: Наука, 1983. 608 с.
- Берте Н. Немецкая хрестоматия, выбор прозаических и стихотворных отрывков из сочинений немецких классиков всех столетий: пособие для преподавания нем. яз. и немецкой словесности для сред. и высш. учеб. заведений. 20-е изд. СПб.: Тип. Э. Праца, 1906.
- Известия и замечания // Вестник Европы. 1814. № 6. С. 305–310.
- Вяземский П.А. Старая записная книжка. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1927.
- Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. М.: Фортуна Лимитед, 2003. 270 с.
- Голубев С.И. Национальные воззрения Фридриха Клопштока // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2014. № 5. С. 38–53.
- Гончаров И.А. Письмо Пышину А.Н., <10 мая 1874 г. Петербург> // Гончаров И.А. Собрание сочинений. В 8 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. Т. 8. С. 468–474.
- Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII в. Л., 1938. 313 с.
- Дмитревский И.А. Слово похвальное Александру Петровичу Сумарокову, читанное в императорской российской академии в годовое торжественное ее собрание 1807 года // Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею. СПб., 1808. С. 160–218.
- Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь: записки действительного тайного советника. М.: Типография В. Готье, на Кузнецком мосту, дом Торлецкаго, 1866. Ч. 1–3.
- Жовтис А. У истоков русского верлибра (Стих «Северного моря» Гейне в переводах М.Л. Михайлова) // Мастерство перевода. Сб. 7. М.: Сов. писатель, 1970. С. 386–404.
- Западов А.В. Мастерство Державина. М., 1958. 261 с.
- Каган Ю.М. Фридрих Готлиб Клопшток // БСЭ, 1958. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/96162/%D0%9A%D0%BB%D0%BE%D0%BF%D1%88%D1%82%D0%BE%D0%BA> (дата обращения: 19.01.2024).
- Карамзин Н.М. (пер.) Архенгольц о Клопштоке // Вестник Европы. 1803. № 11. URL: http://az.lib.ru/k/klopshtok_f_g/text_0040oldorfo.shtml (дата обращения: 19.01.2024).
- Карамзин Н.М. Жизнь Клопштока // Московский журнал. 1792. Т. 6. С. 74–98.
- Карамзин Н.М. Евгений и Юлия // Детское чтение для сердца и разума. Ч. XVIII. 1789. URL: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0980.shtml (дата обращения: 19.01.2024).
- Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1985.
- Карамзин Н.М. Поэзия // Полное собрание стихотворений. М.: Сов. Писатель, 1966. URL: <https://www.rulit.me/books/stihotvoreniya-read-220570-2.html> (дата обращения: 19.01.2024).
- Каченовский М.Т. Фридрих Готлиб Клопшток // Вестник Европы. 1808. № 17. URL: http://az.lib.ru/k/kachenowskij_m_t/text_0120oldorfo-1.shtml (дата обращения: 19.01.2024).
- Каченовский М.Т. О чудесном // Вестник Европы. 1816. № 1. С. 44–49.
- Кейзер Ф. Краткая немецкая грамматика. Ч. II. СПб., 1832.
- Кислова Е.И. Немецкий язык в русских семинариях XVIII века: из истории культурных контактов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2015. Вып. 1(41). С. 53–70.

- Клопшток Ф.Г. Мессиада. [Поэма] / пер. С. Писарев. В 3 ч. СПб.: Издание книгопродавцев Кораблева и Сирякова, 1868.
- Кокорев И.Т. Очерки Москвы сороковых годов. М.; Л., 1932. 403 с.
- Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. М.: Наука, 1979. 789 с.
- Мерзляков А.Ф. О вернейшем способе разбирать и судить сочинения, особливо стихотворные, по их существенным достоинствам // Литературная критика 1800–1820-х годов. М.: Худож. лит., 1980. С. 188–210.
- Михайлов А.В. Обратный перевод. Русская и западно-европейская культура: проблемы взаимосвязей. М.: Языки русской культуры, 2000. 852 с.
- Пуришев Б.И. Клопшток // Литературная энциклопедия. Т. 5. М.–СПб., 1931. Стб. 312–318.
- Пушкин А.С. Бова // Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 3. 543 с.
- Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 415 с.
- Розанов И.Н. Литературные репутации. М.: Советский писатель, 1990. 462 с.
- Синило Г.В. Книга Псалмов как архетекст религиозно-философской лирики Ф.Г. Клопштока // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2019. № 3. С. 14–25.
- Цявловский М.А. «Бова» (Отрывок из поэмы) // Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 90–105.
- Эйхенбаум Б. О литературе: Работы разных лет. М., 1987. 540 с.
- Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту, 2013. 310 с.
- Schreiber S. von. Sprech- Denk- und Styl-uebungen in deutscher Sprache für mittlere und höhere Klassen St. Petersburg, 1837. 118 S.

V.G. Sibirtseva

*PhD in Philological Sciences, Associate Professor,
Chair of Foreign Languages,
National Research University «Higher School of Economics»
Nizhny Novgorod, Russia*

Ways to Form a Literary Reputation: F.G. Klopstock in Russia in the 19th Century

The given article is devoted to the reconstruction of the apologetic literary reputation of F.G. Klopstock. Klopstock is a canonical author in the history of literature; his work has not received due attention in Russia.

Literary reputation is a multidimensional phenomenon. It develops under the influence of various factors and can be the result of random circumstances. Klopstock is a great sentimentalist and epicist; his work is included in the curriculum of educational institutions of the 19th century. But there are almost no translations into Russian. Serious studies of the works of the German poet in Russia were created only in the 20th century.

This article is based on the fundamental works of N.I. Rozanov and I.A. Reitblat and analyzes the paradoxical nature of Klopstock's literary reputation.

The image of the poet, discreetly outlined by N.M. Karamzin acquires the features of a saint under the pen of subsequent critics. A review of translated critical reviews of Klopstock shows ways of distorting the original. Klopstock is deliberately described as an ideal pious poet. The article describes the beginning of the formation of Klopstock's literary reputation: the most important stage that influenced the German poet's entry into the reading circle of a cultured person in Russia in the 19th century. Consistent attempts to place Klopstock within the convenient framework of great epics lead to peculiar results: Klopstock enters the circle of compulsory educational reading and at the same time disappears from the field of view of literary scholars. Until the mid-twentieth century, Klopstock remained a canonical literary name without due attention from researchers.

Keywords: *Klopstock; Karamzin; literary reputation; «Bulletin of Europe»; Ivan Rozanov*

REFERENCES

- Anastasevich V.G. New remarks on the old dispute about ancient and new writers [Novye zamechaniia na staryi spor o drevnikh i novykh pisateliakh]. *Northern Herald*. Vol. 3. 1804, pp. 119–140 (in Russian).
- Annenkov P.V. Paris letters [Parizhskie pis'ma]. Moscow: Nauka, 1983 (in Russian).
- Berthe N. German anthology, a selection of prose and poetic passages from the works of German classics of all centuries: A manual for teaching the German language and German literature for secondary and higher educational institutions [Nemetskaia khrestomatiia, vybor prozaicheskikh i stikhotvornykh otryvkov iz sochinenii nemetskikh klassikov vsekh stoletii: Posobie dlia prepodavaniia nem. iaz. i nemetskoj slovesnosti dlia sred. i vyssh. ucheb. zavedenii]. The 20th edition. St. Petersburg: Type. E. Praca, 1906 (in Russian).
- News and comments [Izvestiia i zamechaniia]. *Bulletin of Europe*, no. 6, 1814, pp. 305–310 (in Russian).
- Vyazemsky P.A. Old notebook [Staraia zapisnaia knizhka]. Leningrad: Publishing house of writers in Leningrad, 1927 (in Russian).
- Gasparov M.L. Essay on the history of European verse [Ocherk istorii evropeiskogo stikha]. Moscow: Fortuna Limited, 2003 (in Russian).
- Golubev S.I. National views of Friedrich Klopstock [Natsional'nye vozzreniia Fridrikha Klopshtoka]. *Bulletin of Moscow University*. Series 8. History, 2014, no. 5, pp. 38–53 (in Russian).
- Goncharov I.A. Letter to Pypin A.N., <May 10, 1874 St. Petersburg> [Pis'mo Pypinu A. N., <10 maia 1874 g. Peterburg>]. *Collected works*: In 8 volumes. Vol. 8. Moscow: State. art publishing house lit., 1955, pp. 468–474 (in Russian).
- Gukovsky G.A. History of Russian literature [Istoriia russkoi literatury]. In 10 volumes. Vol. 5. Moscow; Leningrad, 1941 (in Russian).
- Gukovsky G.A. Essays on the history of Russian literature and social thought of the 18th century [Ocherki po istorii russkoi literatury i obshchestvennoi mysli XVIII v.]. Leningrad, 1938 (in Russian).
- Dmitrevsky I.A. A word of praise to Alexander Petrovich Sumarokov, read at the Imperial Russian Academy at its annual ceremonial meeting in 1807 [Slovo pokhval'noe Aleksandru Petrovichu Sumarokovu, chitannoe v imperatorskoi rossiiskoi akademii v godovoe torzhestvennoe ee sobranie 1807 goda]. *Works and translations published by the Russian Academy*. St. Petersburg, 1808, pp. 160–218 (in Russian).

Dmitriev I.I. A look at my life: notes of an actual Privy Councilor [Vzgliad na moiu zhizn': zapiski deistvitelnogo tainogo sovetnika]. Moscow: Printing house of V. Gauthier, on Kuznetsky Most, Torletsky's house, 1866. Parts 1–3 (in Russian).

Zhovtis A. At the origins of Russian free verse (Verse of “The North Sea” by Heine in translations by M. L. Mikhailov) [U istokov russkogo verlibra (Stikh «Severnogo moria» Geine v perevodakh M. L. Mikhailova)]. *Mastery of Translation*: collection 7. Moscow: Sov. writer, 1970, pp. 386–404 (in Russian).

Zapadov A.V. Derzhavin's mastery [Masterstvo Derzhavina]. Moscow, 1958. (in Russian).

Kagan Yu.M. Friedrich Gottlieb Klopstock [Fridrikh Gotlib Klopshtok]. Great Soviet Encyclopedia, 1958. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/96162/%D0%9A%D0%BB%D0%BE%D0%BF%D1%88%D1%82%D0%BE%D0%BA> (accessed on 19 January 2024) (in Russian).

Karamzin N.M. (translation) Arhengolts about Klopstock [Arkhengol'ts o Klopshtoke]. *Bulletin of Europe*, no. 11, 1803. Available at: http://az.lib.ru/k/klopshtok_f_g/text_0040oldorfo.shtml (accessed on 19 January 2024) (in Russian).

Karamzin N.M. The Life of Klopstock [Zhizn' Klopshtoka]. *Moscow Journal*. Vol. 6. 1792, pp. 74–98 (in Russian).

Karamzin N.M. Evgeniy and Yulia [Evgenii i Iuliia]. *Children's reading for the heart and mind*. Ch. XVIII. 1789. Available at: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0980.shtml (accessed on 19 January 2024) (in Russian).

Karamzin N.M. Letters of a Russian traveler [Pis'ma russkogo puteshestvennika]. Leningrad, 1985 (in Russian).

Karamzin N.M. Poetry [Poeziia]. *Complete collection of poems*. Moscow: Soviet writer. 1966. Available at: <https://www.rulit.me/books/stihotvoreniya-read-220570-2.html> (accessed on 19 January 2024) (in Russian).

Kachenovsky M. T. Friedrich Gottlieb Klopstock [Fridrikh Gotlib Klopshtok]. *Bulletin of Europe*, No.17, 1808. Available at: http://az.lib.ru/k/kachenovskij_m_t/text_0120oldorfo-1.shtml (accessed on 19 January 2024) (in Russian).

Kachenovsky M. T. About the miraculous [O chudesnom]. *Bulletin of Europe*, no. 1, 1816, pp. 44–49 (in Russian).

Keyser F. Brief German grammar [Kratkaia nemetskaia grammatika]. Part II. St. Petersburg. 1832 (in Russian).

Kislova E.I. German language in Russian seminaries of the 18th century: from the history of cultural contacts [Nemetskii iazyk v russkikh seminariakh XVIII veka: iz istorii kul'turnykh kontaktov]. *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities*. Series 3: Philology. Vol. 1 (41), 2015, pp. 53–70 (in Russian).

Klopstock F.G. Messiah [Messiada]. Parts 1–3. St. Petersburg: Publishing house of booksellers Korablev and Siryakov, 1868 (in Russian).

Kokorev I.T. Essays on Moscow in the forties [Ocherki Moskvyy sorokovykh godov]. Moscow; Leningrad., 1932 (in Russian).

Kuchelbecker V.K. Travel. Diary. Articles [Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i]. Moscow: Nauka, 1979 (in Russian).

Merzlyakov A.F. About the surest way to analyze and judge works, especially poetic ones, according to their significant merits [O verneishem sposobe razbirat' i sudit' sochineniia, osoblivo stikhotvornye, po ikh sushchestvennym dostoinstvam]. *Literary criticism of the 1800s-1820s*. Moscow: Fiction, 1980, pp. 188–210 (in Russian).

Mikhailov A.V. Reverse translation. Russian and Western European culture: problems of relationships [Obratnyi perevod. Russkaia i zapadno-evropeiskaia kul'tura: problemy vzaimosviazei]. Moscow: Languages of Russian culture. 2000 (in Russian).

Purishv B.I. Klopstock [Klopshtok]. *Literary Encyclopedia*. Vol. 5. Moscow-St. Petersburg, 1931 (in Russian).

Pushkin A.S. Bova [Bova]. *Pushkin A.S. Collected works in 10 volumes. Vol. 3.* Moscow: GИЛ, 1959–1962 (in Russian).

Reitblat, A. I. Writing across: Articles on biography, sociology and history of literature [Pisat' poperek: Stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury]. Moscow: New Literary Review, 2014 (in Russian).

Rozanov I. N. Literary reputations [Literaturnye reputatsii]. Moscow: Soviet writer. 1990 (in Russian).

Sinilo G.V. The Book of Psalms as an archetext of religious and philosophical lyrics by F. G. Klopstock [Kniga Psalmov kak arkhitektst religiozno-filosofskoi liriki F. G. Klopshtoka]. *Journal of the Belarusian State University. Philology*, 2019, no. 3, pp. 14–25 (in Russian).

Tsyavlovsky M. A. «Bova» (Excerpt from the poem) [«Bova» (Otryvok iz poemy)]. *Articles about Pushkin.* Moscow, 1962, pp. 90–105 (in Russian).

Eikhenbaum B. About literature: Works of different years [O literature: Raboty raznykh let]. Moscow, 1987 (in Russian).

Schreiber S. von. Sprech- Denk- und Styl-uebungen in deutscher Sprache für mittlere und höhere Klassen. St. Petersburg, 1837 (in German).

Р.В. Белютин

*Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия*

УДК 81'27

DOI 10.35785/2072-9464-2024-65-1-119-130

**«ВОШЛИ В КОММУНИКАТИВНЫЙ КЛИНЧ»: ДИСКУРС
ПРОТИВОСТОЯНИЯ В СУБКУЛЬТУРЕ ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ
(На примере Рурского дерби «Шальке 04» vs «Боруссия» (Дортмунд))**

Ключевые слова: спортивный дискурс; дискурс футбольных фанатов; дискурс противостояния; Рурское дерби; интертекстуальность; метафоризация; языковая игра.

В статье анализируются случаи вербального противостояния между футбольными фанатами соперничающих клубов. Данная проблематика рассматривается на примере знаменитого немецкого (Рурского) дерби, участниками которого являются команды «Шальке 04» (Гельзенкирхен) и «Боруссия» (Дортмунд). Описывается история возникновения дискурса вражды между двумя клубами и их поклонниками, дается характеристика дерби с перспективы спортивных СМИ, футбольных фанатов и др. Указывается на многообразие языковых средств, стилей, жанров, используемых фанатами «Шальке» и «Боруссии» для достижения коммуникативных целей, главная из которых – унижить, оскорбить, «деклассировать» в коммуникативном клинче так называемых «чужих», приписать им негативные качества, очернить в глазах окружающих (прежде всего пред-

ставителей всей фанатской субкультуры) и т.д. Выделяются наиболее частотные схемы создания напряженности и провокативного модуса в рассматриваемом дискурсе – интертекстуальность, метафоризация, языковая игра, смешение дискурсов. Отмечается лингвокреативный потенциал фанатов обоих клубов в создании конфликтных речевых актов, юмористическая тональность многих «посланий», причем юмор задействуется именно в функции маскировки оскорбления. В качестве перспектив дальнейшего исследования предлагается рассмотрение дискурса противостояния в фанатской субкультуре на примере известных футбольных дерби, проходящих в других странах. Демонстрируются примеры вербальных атак на противника в коммуникации между фанатами московских клубов «Спартак» и «ЦСКА». Методологическую основу исследования составили методы дискурсивного, контекстуального, стилистического, семантического, лингвокультурологического и аксиометрического анализа.

Дискурс противостояния, под которым можно понимать коммуникативные отношения, в рамках которых индивиды или группы находятся в состоянии длительной целенаправленной конфронтации, которая имеет деструктивный характер и соотносится с окружающим социальным и/или иным (например, политическим) контекстом, как правило, в лингвистическом пространстве изучается через призму политической коммуникации, в то время как другие сферы, в частности спортивная, в исследования категории оппозитивности интегрированы достаточно слабо.

Вообще, именно спортивная деятельность априори задает отношения агональности и оппозиции между субъектами, включенными в соревновательный процесс. В данном случае речь идет об отдельных спортсменах либо представителях командных видов спорта. Одновременно с этим друг другу противостоят спортивные менеджеры, функционеры, тренеры, спортивный медицинский персонал, лица, отвечающие за подготовку инвентаря (например, сервис-бригады в биатлоне), и др. Все они объединены общей целью – добиться победы своего спортсмена или команды, взять верх над противником, продемонстрировать свое превосходство в силе, классе, скорости и т.п.

Особое место в семиотической системе спорта занимают спортивные фанаты, которые способны повлиять на результат и результативность как отдельного спортсмена, так и команды в целом. Весьма убедительно высказался на этот счет бывший защитник, вице-капитан футбольной команды «Ливерпуль» Д. Каррагер: *Бывает, что главный прилив сил получаешь от болельщиков уже во время разогрева. Если стадион заполнен, а атмосфера нагнетается, понимаешь, что это поможет. Нет никаких сомнений в том, что эффект есть* (1).

Если противостояние на спортивной площадке (далее мы будем говорить только о футбольных реалиях) заканчивается с финальным свистком ар-

битра, то в субкультуре футбольных фанатов состояние оппозитивности по отношению к «другим» (в первую очередь клубам-соперникам и всем, кто их олицетворяет) – практически перманентное явление, которое становится интегративной составляющей картины мира футбольных фанатов. Наиболее острая фаза непримиримости приходится на так называемые матчи-дерби – соревнования между соперниками из одного города или региона.

В данной статье мы рассмотрим специфику организации коммуникативного пространства, выстраиваемого немецкими футбольными фанатами вокруг знаменитого (не случайно в Германии его называют «Mutter aller Derbys») (букв. «мать всех дерби»)) противостояния между клубами Рурского региона – «Шальке 04» (Гельзенкирхен) и «Боруссия» (Дортмунд). Об абсолютном статусе таких матчей по сравнению с другими поединками свидетельствует следующая метафора: *Derbys wie HSV gegen St. Pauli, Mönchengladbach gegen Köln oder Stuttgart gegen Karlsruhe wirken wie Kindergeburtstage im Vergleich zum Ruhrpott-Duell* (2).

Интересно отметить, что атмосфера дерби в аутентичных источниках также раскрывается главным образом через метафорические проекции:

*Das Derby zwischen Dortmund und Schalke **elektrisiert** die Massen weit über die Grenzen des Ruhrpotts hinaus* (3).

*Das **Derbyfieber** jedenfalls stieg und stieg* (4).

*Aber es musste sein, der Verein hat mich gebeten, und ich hab's getan: Ich habe mich vor dem Derby, dem Spiel der Spiele, total **deeskaliert*** (5).

*[...] [D]ie mittelschwere Katastrophe: [...] sie vertreten zwei unversöhnliche **Glaubensrichtungen** – Schalke und Dortmund!* (6).

Не менее ярким с точки зрения языкового оформления является следующий пример, в котором фанат дортмундской «Боруссии» дает волю чувствам и закрепляет это эмоциональное состояние в метафорах, гиперболах, суперлативах.

*Dann der 28. Februar 2015. Der Tag, mit dem dieses Buch enden muss. Ein Tag, der für uns Borussen mal wieder ewig in Erinnerung bleiben wird. **DERBYSIEGER! 3 : 0!!!! Ein perfekter Samstag unter den perfekten Samstagen.** Derby war schon immer anders als normal, und unter diesen Vorzeichen aus dem Abstiegskampf heraus noch mal zusätzlich anders. Ich konnte nicht glauben, was ich da sah. Wir **spielten die Blauen aber mal so was an die Wand**, doch das Netz wollte einfach nicht zappeln. Automatisch dachte ich an die letzten Heimderbys und sah ein torloses Unentschieden vor mir. Zehn Sekunden später hatte **ich das Gefühl, meine Stimmbänder würden reißen** [...] Mein BVB ließ mir keine Zeit, mich von diesem **Über-Moment** zu erholen. Gündogan auf Mkhitaryan, und das Westfalenstadion **explodierte**. Wie gesagt, ein perfekter Samstag, der so endete, wie er begonnen hatte: mit Bier. Derbysiegerbier* (7).

Расстояние между Дортмундом и Гельзенкирхеном составляет всего 35 километров, но именно эта географическая близость служит катализатором конкурентной борьбы, отталкивает географических соседей и поляризует. Дополнительный «шарм» этому противостоянию придает факт, что дискурс вражды и «сердечной неприязни» (*herzliche Abneigung*) между фанатами «Шальке» и «Боруссии» зародился не сразу: когда-то футболисты «Шальке», завоевав титул чемпиона Германии, специально останавливались в Дортмунде, чтобы их могли поприветствовать и поздравить с победой жители соседнего города и чтобы затем вписать свои имена в Золотую книгу Дортмунда; в архивах, посвященных противостоянию двух клубов, содержится также информация о том, что дортмундцы «по доброте душевной» предоставляли свой домашний стадион «Роте Эрде» для проведения матчей с участием команды из Гельзенкирхена, а сами одно время выходили на футбольное поле в бело-голубой форме, с которой принято ассоциировать «Шальке». О взаимоотношениях между клубами и фанатами в то время архивариус дортмундской «Боруссии» Г. Кольбе высказался так: *Es herrschte eine tiefe Sympathie zwischen beiden Vereinen* [Kolbe, URL].

В 1947 году состоялся финал чемпионата Вестфалии, в котором тогда выступали оба клуба. «Боруссия» обыграла «Шальке» и покончила с гегемонией Гельзенкирхена в регионе, и именно с того матча начало нарастать напряжение между командами и болельщиками, а в 70-е годы это противостояние окончательно оформилось в то, что в Германии принято называть «die Mutter aller Derbys».

Dortmund gegen Gelsenkirchen. Revierderby. «Die Mutter aller Derbys» (8).

Стоит отметить, что противостояние двух клубов уже давно вышло за пределы футбольного поля, где игроки, поддерживаемые своими фанатами, пытаются в очередной раз доказать превосходство над соперником. Традиционно практикуются методы физического воздействия на «чужих», однако и вербальные нападки также являются интегративной составляющей «репертуара» фанатов из Дортмунда и Гельзенкирхена. Именно этот аспект противостояния находится в фокусе нашего внимания, и, забегая вперед, скажем, что с лингвистической точки зрения оба противоборствующих лагеря имеют в своем арсенале чрезвычайно богатый по семантике, прагматике, прецедентности и интертекстуальности материал, заслуживающий всестороннего анализа.

В качестве источников были использованы дневники футбольных фанатов (*Fantagebuecher*), которые в настоящее время оформились в самостоятельный жанр и публикуются наравне с другой спортивной литературой, футбольные фанзины, в том числе электронные, интервью фанатов «Боруссии» и «Шальке», футбольные и околофутбольные репортажи о величайшем дерби Германии, исторические, социологические материалы по данной проблематике, анекдоты, «футбольные» сказки и др.

Исследование показало, что вербальные атаки фанатов «Боруссии» и «Шальке» с дискурсивной и языковой позиций, как правило, готовятся по определенным схемам, моделям, сценариям и направлены прежде всего на дискредитацию, диффамацию, стигматизацию, дегуманизацию «врага» – в явной, эксплицитной и завуалированной, имплицитной формах. Рассмотрим наиболее типичные паттерны этой «недружественной» коммуникации, которые, опираясь на спортивную терминологию, назовем «Стандартные ситуации» (Standardsituationen).

Стандартная ситуация 1. Интертекстуальность

Schalke unser am Abgrund / vernichtet werde Dein Name / Dein Untergang komme / wie zu Hause, so auch auswärts (9).

В данном случае фанаты «Боруссии» трансформировали текст молитвы «Отче наш» и приспособили его под свои «внутриколлективные» нужды, задавшись целью посильнее «ужалить» (неофициальное название клуба из Дортмунда – «Шмели») оппонента. В итоге в новой версии молитвы начинают звучать антигуманистические тона: «Шальке, стоящий на краю пропасти», «да будет искоренено имя твое», «да придет гибель твоя» и т.п.

Фанаты «Шальке» не могли не отреагировать на данную провокацию и посягнули на самое святое для каждого фаната «Боруссии» (*Leuchte auf, mein Stern Borussia*) – гимн футбольного клуба; в новом варианте можно легко распознать оскорбительную и саркастическую тональности (*verrecken* – сгинуть, подохнуть; *Doofmund* – обычное название города Дортмунд заменено на лексему, в которой присутствует компонент «doof» – дурацкий, бездарный), уподобление жанру траурной речи (*In tiefer Dankbarkeit nehmen wir Abschied*) и пр.

Borussia Doofmund – Verrecke mein Stern und tauche nie wieder auf. In tiefer Dankbarkeit nehmen wir Abschied von Hochmut, Arroganz und maßloser Selbstüberschätzung (10).

Стандартная ситуация 2. Метафоризация

Как правило, для уничтожения противника фанаты «Шальке» и «Боруссии» обращаются к сравнениям, задействуя сферы-источники, которые транслируют отрицательные смыслы (болезнь, смерть, отходы жизнедеятельности человека, животные-паразиты и др.).

О «Боруссии»: *Früher, also bis kurz nach dem Krieg, nannten wir dieses Kartoffelkäferkonstrukt noch den «Verein aus der Nähe von Lüdenscheid». Bis zum heutigen Tag tun mir die «Zecken», wie wir sie schlicht und einfach im Folgenden nennen wollen, einfach nur Leid (11).*

О «Шальке»: *Was Sind 20 Schalker im Ketten-Karussell? – Fliegende Scheiße (12).*

Стандартная ситуация 3. Игра слов

То, что футбольные фанаты отличаются лингвокреативностью и для решения своих прагматических задач в коммуникативном «клинче» все

чаще используют приемы языковой игры, – факт неоспоримый (см., например: [Белютин, 2019]). Фанаты «Шальке» и «Боруссии» оказываются не менее изобретательными, чем их коллеги по цеху, и об этом убедительно свидетельствуют следующие примеры.

Katholisch, evangelisch, neuapostolisch. Wir haben kein Problem mit Kirchen, außer, es steht «Gelsen» davor (13).

Текст, размещенный на данном баннере, фанаты «Боруссии» сочинили совместно с генеральным спонсором клуба – компанией «Эвоник». Игра слов, задействованная в этом предложении, воодушевила всех поклонников «Боруссии» и привела в ярость фанатов «Шальке». Антипатия, выраженная в шутивно-иронической форме (но это не снизило градус негативного восприятия «врага»), была продемонстрирована с привлечением религиозного дискурса, очень популярного в фанатской среде как средство формирования новых, в том числе оценочных, смыслов [Белютин, 2023]. В данном случае фанаты «Боруссии» обыграли слово *Gelsenkirchen*, ухватившись за вторую часть слова, которая созвучна форме множественного числа лексемы «Kirche» (церковь). В итоге меседж из Дортмунда должен быть прочитан следующим образом: спонсор и фанаты толерантны ко всем религиозным направлениям и течениям, но никогда не смогут смириться с тем, что есть религия, которая называется «Gelsenkirchen».

Ответ фанатов «Шальке» также демонстрирует любовь к игре со словом. К упомянутому выше «Doofmund» фанаты клуба из Гельзенкирхена с легкостью добавляют следующие варианты:

Weil die schwachgelben ein Heimspiel haben, fühlen wir uns bei der Reise im ICE besser aufgehoben (14).

Лексема *schwachgelb* заменяет классическое *schwarz-gelb*, обозначающее всех представителей и поклонников «Боруссии» по цветам клуба – черно-желтые. Появление прилагательного «*schwach*» (слабый, болезненный, хилый, нездоровый) вместо колоратива «*schwarz*» объясняется стремлением фанатов «Шальке» унижить противника, указать ему его место (слабым и большим не место в бундеслиге, они достойны только сочувствия).

Эти и другие примеры побуждают указать на еще одну особенность в коммуникации между фанатами «Боруссии» и «Шальке». Дело в том, что оба лагеря когда-то дали клятву не называть «правильно» своих визави и город и каждый раз состязаются в оригинальности при решении этой языковой проблемы.

Среди других обидных иносказаний, которыми обмениваются в Дортмунде и Гельзенкирхене в обход прямого названия «враждебной» команды и города, который она представляет, отметим следующие (все они разнообразны по технике создания и профилируемым концептуальным признакам).

*Eine Erlösung dann endlich der Abpfiff. Scheiß was auf die verlorenen Punkte – die holen wir uns im Derby gegen die Pinocchios aus der Nähe von **LüGEnscheid** zurück – aber diese kalten Füße (15).*

*Der Stadiontest in **Schlacke** – gnadenlos realistisch (16).*

Вместо «Дортмунда» фанаты «Шальке» (эту тенденцию подхватили даже немецкие спортивные СМИ) называют ничем не примечательный городок Людешайд (*Lüdenscheid-Nord*), расположенный в 44 километрах от Дортмунда, и, как мы видим, даже эта лексема за счет приема языковой игры может быть инкорпорирована в дискурс вражды – **LüGEnscheid** (Lüge – ложь, вранье). Подобным образом происходит переименование Schalke в *Schlacke* (шлак, отбросы, огарки).

Стандартная ситуация 4. Смещение дискурсов

Нетривиальным подходом в организации соответствующего дискурса следует считать также готовность (способность) фанатов «Боруссии» и «Шальке» задействовать технику «бриколаж» (от фр. *bricolage* – «создание предмета или объекта из подручных материалов»), встраивая в коммуникативное пространство – область-цель – элементы других дискурсивных практик и входящих в их структуру жанров, стилей, модусов и т.п.

Примерами такой гибридизации дискурса противостояния являются насмешливый поздравительный адрес, составленный фанатами «Боруссии» для гельзенкирхенцев, в котором им в язвительной манере предлагается отпраздновать пятидесятилетие с момента завоевания титула «Шальке» в немецком футбольном чемпионате.

Glückwunsch, S05 – 50 Jahre ohne Schale

Hallo, ihr Blau-Weißen, Rekorde und Jubiläen sind für die Ewigkeit. Ihr habt euch mit eurem Abschneiden in der Saison 2007/2008 ins Rekordbuch der Fußball-Bundesliga eingetragen. Runde 50 Jahre ist es nun her, dass ihr das letzte Mal Deutscher Meister wurdet. Herzlichen Glückwunsch. 50 Jahre – in dieser Zeit ist eine Menge passiert, die Welt hat sich verändert. Säuglinge wurden zu Großvätern, Fernsehen gibt es nun in Farbe, der erste Mensch betrat den Mond, aus zwei Deutschlands wurde eins und euer Stadion ist nun eine Turnhalle. Doch über allem strahlt euer Jubiläum. Erreicht mit einer gehörigen Portion Dilettantismus zur rechten Zeit (17).

В другом случае фанаты – теперь уже «Шальке» – эксплуатируют фольклорный жанр, пытаясь нанести вербальный удар в сторону «Боруссии» через сказочные мотивы и изображая поклонников «Шмелей» отрицательными сказочными героями:

Da schleppten die sieben Schalker in aller Eile die Steine herbei und steckten so viele davon in den Bauch ... Dann nähte ihn die Ziege schneller wieder zu, als der Wolf, der böse Borusse, «Heja, heja BVB» sagen konnte (18).

Вообще, уход в другие, фидейно-игровые, фантазийные «возможные» миры (по А.П. Бабушкину) [Бабушкин, 2001] становится в субкультуре футбольных фанатов все более популярным приемом для реализации тех или иных коммуникативных интенций.

Приведем достаточно неоднозначный, но яркий во всех смыслах пример, в котором, с одной стороны, есть реально существующие личности (бывший футболист «Шальке», любимец местной публики Бенедикт Хеведес и человек «черно-желтых» кровей Кевин Гросскройц), с другой – создана ситуация, которая вряд ли когда-либо станет реальностью в объективном мире: эти футболисты, вместо взаимной неприязни, в данной истории обозначенной как «Fanfiktion», сближаются друг с другом, причем дело даже доходит до интимной близости – факт, вызывающий отвращение и осуждение не только у фанатов «Шальке» и «Боруссии» (непримиримость – главный принцип во взаимоотношениях), но и у любого человека, кто защищает традиционные ценности.

Sofort hatte Benedikt ihn auch schon von seinem T – Shirt befreit und ihn sanft mit seiner Hand gestreichelte, was Kevin dazu brachte genießerisch die Augen zu schließen.

Noch einmal hatte Kevin ihm klar gemacht, dass er keine Angst haben musste und das er das Vertrauen des Schalkers nicht ausnutzen würde (19).

В заключение стоит еще раз отметить, что вербальные атаки со стороны фанатов «Шальке» и «Боруссии» являются не спорадическими, а носят системный характер. Ср.: *Vor dem Derby wurde gemault, während dem Derby auch, und nach dem Derby sowieso (20).*

Объектами нападок в таких случаях становятся игроки команды-соперника (бывшие и нынешние), тренеры, менеджеры, поклонники клуба. Вербальная агрессия канализируется через речовки, тексты песен, фразы, размещаемые на баннерах, плакатах, «тематические» анекдоты, публикации в фанзинах, интернет-чатах и др.

Примечательно, что, помимо ресурсов спортивного дискурса (названия команд – официальные и неофициальные, атрибутика клуба и т.п.), фанаты «Шальке» и «Боруссии» активно вовлекают в конструирование дискурса вражды другие концептосферы (политика, религия, фольклор и т.д.). Вследствие многообразия задействованных ресурсов становится возмож-

ным выражать дискредитацию, рессентимент, стигматизацию и другие при-
мыкающие к ним конфликтогенные проявления коммуникации в экспли-
цитной (прямые сравнения, инвективы и пр.) и имплицитной (скрытые срав-
нения, метафоры, аллегии) формах.

Перспективным представляется дальнейшее изучение дискурса про-
тивостояния в субкультуре футбольных фанатов, например через кон-
трастивный анализ, привлекая корпус данных о соперничестве (спортивном
и околоспортивном) фанатов клубов из других стран, где футбол продол-
жает оставаться самым популярным видом спорта.

Наши наблюдения за организацией и развертыванием дискурса
«дерби всея Руси» («Спартак» vs «ЦСКА») позволяют в целом говорить о
сходстве коммуникативных стратегий и тактик, а также моделей, с помо-
щью которых фанаты двух московских клубов играют «на грани фола» или
вообще на «красную карточку». Ср.:

Стук копыт и запах вони, на арене скачут кони! (21).

(22)

ЛИТЕРАТУРА

Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. 86 с.

Белютин Р.В. Прагмасемантические и лингвоментальные проекции немецкого спортивного дискурса: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2019. 336 с.

Белютин Р.В. Футбольный бог и тренерская проповедь: религиозные концепты в коммуникации немецких футбольных фанатов // Коммуникативные исследования. 2023. Т. 10, № 4. С. 691–706.

Kolbe G. BVB im Mai 1947: Als sich das Kraftzentrum vom Schalker Markt zum Bor-sigplatz verschob // Ruhr-Nachrichten, 18/05/2022. URL: <https://www.ruhr-nachrichten.de/bvb/bvb-im-mai-1947-als-sich-das-kraftzentrum-vom-schalker-markt-zum-bor-sigplatz-verschob-w1755554-2000530855/> (дата обращения: 15.03.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

1. <https://m.footballhd.ru/articles/drugoearticles/183296-dvenadcatyy-igrok-naskolko-silno-fanaty-vliayut-na-rezultat.html> (last accessed: 05.01.2024).

2. <https://www.spiegel.de/sport/fussball/dortmund-vs-schalke-kuschel-duell-im-pott-a-799896.html> (last accessed: 05.06.2023).

3. <https://www.derwesten.de/sport/fussball/bvb/borussia-bvb-dortmund-schalke-04-derby-duelle-id217023747.html> (last accessed: 05.03.2023).
4. Kruschinski, O. / Berghöher, M. Schalke total. Das königsblaue Fan-Tagebuch. Göttingen: Verlag die Werksatt, 2010. S. 20.
5. Там же, 226.
6. <https://www.mondpalast.com/detail/ronaldo-julia> (last accessed: 05.09.2023).
7. Gräsing, T. Aus der Hölle ans Licht. Zehn wilde Jahre mit dem BVB. Göttingen: Verlag die Werkstatt, 2015. S. 58. (last accessed: 05.09.2023).
8. <https://www.schwatzgelb.de/artikel/2022/uns-senf/quo-vadis-revierderby> (last accessed: 02.01.2024).
9. <https://www.bilder-hochladen.net/files/tyd-3.pdf> (last accessed: 05.06.2022).
10. Anti-Borussia-Bilder. <https://www.google.de/search?q=anti+borussia+bilder&tbm=isch&source=univ&sa=X&ved=2ahUKEwiyx97hvNDjAhXqtYsKHaJWC5oQsAR6BAgJEA&biw=1680&bih=939> (last accessed: 05.06.2022).
11. Kruschinski, O. Blau und weiss ein Leben lang. Eine Saison mit Schalke. Gelsenkirchen: Beluga new Media Verlag, 2005. S. 152.
12. <https://www.willis-witze.de/Fussball-Witze/Wenn-Scheisse-fliegen-koennte-waere-ganz,witz-15053.html> (last accessed: 05.08.2023).
13. <https://www.spox.com/de/sport/fussball/bundesliga/0809/Bilder/240/evonik-plakat-240.jpg>
14. <https://schalke-unser.de/beitrag/category/ausgaben/su-062> (last accessed: 05.08.2023).
15. Kruschinski, O., Berghoeh, M. Schalke total. Das königsblaue Fan-Tagebuch. Göttingen: Verlag die Werkstatt, 2010. S. 225.
16. <https://www.schwatzgelb.de/artikel/2001/fehlfarben/2001-04-21-fehlfarben-stadiontest-in-schlacke> (last accessed: 06.08.2023)
17. <https://www.schwatzgelb.de/liste/fehlfarben/p2> (last accessed: 15.09.2023).
18. Stahlhut, P. Elf Märchen müsst ihr hören. Wundersame Geschichten um den FC Schalke 04. Göttingen: Verlag die Werkstatt, 2013, S. 57.
19. <https://www.fanfiktion.de/s/51d43db8000327ce199dd388/19/Hassliebe> (last accessed: 25.01.2024).
20. <https://www.spox.com/de/sport/fussball/bundesliga/0809/Artikel/schalcker-empoert-ueber-evonik-werbung.html> (last accessed: 25.01.2024).
21. <https://fcspartak2002.narod.ru/business4.html> (last accessed: 26.01.2024).
22. <https://russian.rt.com/sport/article/328814-spartak-cska-futbol-plakaty> (last accessed: 27.01.2024).

R.V. Belyutin

*PhD in Philological Sciences, Doctor, Associate Professor,
Chair of the German language,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

**«They Held Each Other in a Communicative Clinch»: a Showdown
in Football Fans' Subculture
(by the Example of the Revier Derby Schalke 04 vs Borussia Dortmund)**

The article considers cases of verbal conflict between football fans of competing clubs. The issue is analysed by the example of the famous German (Revier) derby in which the teams Schalke 04 (Gelsenkirchen) and Borussia (Dortmund) participate. The author gives account of the origin of the discourse of rivalry between

the two clubs and their fans, characterizes the derby from the point of view of sports mass media, football fans, etc. The article states a great diversity of linguistic means, styles, genres used by fans of Schalke and Borussia to achieve communicative aims, of which the main is to humiliate, offend, downgrade in a communicative clinch the so-called 'others', attribute negative qualities to them, besmirch them in the eyes of people around (first and foremost representing the fan culture) and so on. It distinguishes the most frequent patterns of creating 'tension' and provocative modality in the analyzed discourse – intertextuality, metaphorization, play on words, mixing discourses. The author emphasizes linguistic creativity of both clubs' fans in creating conflict speech acts, stresses comic attitude in many messages, whereby humour is employed to disguise offense. As a direction for further research the author proposes surveying the discourse of rivalry in fan subculture by the example of famous derbies held in other countries. Instances are given to demonstrate verbal attacks on an adversary in the communication of the Moscow clubs Spartak's and CSKA's fans. The methods used are discourse, contextual, stylistic, semantic, linguistic and cultural, axiometric analysis.

Keywords: sports discourse; football fans' discourse; showdown discourse; Revier derby; intertextuality; metaphorization; play on words.

REFERENCES

- Babushkin A.P. «Possible worlds» in the semantic structure of the language [«Vozmozhnye miry» v semanticheskom prostranstve yazyka]. Voronezh, 2001. 86 p. (in Russian).
- Belyutin R.V. A Study on pragmatic and semantic, linguistic and mental projections of the German sports discourse: monograph [Pragmasemanticheskie i lingvomenal'nye proekcii nemeckogo sportivnogo diskursa: monografiya]. Smolensk, 2019. 336 p. (in Russian).
- Belyutin R.V. Football God and coach's sermon: religious concepts in German football fans' communication [Futbol'nyj bog i trenerskaja propoved': religioznye koncepty v kommunikacii nemeckih futbol'nyh fanatov]. *Communication studies*. Omsk, 2023, pp. 691–706 (in Russian).
- Kolbe, G. BVB im Mai 1947: Als sich das Kraftzentrum vom Schalker Markt zum Borsigplatz verschob. In: Ruhr-Nachrichten, 18/05/2022. Available at: <https://www.ruhrnachrichten.de/bvb/bvb-im-mai-1947-als-sich-das-kraftzentrum-vom-schalker-markt-zum-borsigplatz-verschob-w1755554-2000530855/> (accessed on 15 March 2022) (in German).

LIST OF SOURCES OF EXAMPLES

1. <https://m.footballhd.ru/articles/drugoearticles/183296-dvenadcatyy-igrok-naskolko-silno-fanaty-vliayut-na-rezultat.html> (accessed on 05 January 2024) (in Russian).
2. <https://www.spiegel.de/sport/fussball/dortmund-vs-schalke-kuschel-duell-im-pott-a-799896.html> (accessed 05 on June 2023) (in German).
3. <https://www.derwesten.de/sport/fussball/bvb/borussia-bvb-dortmund-schalke-04-derby-duelle-id217023747.html> (accessed on 05 March 2023) (in German).
4. Kruschinski, O. / Berghöher, M. Schalke total. Das königsblaue Fan-Tagebuch. Göttingen: Verlag die Werksatt, 2010. S. 20 (in German).
5. Ibid, 226 s.
6. <https://www.mondpalast.com/detail/ronaldo-julia> (access on 05 September 2023) (in German).
7. Gräsing, T. Aus der Hölle ans Licht. Zehn wilde Jahre mit dem BVB. Göttingen: Verlag die Werkstatt, 2015. 58 s. (accessed on 05 September 2023) (in German).

8. <https://www.schwartzgelb.de/artikel/2022/uns-senf/quo-vadis-revierderby> (accessed on 02 January 2024) (in German).
9. <https://www.bilder-hochladen.net/files/tyd-3.pdf> (accessed on 05 June 2022) (in German).
10. Anti-Borussia-Bilder. <https://www.google.de/search?q=anti+borussia+bilder&tbm=isch&source=univ&sa=X&ved=2ahUKEwiyx97hvNDjAhXqtYsKHaJWC5oQsAR6BAgJEAE&biw=1680&bih=939> (accessed on 05 June 2022). (in German).
11. Kruschinski, O. Blau und weiss ein Leben lang. Eine Saison mit Schalke. Gelsenkirchen: Beluga new Media Verlag, 2005. 152 s. (in German).
12. <https://www.willis-witze.de/Fussball-Witze/Wenn-Scheisse-fliegen-koennte-waere-ganz,witz-15053.html> (accessed on 0 August 2023) (in German).
13. <https://www.spoX.com/de/sport/fussball/bundesliga/0809/Bilder/240/evonik-plakat-240.jpg> (in German).
14. <https://schalke-unser.de/beitrag/category/ausgaben/su-062> (accessed on 05 August 2023) (in German).
15. Kruschinski, O., Berghoer, M. Schalke total. Das königsblaue Fan-Tagebuch. Göttingen: Verlag die Werkstatt, 2010. 225 s. (in German).
16. <https://www.schwartzgelb.de/artikel/2001/fehlfarben/2001-04-21-fehlfarben-stadiontest-in-schlacke> (accessed on 06 June 2023) (in German).
17. <https://www.schwartzgelb.de/liste/fehlfarben/p2> (accessed on 15 September 2023) (in German).
18. Stahlhut, P. Elf Märchen müsst ihr hören. Wundersame Geschichten um den FC Schalke 04. Göttingen: Verlag die Werkstatt, 2013, 57 s. (in German).
19. <https://www.fanfiktion.de/s/51d43db8000327ce199dd388/19/Hassliebe> (accessed on 25 January 2024) (in German).
20. <https://www.spoX.com/de/sport/fussball/bundesliga/0809/Artikel/schalke-empoe-ueber-evonik-werbung.html> (accessed on 25 January 2024) (in German).
21. <https://fcspartak2002.narod.ru/business4.html> (accessed on 26 January 2024) (in Russian).
22. <https://russian.rt.com/sport/article/328814-spartak-cska-futbol-plakaty> (last accessed on 27 January 2024) (in Russian).

А.В. Шитикова

*Московский государственный институт
международных отношений МИД России
Москва, Россия*

УДК 81'22 + 811.11

DOI 10.35785/2072-9464-2024-65-1-130-142

СЕМАНТИЧЕСКИ МОДИФИЦИРОВАННАЯ ПОСЛОВИЦА В СИСТЕМЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: пословица; модификации пословицы; семантические преобразования; медианпространство; виртуальная коммуникация; немецкий язык; лингвопрагматические особенности.

*Объектом изучения в статье является немецкая пословица *Ohne Fleiß kein Preis* в системе немецкоязычной виртуальной коммуникации Германии,*

Австрии, Швейцарии. Предмет исследования – виды семантических модификаций вышеуказанной сентенции. Цель исследования – выделить особенности функционирования семантически модифицированных форм пословицы на информационно-рекламных порталах Германии, Австрии, Швейцарии. В теоретической части статьи описывается специфика лингвистического аспекта виртуального общения, которое пришло на смену традиционному вместе со своими языковыми законами и правилами, а также роль и место пословичного фонда в новой системе. Во второй части приведены примеры, обозначены цели использования семантически преобразованной пословицы в статьях, заметках, сообщениях на сайтах немецкоязычного интернет-пространства. Проведенное на основе описательного метода и выборочного вида лингвистического анализа исследование опирается на концепции, методики и результаты современной паремологии и труды таких лингвистов-паремологов, как В.П. Жуков, В. Мидер, Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. Сделан вывод о том, что модифицированные пословицы – явление более редкое в виртуальном пространстве, чем конвенциональные, но более примечательное и интересное с лингвопрагматической точки зрения. Подробное описание и анализ способов модифицирования немецкой пословицы, а также ее функционирования в контексте виртуальной коммуникации поможет изучающим немецкий язык глубже понять лингвокультурологические особенности пословичного фонда языка и применять полученные знания для успешной коммуникации.

Под «виртуальной коммуникацией» подразумевают «общение с удаленным партнером или группой» [Большая российская энциклопедия] посредством электронных приборов, подключенных к сети Интернет. Современные технологии позволяют «конструировать виртуальную реальность, внутри которой и происходит общение» [Дзялошинский, 2015, 94]: межличностное, групповое, массовое – в постоянно меняющейся среде. То есть интернет-площадка создала и продолжает создавать принципиально новый вид коммуникации, отличный от традиционного. Образовав особенную коммуникативную среду, Интернет стал особенным местом реализации языка, которое характеризуется «мультилингвизмом (распространение и статус различных языков в Интернете); изменениями в системе языка (на лексическом, синтаксическом, грамматическом, стилистическом и других уровнях); речевыми и дискурсивными практиками (изменениями в интерактивных моделях и речевых практиках); распространениями и использованиями лексических интернет-инноваций в обычном словарном составе языка; способами описания лингвистических особенностей языка интернета»; сочетанием различных типов дискурса, речевых практик [Горошко, 2007], форматов и видов коммуникации.

Виртуальная коммуникация в современном мире особенно популярна благодаря своей доступности, скорости передачи информации, возможности манипуляции данными (изменение, дополнение, удаление информации), ано-

нимности, безграничности, беспристрастности, безвременности. Анонимность позволяет примерять на себя разные социальные роли, а предоставление лишь части информации о себе, употребление метатекстов дает возможность виртуальному адресату возможность додумать, довоображать образ виртуального собеседника. Безграничность, беспристрастность, безвременность выражается в том, что виртуальный коммуникант передает или размещает информацию в удобное ему время и в удобном месте и она доступна каждому подключенному к сети Интернет в любом месте и в любое время. Передавая сообщения, адресант рассчитывает, что ознакомление с ними произойдет в определенное или предполагаемое им время, и после ознакомления чаще всего надеется получить ответ. Размещение информации, например, на личной странице или коммерческом веб-сайте подразумевает вневременную, иногда безличную реакцию в виде получения дивидендов: на личной странице – личных и/или социальных, на коммерческих – финансовых. Поэтому авторы и заказчики веб-сайтов следят не только за мультимедийным, но и за лингвистическим наполнением последних. А.А. Атабекова вводит понятие «Лингвистический дизайн WEB-страниц» и определяет это понятие «как организацию среды представления информации на сайте WWW гетерогенными средствами естественного языка» [Атабекова, 2002, 148]. Как личные, так и коммерческие веб-сайты содержат информацию о деятельности человека / организации, последнее для успешного функционирования размещают на страницах документы, а также статьи информационного и рекламного характера. Для успешной коммуникации необходим учет потребностей, интенций, мотивов, установок адресата, что имеет первостепенное значение для наполняемости веб-страницы. И, как следствие установления, поддержания общения, наряду с «нормированным» языком, отражающим коммуникативную норму, появляются речевые, лингвистические новшества, что делает виртуальную коммуникацию нетрадиционной и нестандартной. Однако абсолютно очевидно, что базой для такой языковой креативности должно быть грамотное письмо, иначе она останется незамеченной [Горошко, 2007]. По такому принципу употребляются, в том числе и на веб-сайтах, семантически модифицированные пословицы.

Пословицы присутствуют в языке любого народа и содержат в себе кладезь народной мудрости, отражают его историю, развитие, мировидение, образ жизни. «Пословица – это устойчивая фраза, предложение, в котором ни субъект, ни предикат не варьируются» [Паремиология без границ, 2020, 7]. Каждая пословица обладает характеристикой двуплановости, то есть употребляется в прямом и переносном, метафорическом значении, при котором «любая метафора характеризуется наличием двух субъектов: прямого и переносного» [Сильницкий, Дедова, 2021, 175]. Пословицы являются проводниками «в менталитет и культуру иного народа, история которого насчитывает века, а то и тысячелетия» [Игнатова, Пивоварова, Санжарова, 2022, 47] и ярким, экспрессивным языковым средством. В современном

мире употребление пословицы в речи является признаком грамотности и образованности, а также умения коммуниканта выразить свое отношение к ситуации, явлению с помощью общеизвестной истины; вызвать реакцию, возможно определенную; доказать свою правоту или подкрепить правильность своего высказывания [Калашникова, 2022]. Это относится и к языку виртуальной коммуникации.

Пословицы в разные времена в большей или меньшей степени активны и появляются как в устной, так и письменной речи не только в оригинальной форме, но и в преобразованной. Изменения пословиц реализуются ситуативно, в контексте происходящих в мире общих изменений в области политики, экономики, культуры, торговли, даже истории, а также в контексте личных взаимоотношений человека.

Признаком еще большей популярности сентенции является ее модифицирование. Изменения касаются как семантической, так и структурной перестройки пословицы. Известный русский паремиолог В.П. Жуков выделяет следующие варианты пословиц и поговорок: структурные, лексические, лексико-грамматические, формально-словообразовательные [Жуков, 2006, 16]. Если изменения не влияют на смысл пословичного высказывания, то такие модифицированные пословицы являются вариантами. Как правило, речь идет о структурных преобразованиях: в пословицу добавляются уточняющие ситуацию, явление слова. Это могут быть наречия, прилагательные, служебные части речи, например союзы, а также словосочетания. Например, *Аппетит приходит во время еды, а отравление – после; Аппетит приходит во время еды, особенно если едите не вы* [Вальтер, Мокиенко, 2002, 29]; *В гостях хорошо, а дома – лучше не вспоминать* (*Непутевые заметки, ОРТ, 2003 год*) [Федорова, 2006, 201]. В немецком языке структурные преобразования связаны с грамматико-синтаксическими особенностями построения предложений, а именно: в придаточном предложении сказуемое всегда стоит на последнем месте. Если пословица появляется в придаточном предложении, то в ней меняется порядок слов. Например, *Das hat zum Teil mit der demografischen Entwicklung zu tun, aber auch damit, dass alte Liebe offensichtlich niemals rostet¹* (оригинал: *Alte Liebe rostet nicht* (Старая любовь не ржавеет)).

Модифицированной также является пословица, если изменена ее коммуникативная направленность. Большинство пословиц – это повествовательные предложения. Употребление сентенции в побудительном предложении является, на наш взгляд, вариантом, поскольку такой прием не меняет ее смысл, а выражает бóльшую экспрессивность и эмоциональность высказывания. А пословица в вопросительном предложении, на наш взгляд, это трансформ, так как изречение со знаком вопроса подвергает сомнению

¹<http://www.stern.de/auto/service/biker-nachwuchssorgen-rentner-auf-zwei-raedern-616065.html> (дата обращения: 20.01.2024).

правильность народной мудрости, а значит, меняет ее значение на противоположное.

Трансформом мы также обозначаем преобразованную пословицу с изменением ее смысла. Американский лингвист немецкого происхождения Вольфганг Мидер называет такие модифицированные предложения «антипословицами» [Mieder, 2004, 3]. Значение пословицы может меняться на противоположное в том случае, когда один из компонентов пословицы заменен на противоположное по смыслу слово, или в пословичный текст добавляется отрицание, или, наоборот, из пословичного текста с отрицанием последнее убирается. Например, *Деньги пахнут: маленькие – потом, а большие – кровью* [Федорова, 2006, 202]; *Der Apfel fällt weit vom Stamm*² (досл.: Яблоко от яблони далеко падает) (оригинал: *Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm*).

Один из элементов пословицы может быть заменен не только на противоположное по смыслу, но и на любое другое слово. В этом случае речь также идет о семантическом преобразовании предложения, то есть о трансформе. Например, *На слово директора надейся, а сам не плошай* [Вальтер, Мокиенко, 2002, 443]; *Rüge vergeht, Doktor besteht*³ (досл.: Выговор проходит, доктор остается) (оригинал: *Alles vergeht, Wahrheit besteht* (Все проходит, правда остается)).

Такие индивидуально-авторские преобразования «сознательно или бессознательно могут воспроизводить и память другого текста, и личные представления человека о том или ином явлении, ситуации» [Павлова, Романова, 2020, 77].

Чаще всего пословицы подвергаются не только семантическим, но и структурно-семантическим преобразованиям. Как правило, это происходит, если пословичный текст многокомпонентен. Немецкая пословица *Ohne Fleiß kein Preis* состоит из четырех элементов. Семантические трансформации этой предложения в системе виртуальной коммуникации немецкоязычных стран (Германии, Австрии и Швейцарии) касаются всех ее составляющих.

Ohne Fleiß kein Preis дословно переводится «Без прилежания нет приза». В словаре Duden «Redewendungen» дается следующая интерпретация: чтобы чего-то достичь, надо приложить усилия [Duden, 2013, 225]. В русском языке существует эквивалент: *Без труда не вытащишь рыбку из пруда*. В виртуальном медиaprостранстве в трансформированном виде пословица обнаружена 19 раз: 7 – с изменением коммуникативной направленности, а именно в вопросительных предложениях, 12 – с семантическими изменениями.

²<http://www.sueddeutsche.de/kultur/netz-depeschen-der-apfel-faellt-weit-vom-stamm-1.70526> (дата обращения: 20.11.2023).

³<http://www.zeit.de/studium/2014-01/dokortitel-plagiat-uni-muenster> (дата обращения: 24.01.2012).

В вопросительном предложении в немецкоязычном медиапространстве пословица обнаружена три раза. Первый раз – на сайте университета Тюбингена (Баден-Вюртемберг) размещено объявление о проведении коллоквиума по философии: *Ohne Fleiß kein Preis? Über Leistungsgerechtigkeit*⁴ (досл.: Без прилежания нет приза? О справедливости результатов). В кратком содержании коллоквиума представлены дефиниции слов *Fleiß*, *Preis*, а также обоснование того, что формула *vom Fleiß zum Preis* (досл.: от прилежания к призу) не всегда работает в жизни.

Во втором случае дипломированный психолог объясняет на своей страничке в Интернете, почему жизнь под девизом *Ohne Fleiß kein Preis* вредит не только бизнесу, но и счастливой жизни. Поэтому употребление пословицы в вопросительном предложении в заголовке статьи *Ohne Fleiß kein Preis?*⁵ подвергает сомнению правильность высказывания. Статья начинается с пословицы с восклицательным знаком. Такое противоречие привлекает внимание читателя и заставляет его до конца прочитать информацию и разобраться, подвергается ли сомнению непреложная истина или, наоборот, автор призывает следовать принципу, заложенному в пословице.

Необычную пунктуацию в вопросительном предложении имеет название статьи на австрийском портале для женщин *Ohne Fleiß, kein Preis?*⁶ Автор пишет о равноправии женщин и мужчин. Но, несмотря на это, присутствует дискриминация женщин в профессиональной сфере. А в семейной жизни женщина, наоборот, находится в более выгодном положении, так как может сама решать, пойти работать или быть зависимой от благополучного в финансовом плане супруга. Отсюда и вопросы: а надо ли быть прилежной? Стоит ли напрягаться? И действительно не будет приза (вознаграждения)? Ответы: будучи замужем, можно и не работать. Ну а если работать, не обязательно сильно напрягаться, ведь вознаграждение за профессиональную деятельность меньше, чем у мужчин (несмотря на равноправие). Отсюда и запятая между словосочетаниями, перечисляются ситуации (положения): Без усердия, без приза?

Четыре раза пословица употребляется в вопросительном предложении с добавлением уточняющих слов и/или словосочетаний.

На сайте радио «Ego FM» (Мюнхен) в статье *Antiwork: Ohne Fleiß kein Preis?*⁷ (досл.: Антиработа: Без прилежания нет приза?) пословица появляется в вопросительном предложении, подвергая сомнению

⁴<https://uni-tuebingen.de/fakultaeten/wirtschafts-und-sozialwissenschaftliche-fakultaet/fachbereich-sozialwissenschaften/politikwissenschaft/institut/neuigkeiten/veranstaltungen/newsfullview-veranstaltungen/article/institutskolloquium-ohne-fleiss-kein-preis-ueber-leistungsgerechtigkeit/> (дата обращения: 05.12.2023).

⁵<https://www.brittakimpel.com/ohne-fleiss-kein-preis/> (дата обращения: 05.12.2023).

⁶<https://www.fraut-ida.at/blog/ohne-fleiss-kein-preis/> (дата обращения: 12.12.2023).

⁷<https://www.egofm.de/blog/freizeit/antiwork-ohne-fleiss-kein-preis> (дата обращения: 15.12.2023).

правильность высказывания. Главный принцип достижения успеха – прилежная работа. Но пандемия внесла свои коррективы в привычное положение вещей. Миллионы людей остались без работы. Популярным становится движение «Антиработа», основным принципом которого является установление 4-дневной рабочей недели. Кроме того, недовольство условиями труда заставляет людей искать новую работу, что еще раз доказывает: усердие в работе, отчасти и сама работа – это не главное.

Подвергает сомнению правильность пословицы и название статьи на немецком сайте о развитии стартапов в Германии *Ohne Fleiß kein Preis – oder kann das jetzt weg?*⁸ (досл.: Без прилежания нет приза – или этого уже нет?). Статья рассказывает о том, как стать успешным предпринимателем. И выясняется, что сейчас для достижения этой цели не обязательно много работать. Это раньше, как говорила бабушка, надо было быть прилежным, чтобы стать успешным. Употребление слова *Fleiß* в корпусе статьи связывает воедино сюжетную линию названия статьи с ее темой.

Также подвергает сомнению правильность пословицы автор статьи «*Einserabi – ohne Fleiß kein Preis?*»⁹ (досл.: Аттестат с одними пятерками – без прилежания нет приза?) на сайте для абитуриентов. Он считает, что не такая уж сложная задача – стать студентом вуза, и дает советы, как достичь цели без особого напряжения: поставить правильную цель, выбрать нужные предметы, организовать правильно свой рабочий день и привлечь учителя в помощь себе.

На одном из сайтов по продаже книг обнаружена книга Мартина Верле с названием *Viel Fleiß, kein Preis*¹⁰ (досл.: «Много прилежания, нет приза»). Другими словами, можно много работать, но при этом не быть вознагражденным. Книга появилась в 2017 году. К этому времени не только в обществе Германии, но и на правительственном уровне остро стояла и активно обсуждалась тема дискриминации женщин в профессии. За одну и ту же работу женщины получают примерно на 20% меньше денег, чем мужчины. Трансформ образован исключительно с помощью семантического изменения, структура при этом не была затронута: предложение осталось четырехкомпонентным. Первое слово пословицы, предлог *ohne* (без), было заменено на слово *viel* (много), что привело к противоположному значению словосочетания *ohne Fleiß – viel Fleiß* (без прилежания – много прилежа-

⁸<https://www.deutsche-startups.de/2014/10/13/ohne-fleiss-kein-preis-oder-kann-das-jetzt-weg/> (дата обращения: 05.11.2023).

⁹<https://m.thieme.de/viamedici/mein-studienort-duesseldorf-1581/a/einserabi-34942.htm> (дата обращения: 17.12.2023).

¹⁰https://www.weltbild.de/artikel/buch/viel-fleiss-kein-preis_22326780-1 (дата обращения: 05.01.2024).

ния). Вторая часть осталась без преобразования, поэтому смысл всей пословицы изменился на противоположный: приза нет, хотя усилий приложено много. В данном контексте – меньший заработок за одинаковую работу.

Еще один трансформ пословицы обнаружен на сайте швейцарского женского гандбольного клуба из Цуга: *Trotz Fleiss — kein "Preis"*¹¹ (досл.: «Несмотря на прилежание – нет приза»). Команда, несмотря на все усилия, проиграла в последней игре года в Херцогенбухзе. Измененная форма пословицы образована при помощи замены первого компонента, предлога *ohne*, на предлог *trotz* (*несмотря*). Замена лишь одного элемента привела к противоположному смыслу: хотя команда трудилась, но не заняла призового места. Слово *Preis* взято автором в кавычки, так как речь идет не о призе как таковом, а о призовом месте.

Такой же трансформ пословицы представлен и на немецком сайте www.experto.de в статье *Lernen Sie die Wirkung von Redewendungen kennen: Ohne Fleiß, kein Preis!*¹² (досл.: Познакомьтесь с действием выражения: Без усердия нет приза!), в которой автор дает советы в разных областях и объясняет, как пословица, которая является жизненным девизом многих людей, влияет на их жизнь. Автор приводит несколько примеров, которые доказывают, что не обязательно жить и работать по принципу, заложенному в народной мудрости. Как, например, те, кто получает социальное пособие, которое в Германии называют *HarzIV*. Ведь известно, что его получают не только те, кто действительно в нем нуждаются, но и большинство мигрантов, которые не так много работают или вообще не работают в Германии: *Trotz Fleiß, kein Preis!* Здесь же автор употребляет еще один трансформ *Großer Preis, ohne Fleiß* (досл.: Большой приз, без прилежания).

Четыре раза пословица обнаружена на просторах немецкоязычного медианпространства в виде трансформа *Ohne Preis kein Fleiß* (дословно: Без приза нет усердия). Субстантивные компоненты пословицы *Preis* и *Fleiß* поменялись местами, и смысл изменился на противоположный: *Без приза нет усердия. В оригинале заложено мудрое изречение, основанное на жизненном опыте: чтобы что-то получить, надо сначала потрудиться, постараться. Однако сама жизнь, изменения в обществе, общественных отношениях вносят коррективы и в языковые средства. И такое высказывание вполне соответствует духу времени: в современном мире жизнь, события проходят в стремительном темпе; человек не хочет долго ждать, чтобы получить за свои усилия вознаграждение. А иногда и вообще не собирается напрягаться, хочет просто иметь «все и сразу», желательно без особых стараний.*

¹¹<https://www.lkz-handball.ch/index.php/beitraege-alle?view=article&id=706&catid=20> (дата обращения: 12.01.2024).

¹²<https://www.experto.de/businessstipps/lernen-sie-die-wirkung-von-redewendungen-kennen-ohne-fleiss-kein-preis.html> (дата обращения: 20.12.2023).

В такой форме переделанная пословица обнаружена на сайте панк-рок-группы из Южного Тироля (Австрия). Более того, она появляется в тексте песни: *Ohne Preis kein Fleiß*¹³. Так ощущая жизнь, человек описывает свое состояние, проявляя при этом креативность. Апеллирование к народной мудрости при этом привлекает внимание, повышает популярность текста песни, создает имидж образованного и имеющего хорошее чувство юмора автора.

В журнале по вопросам сельского хозяйства и экологии «Organic Eprints», который является международным архивом открытого доступа для работ и проектов, связанных с исследованиями в области органической пищи и сельского хозяйства, в статье *Ohne Preis kein Fleiß! Warum Bio teurer ist*¹⁴ (досл.: Без приза нет усердия! Почему биопродукты дороже) речь идет о причинах более высокой цены на биопродукты: их выращивание требует большего труда и бóльших усилий, но причины и необходимость этого вполне объяснимы с точки зрения бизнеса и экономики. Трансформ употребляется в побудительном предложении. Это подчеркивает эмоциональность высказывания и побуждает к действию, в данном случае – осознанию и пониманию правильности изречения.

Два раза в составе трансформа не только субстантивные компоненты поменялись местами друг с другом, но и предложение эксплицировано уточняющими словами и/или словосочетаниями. Оба раза – на сайте Союза немецких дизайнеров в статье *Ohne Preis kein Fleiß – Preisverhandlungen führen*¹⁵ (досл.: Без приза нет усердия – вести переговоры о цене), в которой даются советы, как вести переговоры о цене. Так как к трансформе добавлено уточняющее словосочетание *Preisverhandlungen führen*, уже из названия становится понятно, о чем пойдет речь в статье. Точный и привлекающий внимание заголовок очень важен, так как преимущественно от него зависит, интересна ли тема читателю. Далее в первом подзаголовке пословица появляется в двух формах – в конвенциональной и в виде трансформа с расширением компонентного состава: *Ohne Fleiß kein Preis – aber ohne Preis auch kein Fleiß* (досл.: Без прилежания нет приза – но и без приза также нет усердия). В пословичный трансформ добавлены союз *aber* (но) и наречие *auch* (тоже, также). Такое инверсирование пословичных элементов с расширением компонентного состава в качестве противопоставления первому высказыванию заставляет задуматься над правильностью высказывания.

Еще один трансформ, образованный тремя способами модифицирования: инверсированием субстантивных компонентов, добавлением второй

¹³<https://www.unantastbar.net/index.php?p=songtexte/rebellion/ohnepreiskeinfleiss> (дата обращения: 22.12.2023).

¹⁴<https://orgprints.org/id/eprint/14936/> (дата обращения: 05.12.2023).

¹⁵<https://designerwissen.allianz-deutscher-designer.de/designerwissen/ohne-fleiss-kein-preis-preisverhandlungen-fuehren/> (дата обращения: 25.11.2023).

части, уточняющего словосочетания и вопросительного знака в конце предложения, обнаружен на швейцарском сайте адвокатов в названии статьи о юридических и фактических последствиях приостановки строительства в случае неоплаты работы: *Ohne Preis kein Fleiss – Baustopp bei Zahlungsverzug?*¹⁶ (дословно: Без приза нет усердия – остановка строительства в случае просрочки платежа?). В современном мире часто человеческие, социальные, в том числе и трудовые, отношения подкрепляются юридическими предписаниями, согласно которым работа («прилежание») осуществляется после части ее оплаты («приза»), то есть сначала приз, потом работа. Также модифицированная пословица расширяется словосочетанием, которое указывает на тему статьи – последствия остановки строительства в случае просрочки платежа. И это логично. Было бы странно озаглавить статью просто модифицированной пословицей. Да, это интересное и привлекающее внимание языковое средство, однако читатель, который зашел на адвокатский сайт, явно ищет квалифицированную юридическую помощь в решении конкретной проблемы, поэтому клиенту необходимо найти сразу четкий ответ на свой вопрос. Логичнее было бы озаглавить статью второй частью *Baustopp bei Zahlungsverzug*. Однако такое сухое и четкое название имеет статья в кодексе (гражданском, трудовом и т.д.). Клиент может просто открыть нужную литературу и найти ответ на свой вопрос. Но не каждый человек, даже образованный, хорошо разбирается в юридических тонкостях законодательства, поэтому как к посреднику между собой и законом он обращается к адвокату. И название статьи не просто передает сухую информацию о положении того или иного закона, а максимально приближенно к доступному уровню понимания обычного человека разъясняет юридические последствия действия одной из сторон договора: если заказчик затягивает оплату работы, можно ли ее приостановить? А знак вопроса в конце заголовка подчеркивает, что автор, во-первых, разделяет вместе с читателем озабоченность данной проблемой, во-вторых, как бы приглашает его вместе найти ответ на волнующий вопрос в приведенной ниже статье.

Сформулируем выводы.

1. Основой немецкой пословицы *Ohne Fleiß kein Preis* является тема трудолюбия, старания. Она, как и каждая пословица, является устойчивым предложением. Однако стремительные изменения в современном мире отражаются и в языке. Пословицы меняются вместе с современными тенденциями, удовлетворяя потребность современного общества в новых формах языкового выражения. Приведенные и проанализированные в статье 13 при-

¹⁶<https://www.epartners.ch/pub/ohne-preis-kein-fleiss-baustopp-bei-zahlungsverzug#:~:text=Die%20Rechtsgrundlage%20f%C3%BCr%20die%20Arbeitseinstellung,Zahlung%20eine%20hinreichende%20Sicherheit%20leistet> (дата обращения: 19.12.2023).

меров из обнаруженных 19, которыми представлены семантические изменения пословичного текста, опровергают правильность идеи, заложенной в многовековой мудрости. Четырехкомпонентная пословица модифицируется двумя основными способами: заменой всех ее элементов и изменением коммуникативной направленности. Экспликация пословичного текста приводит к кардинальному изменению его смысла лишь в комбинации с двумя вышеназванными способами модифицирования. Такая преобразованная пословица является экспрессивным языковым средством и привлекает внимание адресата.

2. Модифицированные пословицы – явление более редкое в виртуальном пространстве, чем конвенциональные, но более примечательное и интересное с лингвопрагматической точки зрения. Подробное описание и анализ способов модифицирования немецкой пословицы, а также ее функционирования в контексте виртуальной коммуникации поможет изучающим немецкий язык ближе познакомиться с лингвокультурологическими особенностями пословичного фонда языка, глубже осознать их, а также научиться применять полученные знания на практике.

ЛИТЕРАТУРА

Атабекова А.А. Лингвистический дизайн WEB-страниц: проблемы «коммуникативных неудач» // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах: материалы международной научно-практической конференции «Коммуникация-2002». Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. Ч. 1. С. 148–153.

Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/psychology/text/1916019> (дата обращения: 17.01.2024).

Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб.: Изд. дом «Нева», 2005.

Горошко Е.И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы. 2007. URL: <https://www.textology.ru/article.aspx?aId=76> (дата обращения: 20.01.2024).

Дзялошинский И.М. Интернет в системе медиапространств // Медиа. Информация. Коммуникация. 2015. Т. 13. URL: <https://old.bigenc.ru/psychology/text/1916019> (дата обращения: 17.01.2024).

Жуков В.П., Жуков А.В. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 2006.

Игнатова Е.М., Пивоварова Е.В., Санжарова И.Э. Аспекты патриотического воспитания в преподавании перевода студентам-международникам (на материале текстов политического и медийного дискурса ФРГ) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 8. С. 46–50.

Калашникова И.Н. Употребление пословиц и поговорок в речи современного человека. 2022. URL: <https://nsportal.ru/shkola/russkiy-yazyk/library/2022/05/18/upotreblenie-poslovits-i-pogovorok-v-rechi-sovremennogo> (дата обращения: 20.01.2024).

Павлова Л.В., Романова И.В. Устойчивые лексические комбинации в книжной поэтической «Персональной серии» в свете компьютерного исследования и авторской рефлексии // Известия Смоленского государственного университета. 2021. № 2(54). С. 64–79.

Паремиология без границ: монография / Е.Н. Антонова [и др.]; под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020. URL: https://pure.spbu.ru/ws/portalfiles/portal/53507050/Paremiologija_bez_granic.pdf (дата обращения: 22.01.2024).

Сильницкий А.Г., Дедова Н.А. Анализ структуры семантического пространства образных метафор романа Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» // Известия Смоленского государственного университета. 2021. № 4(56). С. 174–189.

Федорова Н.Н. Современные трансформации русских пословиц: дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2006. 234 с.

Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Bd. 11. Hrsg. von der Dudenredaktion. Dudenverlag. Berlin, 2013. 929 S.

Mieder Wolfgang. Proverbs: F Handbook. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 2004.

A.V. Shitikova

*PhD in Philological Sciences, Doctor, Associate Professor,
Chair of the German language,
Moscow State Institute of International Relations
Moscow, Russia*

Semantically Modified Proverb in the System of German-language Virtual Communication

*The object of study in the article is the German proverb *Ohne Fleiß kein Preis* in the German-language virtual communication system, namely Germany, Austria, Switzerland. The subject of research is the types of semantic modifications of the above sentiment. The purpose of the study is to highlight the features of the functioning of the semantically modified form of the proverb on the information and advertising portals of Germany, Austria, Switzerland. The theoretical part of the article describes the specifics of the linguistic aspect of virtual communication, which replaced the traditional one together with its own language laws and rules; and the role and place of the proverb fund in the new system. In the second part, examples are given, the goals of using the semantically transformed proverb in articles, notes, messages on the sites of the German-speaking Internet space are indicated. The study conducted on the basis of a descriptive method and a selective type of linguistic analysis is based on the concepts, methods and results of modern paremiology and the works of such paremiologists as V.P. Zhukov, V. Mider, H. Walter, V.M. Mokienko. As a result of the analysis, it was concluded that modified proverbs are a rarer phenomenon in virtual space than conventional ones, but more remarkable and interesting from a linguopragmatic point of view. A detailed description and analysis of the methods of modifying the German proverb, as well as its functioning in the context of virtual communication, will help students of the German language to understand more deeply the linguoculturological features of the proverb fund of the language and apply the knowledge gained for successful communication.*

Keywords: *proverb; proverb modifications; semantic transformations; media space; virtual communication; German language; linguopragmatic features.*

REFERENCES

Atabekova A.A. Linguistic design of WEB pages: problems of «communicative failures» [Lingvisticheskij dizajn WEB-stranic: problemy «kommunikativnyh neudach»]. *Materials of the international scientific and practical conference «Communication: theory and practice in various social contexts – Communication-2002»*. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University, 2002. Part 1, pp. 148–153 (in Russian).

Great Russian Encyclopedia [Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija]. Available at: <https://old.bigenc.ru/psychology/text/1916019> (accessed on 17 December 2024) (in Russian).

Val'ter H., Mokienko V.M. Antiproverbs of the Russian people [Antiposlovicyrusskogo naroda]. St. Petersburg: Neva Publishing House, 2005. (in Russian).

Goroshko E.I. Linguistics of the Internet: the formation of a disciplinary paradigm [Lingvistika Interneta: formirovanie disciplinarnoj paradigmy]. 2007. Available at: <https://www.textology.ru/article.aspx?aId=76> (accessed on 20 January 2024) (in Russian).

Dzjaloshinskij I.M. Internet in the media space system [Internet v sisteme mediaprostranstv]. *Media. Information. Communication*, 2015. Vol. 13. Available at: <https://old.bigenc.ru/psychology/text/1916019> (accessed on 17 January 2024) (in Russian).

Zhukov V.P., Zhukov A.V. Russian phraseology [Russkaja frazeologija]. Moscow: Higher School, 2006. (in Russian).

Ignatova E.M., Pivovarova E.V., Sanzharova I.Je. Aspects of patriotic education in teaching translation to international students (based on the texts of the political and media discourse of Germany) [Aspekty patrioticheskogo vospitanija v prepodavanii perevoda studentam-mezhdunarodnikam (na material tekstov politicheskogo i medijnogo diskursa FRG)]. *Modern science: current problems of theory and practice*. Series: Humanities, 2022, no. 8, pp. 46–50 (in Russian).

Kalashnikova I.N. Use of proverbs and sayings in the speech of a modern person [Upotreblenie poslovic i pogovorok v rechi sovremennogo cheloveka]. 2022. Available at: <https://nsportal.ru/shkola/russkiy-yazyk/library/2022/05/18/upotreblenie-poslovits-i-pogovorok-v-rechi-sovremennogo> (accessed on 20 January 2024) (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. Stable lexical combinations in the book poetic «Personal series» in the light of computer research and author's reflection [Ustojchivye leksicheskie kombinacii v knizhnoj poeticheskoj «Personal'noj serii» v svete komp'juternogo issledovanijai avtorskoj refleksii]. *Issues of Smolensk State University*, 2021, no. 2 (54), pp. 64–79 (in Russian).

Paremiology without borders: a monograph [Paremiologija bez granic: monografija]. E.N. Antonova [and others]. Edited by M.A. Bredis, O.V. Lomakina. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia, 2020. Available at: https://pure.spbu.ru/ws/portalfiles/portal/53507050/Paremiologija_bez_granic.pdf (accessed on 22 Januar 2024) (in Russian).

Sil'nickij A.G., Dedova N.A. Analysis of the structure of the semantic space of figurative metaphors of R. Bradbury's novel «451 Degrees Fahrenheit» [Analiz struktury semanticheskogo prostranstva obraznyh metaphor romana R. Brjederberi «451 gradus po Farengajt»]. *Issues of Smolensk State University*. 2021, no. 4 (56), pp. 174–189 (in Russian).

Fedorova N.N. Modern transformations of Russian proverbs [Sovremennye transformacii russkih poslovic]. Dissertation ... candidate of Philological Sciences. Pskov. 2006. (in Russian).

Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Bd. 11. Hrsg. von der Dudenredaktion. Dudenverlag. Berlin. 2013. 929 s. (in German).

Mieder W. Proverbs: F Handbook. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 2004. (in German).

И.В. Пашкова

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
Государственный музей «Смоленская крепость»
Смоленск, Россия*

УДК 930.85

DOI 10.35785/2072-9464-2024-65-1-143-154

СМОЛЕНСК В КНИЖНОЙ ТРАДИЦИИ РОССИИ XVI ВЕКА

Ключевые слова: Смоленск; XVI век; древнерусская литература; Меркурий Смоленский; Ростислав Мстиславич; Василий III; Иван IV Грозный.

В статье рассматривается ряд древнерусских произведений, относящихся к XVI веку, в которых в центре повествования находится Смоленск. На основе косвенных данных автор делает вывод о возможности появления указанных сюжетов на Смоленской земле, вероятно в виде народных преданий, а затем возникновения на их основе литературной версии, зафиксированной в источниках XVI века. Появление подобных сюжетов именно в XVI веке не было случайным. В 1514 году московский князь Василий III присоединил Смоленск к своим владениям. Присоединение древнерусского города с богатой историей и традициями требовало легитимизации. Способом включения Смоленска в этнокультурное пространство Московского государства стала литература.

Основная масса литературных памятников Смоленщины относится к периоду древнерусской государственности, а точнее к XII–XIII векам. Произведения, о которых можно однозначно сказать, что они созданы в Смоленске в XVI веке, нам неизвестны. Однако, привлекая книжную традицию Московского царства, можно выделить ряд сюжетов, которые с высокой долей вероятности бытовали в Смоленске как в виде устного предания, так и в виде книжного произведения.

Русская книжная традиция XVI века характеризовалась развитием полемического жанра, общими чертами литературы являлись ее пышность, величавость, шаблонность и склонность к повторению, также ощущалось возрастание влияния государственного начала. Литература продолжала оставаться церковной, а монастыри по-прежнему были видными центрами книжности. В собрании рукописей монастырей сохранились произведения,

имеющие непосредственное отношение к Смоленску. Их существование в монастырских сборниках XVI века может служить косвенным свидетельством бытования данного сюжета в это время на территории региона, откуда он, вероятно, пошел. До сих пор данные литературные произведения рассматривались разрозненно и разными исследователями, попыток обобщить их не предпринималось.

Самым ярким произведением XVI века, связанным со Смоленском, является «Сказание о Меркурии Смоленском», которое стало одним из самых известных памятников древнерусской литературы [Смоленский край, 1973, 73]. Его изучением занимались такие исследователи, как Ф.И. Буслаев, Л.Т. Белецкий, А.М. Ранчин, М.Б. Плюханова, Н.В. Рамазонова.

Сказание дошло до нас в нескольких вариантах, Ф.И. Буслаев выделил четыре редакции текста. Самая ранняя редакция датируется началом XVI века и, вероятно, могла быть создана в Смоленске. Об этом говорит указание на епископа Варсонофия: «Канон святому Меркурию. Повелением и благословения святого его рукоположения бывает исписана блаженнейшего епископа, того же Смоленска Кир Варсонофия» [Буслаев, 1861, 176]. Варсонофий стал епископом Смоленским в 1509 году, однако после присоединения Смоленска в 1514 году к Московскому царству участвовал в политическом заговоре с целью возвращения города в состав Великого княжества Литовского. Измена была раскрыта смоленским наместником князем Шуйским, а сам Варсонофий лишен сана и заточен в монастыре на Кубенском озере. Таким образом, одна из редакций появилась именно в период с 1509 по 1514 год.

Однако не все исследователи согласны с появлением сказания именно в этот период. Так, М.Б. Плюханова считает, что упоминание о Варсонофии могло быть поздней вставкой, необходимой для придания культуре Меркурия большего исторического веса [Плюханова, 1995, 67]. Смоленск, вероятно, не переживал татарских нападений в XIII веке, поскольку они не зафиксированы ни в одной летописи, кроме как в «Сказании о Меркурии Смоленском». Сам же епископ Варсонофий имел мало мотивов для прославления победы над Батыем, поскольку эта тема больше затрагивала Москву, чем Смоленск.

Сказание, находящееся в Нифонтовском сборнике, М.Б. Плюханова считает самым ранним вариантом. Волоколамский монастырь, в собрание которого входит сборник, являлся видным книжным центром XVI века, откуда вышли многие иерархи Русской православной церкви. Многие известные церковные деятели сами или посредством писца составляли сборники, подбирая литературу постепенно, иногда в течение нескольких лет, затем скрепляя сборник как единое целое и составляя к нему оглавление [Дмитриева, 1974, 204]. Нифонтовский сборник [РНБ, ОР Q.XVII.15, 350–354] мог

быть составлен в 30-е годы XVI века. Его первым владельцем являлся игумен Иосифо-Волоколамского монастыря Нифонт Кормилицын, который завещал после своей смерти сборник монастырю. Это сборник «смешанного содержания» церковных полемических и исторических текстов. М.Б. Плюханова считает, что волоколамские книжники могли сыграть свою роль в формировании данного сказания [Плюханова, 1995, 65].

Сказание также сохранилось в «Минеях четьях», куда оно было включено в XVI веке, под датой 24 ноября. Примечательно, что рассказ о совершенном Меркурием чуде, пока традиция не установилась, помещали на дату 28 июля, но под видом сказания о чуде Смоленской Божьей Матери. Это сказание, практически дословно повторяющее сказание из Нифонтовского сборника, можно прочитать в «Минеях четьях» за ноябрь [РНБ, ОР Сол. 504/523, 382–389], входящих в состав библиотеки другого значительного книжного центра – Соловецкого монастыря. «Минеи четьи» были созданы в конце 1560 – начале 1570-х годов. В одном из исторических сборников Соловецкого монастыря также имеется «главизна» о чудесах, совершенных Богоматерью и Меркурием Смоленским, текст не отличается от Нифонтовского сказания, однако рассказ дошел не полностью, поскольку были утеряны страницы. Сборник датируется XVII веком [РНБ, ОР Сол. 852/962, 372–375].

Самая поздняя версия под названием «Слово о Меркурии Смоленском» представлена единственным списком XVII века [Библиотека литературы Древней Руси, 1997, 164–167]. Его отличает от сказания расхождение в деталях, хотя общий сюжет передан верно. Значительные расхождения дают основания считать «Слово» самостоятельным литературным произведением, составленным по одному сюжету. Наличие отсылок к фольклору позволило Ф.И. Буслаеву сделать вывод, что этот вариант сказания является наиболее древним и восходит к некой народной легенде, сложенной в Смоленске, но не дошедшей до наших дней. Он считал, что существовал некий поэтический текст, который возник в народе как попытка объяснить чудесное спасение Смоленска во времена монголо-татарского нашествия в XIII веке. Из народной среды легенда проникла в духовный стих, а затем в лирические песнопения и книжные прославления.

Однако версию о раннем происхождении сказания, как и «Слова», оспаривает М.Б. Плюханова. Исследователь считает, что данный сюжет был придуман московскими книжниками с политическими целями: «Составление сказания о чуде Богоматери Смоленской и подвиге воина Меркурия могло быть церковной и политической акцией, закрепляющей победу в Смоленске, родственной и современной таким акциям, как строительство собора Смоленской Божьей Матери в Москве, в Новодевичьем монастыре, начатое вскоре после победы...» [Плюханова, 1995, 64]. Ряд деталей, о ко-

торых будет сказано ниже, действительно, заставляет предположить искусственное, а не народное происхождение «Сказания о Меркурии Смоленском». Автор сказания, без сомнения, являлся знатоком древнерусской и церковной литературы. Однако политический мотив создания сказания о чуде спасения Смоленска говорит о том, что текст должен был быть адресован прежде всего самому «спасаемому» городу. То, что сказание дошло до нас в составе разных сборников, как и поздний текст «Слова» XVII века, написанного под влиянием местной народной традиции, свидетельствует о существовании сказания о Меркурии в XVI веке в самом Смоленске.

Полное название произведения в Нифонтовском сборнике выглядит следующим образом: «Главизна изъявляется от чудес дивнейшей заступницы нашей, и великую ей мать святую и бывшую и бывающую тогда и ныне на граде нашем неисчетно. От госпожи владычицы нашей Богородицы, и матери бога нашего. И память сказуется тоя славная угодника ея святого Меркурия иже есть гроб его в Смоленске граде нашем, о бывших от него чудес» [РНБ, ОР Q.XVII.15, 350]. Как видно из заголовка, речь идет о чуде, которое совершили двое – Богородица и Меркурий. Текст самого произведения содержит пышное прославление Богородицы, которая именуется заступницей и защитницей Смоленска. Упоминание о городе уже в заголовке не позволяет перенести события в другое место.

На первый план в литературной версии сказания о Меркурии Смоленском выдвигается идея о всеобщем зле, что поразило русскую землю, – нашествии «безбожного царя Батыя». На протяжении первых страниц идет описание горя, которое постигло русскую землю в связи с нашествием татар: «разорение градское», «злое пленение», «оскудение и опустение люто», «великое пленение от злых оных варвар», «православным людям тяжкое иго» [РНБ. ОР Сол. 852/962, 373]. Монголо-татар автор уподобляет «лютейшему нахождению злых варвар попущением Божиим на всю страны христианских приде» [РНБ, ОР Сол. 852/962, 373]. В данной части проявляется высокая художественность произведения. Русская земля сравнивается с матерью, видящей страдания своих детей: «Тогда бо земля восплака, якож некая чадолюбивая мати зрящу оную беду» [РНБ, ОР Q.XVII.15, 350 об.]. Зло, творимое «варварами», велико, автор рассказывает, что многие из православных сами себя «порезаху и смерть приимаху, дабы не осквернити от поганых». Плач земли переходит в молитву: «Боже ... презри безаконие людей сих, и помилуй милостью, и утоли праведный гнев свой» [РНБ. ОР Q.XVII.15, 351]. Ф.И. Буслаев считал несомненным достоинством сказания высокую поэтичность текста, которая восходит не только к народным памятникам литературы, но и к книжным произведениям антиордынского цикла: «Если народная редакция смоленской легенды переносит нас к доисторической эпохе народного эпоса, и если Печенеги, упоминаемые в похвалях, указывают на следы древнейших поэтических преданий; то плачь

русской земли о гибели православных есть один из драгоценнейших памятников русской поэзии темных времен татарщины» [Буслаев, 1861, 182].

Спасителем города становится воин Меркурий, которого призывает к себе Богородица. В двух версиях сказания – XVI и XVII веков – читатель узнает разные подробности личности Меркурия. В поздней версии сказано, что Меркурий был благочестивым юношей, «постом и молитвою сияя, бо яко звезда богоявленна посреде всего мира» [Библиотека литературы Древней Руси, 1997, 164]. Ранняя версия более подробна. Меркурий назван «от рода славна, ... княжскаго, бе бо родиною земля римская». Веры он был греческой: «...бе бо святяты веры греческия и благочестия великия поборник, и ревнитель истины». В юном возрасте приехал на службу к «самодержцу того града Смоленска» [РНБ, ОР Q.XVII.15, 352 об.].

Рассказ о подвиге, которого требует от него Богородица, дополнен упоминанием о чуде, совершенном Меркурием Кесарийским. Символично, что день памяти двух Меркуриев приходится на один и тот же день – 24 ноября. После того как Меркурий победил вражеское войско и исполина, он стал молить послать ему мученическую смерть. Тогда «пришед един варварин лют» и убил Меркурия отсечением головы. Меркурий, взяв голову, пришел в город, чтобы рассказать о заступлении Богородицы за Смоленск, тело его положили в церковь. Меркурий явился пономарю церкви и сказал, чтобы взяли «оружие мое, копье и щит, над гробом моим». И когда «будеи кое притужение ко граду», тогда горожане должны славить Бога, Богоматерь и его смиренного раба Меркурия, «да подаст бог победу от оружия сего, и враги града их посрамит» [РНБ, ОР Q.XVII.15, 354].

Параллелей в житии двух Меркуриев чрезвычайно много. Оба являются воинами (в тексте сказания подчеркивается, что Меркурий предстает перед пономарем «в воинском подобии»), сражаются с «варварами», выступают защитниками христианства, оба приняли смерть через обезглавливание. Меркурий Кесарийский совершил подвиг, убив гонителя христианства Юлиана Отступника уже после своей смерти. Меркурий Смоленский был призван на подвиг при жизни, однако в тексте «Слова» есть фрагмент о перенесении тела святого Меркурия от городских ворот в церковь: «Пречистая Богородица в полу свою честно тело святаго, и принесше во свою соборную церковь и положи на месте своем во гробе, идеже есть и до ныне» [Библиотека литературы Древней Руси, 1997, 166]. Указание на «свое место» говорит о наличии гробницы святого в соборе, что больше характерно для посмертного чуда. Кроме того, как уже отмечалось, поминовение Меркурия Кесарийского и Меркурия Смоленского совершается в один и тот же день – 24 ноября. Таким образом, влияние культа Меркурия Кесарийского на складывание сказания о Меркурии Смоленском несомненно.

Наличие указаний, относящихся к топографии Смоленска, позволяет предположить их более позднее включение в состав «Слова о Меркурии Смоленском», поскольку текст сказания по Нифонтовскому сборнику не содержит таких точных деталей. Точнее, там таких деталей только две: события происходят в Смоленске, а также называется место сражения с полчищами монголо-татар – у Долгого моста. В «Слове» намного больше местных деталей: Меркурий часто ходил молиться за жителей Петровского конца («Петровского ста»), царь Батый стал от города «в тридцати поприщах», в городе есть соборный храм Богородицы, Богородица явилась пономарю Печерского монастыря у Днепра за городом, Меркурий дошел после отсечения головы до Мологинских ворот (вероятно, искаженное «Молоховские ворота»). Стоит отметить, что употребляемые местные топонимы имеют позднее происхождение. Молоховские ворота появляются только в каменной крепости рубежа XVI–XVII веков, в то время как старые южные крепостные ворота именовались, по мнению Н.В. Сапожникова, Духовскими [Сапожников, 1991, 57].

Таким образом, сказание о Меркурии Смоленском складывается под влиянием политических мотивов, распространяется в Смоленске, где постепенно обогащается местными деталями, позволяющими рассказу выглядеть более живым. Создание сказания произошло под влиянием культа Меркурия Смоленского и вошло в общий антиордынский цикл древнерусских произведений.

В состав Нифонтовского сборника XVI века также вошла повесть «О великом князе Мстиславле Смоленском и о церкви», в котором рассказывается об учреждении епископии в Смоленске князем Ростиславом «сыне Мстиславль, внуок Володимир» в XII веке [РНБ, ОР Q.XVII.15, 505]. Таким образом, в оглавление сборника вкралась ошибка, допущенная переписчиком из-за невнимательного прочтения первых строк текста, где действительно упоминается князь Мстислав.

В основе повести лежит подлинный исторический факт, вошедший в летописные сообщения и подтверждаемый комплексом учредительных грамот о церковном устройстве [Щапов, 1972, 144]. Князь Ростислав был смоленским князем в период с 1127 года по 1160 год, затем занял княжеский престол в Киеве. В 1136 году Смоленск вышел из подчинения епископу Переяславля, была образована самостоятельная епархия во главе с епископом Мануилом. В самом тексте повести содержится подтверждение данного исторического факта. В частности, упоминается, что, начав княжить в Смоленске, князь «виде смолинскую церковь сущую под Переясловлем и негодова», «здума с бояры своими и с людьми»... «постави епископа и церковь святой богородицы» [РНБ, ОР Q.XVII.15, 505]. При князе Ростиславе были закончены строительные работы в Успенском соборе Смоленска.

Само произведение представляет собой похвалу князю, которая была составлена в церковных кругах [Сумникова, 1973, 136]. Как указывают ис-

следователи повести о великом князе Ростиславе Мстиславиче (И.И. Орловский, М.К. Каргер, Я.Н. Щапов, Т.А. Сумникова), она, по всей видимости, является оригиналом, составленным в середине – второй половине XII века [Орловский, 1909, 211; Щапов 1974, 47; Сумникова, 1973, 128]. Рассказ об учреждении смоленской епископии мог заинтересовать составителя Нифонтовского сборника как событие, которое прославляло древность православия на Русской земле. Стоит учитывать и то, что интерес к Смоленску после его присоединения к Московскому царству в 1514 году Василием III был достаточно велик, чтобы включить произведения древнерусского периода в свой перечень актуальной литературы.

Как указывает Я.Н. Щапов, несмотря на то что Ростислав не был официально канонизирован в XVI веке, несомненно, в народе его почитали как святого [Щапов, 1974, 54]. Существование текста повести о князе в XVI веке и его включение в «Книгу о российских святых» XVII века свидетельствует о признании заслуг князя перед церковью. Такое почитание могло идти только с той территории, на которой оно было создано, – из Смоленска.

Еще один смоленский сюжет был включен в состав «Великих Миней Четых» митрополита Макария – сюжет о чудесном прозрении в смоленском Борисоглебском монастыре на Смядыни ослепленных племянников Всеволода Большое Гнездо. Сами события относятся к XII веку. Н.И. Милютенко исследовала дошедшие тексты сказания и пришла к выводу, что рассказ о прозрении Ростиславичей был записан в Смоленске в Борисоглебском монастыре между 1178–1191 годами (по другой версии, уже после 1191 года [Кузнецов, 2008, 33]), долгое время рассказ о произошедшем чуде бытовал только в Смоленске, не покидая границ земли [Милютенко, 1993, 128]. Только в начале XVI века сказание о прозрении князей вошло в общерусскую литературу, что снова было связано с включением Смоленска в состав Московского царства. Позже, уже в первой половине XVII века, рассказ о прозрении попал в Киев, где была создана еще одна версия произведения. Рассказ о прозрении неразрывно связан с культом Бориса и Глеба, который был высоко развит на Смоленской земле.

Еще одно литературное произведение тематически связано с XVI веком, хотя создано было, по мнению исследователей, уже позднее. Речь идет о повести о взятии Смоленска Иваном Грозным. Данное произведение имеет несколько списков, самый ранний из них датируется концом первой половины – серединой XVII века. Тексты повести были опубликованы М.А. Салминой в сборнике трудов отдела древнерусской литературы [Салмина, 1969, 192–195]. Повесть передает легендарный рассказ о том, как Иван Грозный три года стоял под Смоленском. К нему прибыл посланник от тверского епископа Евфимия с благословением и с замком и ключом, которые передал со словами: «Замыкай тем замком и отмыкай ключом Смоленск-град». Иван Грозный разозлился на те слова, посчитав их насмешкой, приказал доставить к нему епископа. Через три дня осажденные смоляне

«здалися царю гладные ради великие нужы». Приехавшего епископа Иван IV одарил и отпустил.

События в повести имеют легендарный характер, поскольку походов Ивана Грозного под Смоленск не было. В списках указаны разные даты: 7063, 7101, 7084, 7095 годы. По мнению М.А. Салминой, повесть написана в 20–30-е годы XVII века, когда Смоленск «становится ареной борьбы Русского государства с польским королем Сигизмундом III» [Салмина, 1969, 193]. Вероятнее всего, повесть была написана до начала Смоленской войны 1632–1634 годов или же в самый начальный период военных действий.

Несмотря на позднее время создания, в повести присутствуют отсылки к событиям XVI века (взятие Смоленска войсками Василия III) и начала XVII века (взятие города Сигизмундом III). Прежде всего, дата, указанная в самой ранней версии повести («месяца июля в 29 день на память святого мученика Калиника»), близка к дате взятия Смоленска московским князем Василием III в 1514 году. По разным источникам, смоляне сдались 30 или 31 июля [Лобин, 2015, 21]. Указанные автором три года являются отсылкой к трем походам, которые совершил князь Василий, прежде чем захватил город. Интересно также упоминание о наличии в городе крепких деревянных укреплений: «Занеже крепок град древяной бысть и острог. Не домысляше, како – приступом или подкопы – взят» [Салмина, 1969, 194]. Таким образом, автор повести обращался к ранним источникам, описывавшим Смоленскую крепость в начале XVI века и ее осаду. То, что главным героем повести является Иван IV, а не Василий III, также объяснимо. Как указывает М.А. Салмина, в иностранных сочинениях о России XVI века военные походы Василия позднее приписывались его сыну. Возможно, таким образом фиксировались существовавшие устные городские рассказы о правителях Московского царства.

В тексте присутствует упоминание о Спасской церкви, которой выстрелом из пушки сорвало маковицу и «едва в шатре царя маковицей и не убило». Разгневанный царь приказал не служить в той церкви «до скончания». Спасская церковь в Смоленске впервые упоминается в документах в XIV веке в связи с венчанием сына тверского князя Михаила в Смоленске на Спасской горе (старая деревня Чернушки на западе от крепостной стены). Уже в начале XVI века в Смоленске на этом месте стоял Спасский монастырь. Монастырь просуществовал до начала XVII века. В период осады города польскими войсками под командованием Сигизмунда III (1609–1611) в Спасском монастыре размещались войска гетмана Льва Сапеги, с крепости по монастырю велся сильный огонь, что привело к большим повреждениям монастыря [Трофимовский, 1864, 219]. Спасский монастырь не был восстановлен. Автор знал о разрушении Спасского монастыря в результате осады города, однако отнес это событие на столетие раньше.

Главным событием повести становится прибытие посланника от епископа Евфимия с замком и ключами к Ивану Грозному. В период жизни князей Василия и Ивана тверских епископов с таким именем не было, зато с 1623 по 1641 год на тверской кафедре был епископ Евфимий. Почему именно тверской епископ помогает взять Смоленск, остается непонятым. Его подарок – замок и ключ, сильные символические предметы. Эти предметы широко применялись в народной среде как ритуальные. Замок использовали в похоронной обрядности, «закрывая» смерть, чтобы она не возвращалась в дом. Давней является также традиция закрывать замок во время свадебного ритуала. Заговоры и заклинания часто заканчивались закрепками, в которых фигурирует образ замка и ключа: «Всем моим словам ключ и замок» [Шушарина, 2005, 140]. По слову тверского епископа власть над Смоленском передается царю – заместнику Бога на земле. Однако «замок» можно трактовать шире, не только как сам Смоленск, но и как западную границу, и как власть над всей Русской землей и ее населением. Ключ в библейской традиции является символом власти и силы. Принятие ключа символизирует принятие на себя ответственности за все царство. В наивысшей символической форме ключ предстает как символ / способ открытия Царства Небесного, и данная задача возлагается на церковь [Райкен, 2005, 470]. Не случайно именно церковь в лице тверского епископа передает ключ от города русскому царю: тем самым автор высказывает мысль о том, что светская власть освящается властью духовной, а без помощи церкви царская власть немногое добьется. Повесть о взятии Смоленска создается в условиях сильной власти патриарха Филарета, который именуется «великим государем» и является официальным соправителем своего сына царя Михаила Федоровича.

Таким образом, повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным могла быть основана на существовавшем народном предании, в которое были вплетены фольклорные сюжеты и демонстрация политической доктрины первых десятилетий правления Романовых. Повесть могла появиться в связи с подготовкой Москвы к Смоленской войне (1632–1634), главным инициатором которой выступал патриарх Филарет. Автор стремился напомнить об успешном опыте взятия Смоленска XVI века, но вложил в повествование уже современные ему смыслы.

Рассматривая произведения, дошедшие в сборниках XVI века, можно сделать вывод, что их появление и распространение было связано с политической задачей – включением Смоленска в этнокультурное пространство Московского государства, созданием культурной идентичности смолян как части большого православного мира, центр которого находился в Москве. Этой цели служили составленное, по всей вероятности, в начале XVI века сказание о Меркурии Смоленском, а также произведения XII века – повести о князе Ростиславе Мстиславиче и о чудесном прозрении князей Ростиславичей, которым был дан новый актуальный характер. Читатели данных произведений видели

Смоленск как природную часть Московского государства, а смолян как подвижников Русской православной церкви и защитников Русской земли. Эту тенденцию продолжила литература XVII века с созданием повести о взятии Смоленска Иваном Грозным. Обращаясь к событиям начала XVI века, автор произведения вплетает в него уже новые смыслы.

ЛИТЕРАТУРА

Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1861. Т. 2. 553 с.

Дмитриева Р.П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 28. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. С. 202–230.

Кузнецов А.А. О происхождении даты «прозрения» Мстислава и Ярополка Ростиславичей в русском летописании // Вестник Удмуртского университета. 2008. № 2. С. 33–46.

Лобин А.Н. Взятие Смоленска и битва под Оршей 1514 г. М.: Фонд «Русские витязи», 2015. 56 с.

Милютенко Н.И. Рассказ о прозрении Ростиславичей на Смядыни (к истории Смоленской литературы XII в.) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 48. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. С. 121–128.

Орловский И.И. Борисоглебский монастырь на Смядыни и раскопки его развалин // Смоленская старина. 1909. Вып. 1. С. 211–212.

Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995. 334 с. РНБ. ОР Q.XVII.15.

РНБ. ОР Сол. 504/523.

РНБ. ОР Сол. 852/962.

Салмина Т.А. Древнерусская повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 24. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. С. 192–195.

Сапожников Н.В. Оборонительные сооружения Смоленска (до постройки крепости 1596–1602 гг.) // Смоленск и Гнездово. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 50–79.

Словарь библейских образов: справочник / под общ. ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Т. Лонгмана. СПб.: Библия для всех, 2005. 1423 с.

Слово о Меркурии Смоленском // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5 / под ред. Д.С. Лихачева [и др.]. СПб.: Наука, 1997. С. 164–167.

Смоленский край в истории русской культуры: сборник / под ред. Я.Р. Кошелева. Смоленск, 1973. 125 с.

Сумникова Т.А. «Повесть о великом князе Ростиславе Мстиславиче Смоленском и о церкви» в кругу других смоленских источников XII в. // Восточнославянские языки: Источники для их изучения. М., 1973. С. 128–146.

Трофимовский Н.В. Историко-статистическое описание Смоленской епархии. СПб., 1864. 384 с.

Шушарина И.А. Языческие образы и их языковое воплощение в заговорных словах // Вестник Курганского государственного университета. 2005. № 3(3). С. 138–142.

Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М.: Наука, 1972. 338 с.

Щапов Я.Н. Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в. // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. Т. 28. С. 47–59.

I.V. Pashkova

Postgraduate Student,
St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia;
Methodologist,
State Museum «Smolensk Fortress»
Smolensk, Russia

Smolensk in the Book Tradition of Russia of the XVI Century

The article examines a number of ancient Russian works dating back to the XVI century, in which Smolensk is at the center of the narrative. On the basis of indirect data, the author concludes about the possibility of the appearance of these plots on the Smolensk land, possibly in the form of folk legends, and then the emergence of a literary version based on them, recorded in the sources of the XVI century. The appearance of these plots in the XVI century was not accidental. In 1514, Prince Vasily III of Moscow annexed Smolensk to his possessions. The annexation of an ancient Russian city with a rich history and tradition required legitimization. Literature has become a way of including Smolensk in the ethno-cultural space of the Moscow state.

Keywords: *Smolensk XVI century; Old Russian literature; Mercury Smolensky; Rostislav Mstislavich; Vasily III; Ivan IV the Terrible.*

REFERENCES

- Electronic library of manuscripts. OP Q.XVII.15 L. 350–354 (in Russian).
Electronic library of manuscripts. OR Sol. 504/523. L. 382–389 (in Russian).
Electronic library of manuscripts. OR Sol. 852/962. L. 372–375 (in Russian).
Buslaev F.I. Historical essays of Russian folk literature and art [Istoricheskie ocherki russkoi narodnoi slovesnosti i iskusstva]. Vol. 2. St. Petersburg: D.E. Kozhanchikov, 1861. 553 p. (in Russian).
Dmitrieva R.P. Volokolamsk chetye collections of the XVI century [Volokolamskie chet'i sborniki XVI v.]. *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. Vol. 28. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch, 1974, pp. 202–230 (in Russian).
Kuznetsov A.A. On the origin of the date of «epiphany» Mstislav and Yaropolk Rostislavich in the Russian chronicle [O proiskhozhdenii daty «prozreniia» Mstislava i Iaropolka Rostislavichei v russkom letopisanii]. *Issues of Udmurtsk University*, 2008, no. 2, pp. 33–46 (in Russian).
Lobin A.N. The capture of Smolensk and the Battle of Orsha in 1514 [Vzятие Smolenska i bitva pod Orshei 1514 g.]. Moscow: Fond «Russkie vitiazi», 2015. 56 p. (in Russian).
Milyutenko N.I. A story about the epiphany of the Rostislavichs in Smyadyn (to the history of Smolensk literature of the XII century) [Rasskaz o prozrenii Rostislavichei na Smiadyni (k istorii Smolenskoi literatury XII v.)]. *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. Vol. 48. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1993, pp. 121–128 (in Russian).
Orlovsky I.I. Borisoglebsky Monastery in Smyadyn and excavations of its ruins [Borisoglebskii monastyr' na Smiadyni i raskopki ego razvalin]. *Smolensk antiquity*. Issue 1. 1909, pp. 211–212 (in Russian).
Plyukhanova M.B. Plots and symbols of the Moscow Kingdom [Siuzhety i simvoly Moskovskogo tsarstva]. St. Petersburg: Acropolis, 1995. 334 p. (in Russian).

Salmina T.A. The Old Russian tale of the capture of Smolensk by Ivan the Terrible [Drevnerusskaia povest' o vziatii Smolenska Ivanom Grozным]. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Vol. 24. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch, 1969, pp. 192–195 (in Russian).

Sapozhnikov N.V. Defensive structures of Smolensk (before the fortress was built in 1596–1602) [Oboronitel'nye sooruzheniia Smolenska (do postroiki kreposti 1596–1602 gg.)]. *Smolensk and Gnezdovo*. Moscow: Moscow State University, 1991, pp. 50–79 (in Russian).

Dictionary of Biblical images: handbook [Slovar' bibleiskikh obrazov: spravochnik]. Under general editorship of L. Raiken, J. Wilhoit, T. Longman. St. Petersburg: Bible for All, 2005. 1423 p. (in Russian).

The Word about Mercury Smolensky [Slovo o Merkurii Smolenskom]. *Library of Literature of Ancient Russia*. Vol. 5. Edited by D.S. Likhachev [and others]. St. Petersburg: Nauka, 1997, pp. 164–167 (in Russian).

Smolensk region in the history of Russian culture: collection [Smolenskii kraj v istorii russkoi kul'tury: sbornik]. Edited by Ya.R. Koshelev. Smolensk: Smolensk State Pedagogical Institute named after Karl Marx. 1973. 125 p. (in Russian).

Sumnikova T.A. «The tale of the Grand Duke Rostislav Mstislavich of Smolensk and about the Church» in the circle of other Smolensk sources of the XII century [«Povest' o velikom kniaze Rostislave Mstislaviche Smolenskom i o tserkvi» v krugu drugikh smolenskikh istochnikov XII v.]. *East Slavic languages: Sources for studying them*. Moscow, 1973, pp. 128–146 (in Russian).

Trofimovsky N.V. Historical and statistical description of the Smolensk diocese [Istoriko-statisticheskoe opisanie Smolenskoj eparkhii]. St. Petersburg, 1864. 384 p. (in Russian).

Shusharina I.A. Pagan images and their linguistic embodiment in spoken words [Iazycheskie obrazy i ikh iazykovoe voploshchenie v zagovornyykh slovakh]. *Issues of Kurgan State University*, 2005, no. 3 (3), pp. 138–142 (in Russian).

Shchapov Ya.N. Princely charters and the Church in Ancient Russia of the XI—XIV centuries [Kniazheskie ustavy i tserkov' v Drevnei Rusi XI—XIV vv.]. Moscow: Nauka, 1972. 338 p. (in Russian).

Shchapov Ya.N. Praise to Prince Rostislav Mstislavich as a monument of literature of Smolensk of the XII century [Pokhvala kniazium Rostislavu Mstislavichu kak pamiatnik literatury Smolenska XII v.]. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch, 1974. Vol. 28, pp. 47–59 (in Russian).

Е.Д. Беспалёнок

*Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия*

УДК 93/94 История

DOI 10.35785/2072-9464-2024-65-1-154-167

**ВЯЗЕМСКИЙ КУПЕЦ САВВА ТИМОФЕЕВ СЫН АЛТУХОВ:
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И МОТИВАЦИИ
ХРАМОСТРОИТЕЛЯ XVIII ВЕКА**

Ключевые слова: *купечество; купеческая элита; храмостроительство; кумовство; межличностное общение; мотивация.*

В этой статье рассматривается малоизученная проблема купеческого храмостроительства в провинциальном российском городе XVIII века на примере Вязьмы. Автором применены антропологический, системный и

критический подходы. В XVIII веке пожертвования на строительство храмов стали характерной чертой повседневной жизни верхушки купеческого сословия. В центре исследования – история вяземского купца-храмостроителя С.Т. Алтухова. На примере этого купца показано, какие проблемы может встретить историк в процессе исследования. Критический подход к данным публикаций XIX века позволил сделать более правдоподобное предположение относительно даты строительства вяземского храма, на которое пожертвовал свои капиталы купец Алтухов. Идентификация личности купца, определение приблизительной даты его рождения, состав семьи купца исследованы на основе комплексного изучения материалов первой и второй ревизий, а также метрических книг. Проблема мотивации храмостроительной деятельности купца С.Т. Алтухова рассмотрена на основе исследования архивных документов фонда Главного магистрата. При работе над статьей использованы фонды Российского государственного архива древних актов и Государственного архива Смоленской области. Статья развивает тему работ о вяземских купцах-храмостроителях XVIII века, опубликованных автором ранее.

Во второй половине XVIII века купеческое сословие в России вступило в период зрелости. Признаками этого были не только развивавшееся предпринимательство и общественная активность российского купечества. Характерной чертой повседневной жизни его верхушки стало участие в благотворительности, а также щедрые пожертвования на строительство храмов.

В начале 2000-х годов российские ученые, прежде всего Н.В. Козлова и А.В. Семенова, обратили внимание на развитие у русских купцов традиции благотворительности и храмостроительства как отражения православного менталитета [Козлова, 2002; Семенова, 2000, 434].

Автор этой статьи посвятил проблеме купеческого храмостроительства монографию, а также ряд статей, центральной проблемой которых стало выявление мотивов, побуждавших купцов к пожертвованиям на строительство храмов в городах Смоленске и Вязьме [Беспалёнок, 2010; 2018; 2022]. Данная статья продолжает исследование на материалах Вязьмы XVIII века.

Цель исследования, представленного в статье, – уточнить факт участия в храмостроительстве типичного представителя вяземской купеческой элиты С.Т. Алтухова, а также попытаться объяснить обнаруженные в литературе противоречия. Однако важно не только уточнить сведения, относящиеся к участию купца в храмостроительстве, но и выявить наиболее вероятные мотивы, подтолкнувшие его к этой деятельности. Существенную роль в этом исследовании играет изучение истории купеческой династии, из которой происходил купец-храмостроитель С.Т. Алтухов, а также истории создания купеческих капиталов как важного фактора участия купца в храмостроительстве.

Важным аспектом изучения истории купеческого храмостроительства является проблема идентификации купцов, построивших храмы в

XVIII веке. Это связано с отсутствием в большинстве случаев первичных источников, позволяющих установить имя купца, пожертвовавшего деньги на строительство храма. В фондах Государственного архива Смоленской области (ГАСО) такие документы встречаются крайне редко, прежде всего из-за частичной утраты архивных фондов, иногда весьма ощутимой.

Еще одной проблемой, затрудняющей исследование, является то обстоятельство, что литература XIX века о храмостроителях имеет определенные недостатки, не позволяющие полностью доверять ее авторам. Эта проблема была рассмотрена в статье о труде И.П. Сперанского о смоленских благотворителях, в том числе о храмостроителях. В частности, отмечалось отсутствие сведений о строительстве некоторых церквей, неверное написание фамилий жертвователей, ошибочное указание даты постройки церкви [Беспалёнок, 2016, 71, 72]. Подобные недостатки имеются в публикациях и других авторов, что будет показано в этой статье.

Выявить более точные сведения о постройке храмов и купцах, пожертвовавших на это свои капиталы, позволяет комплексное изучение различных архивных источников и опубликованных документов, правда, довольно редких. Источники XVII века, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), дают возможность получить сведения о предках купца-храмостроителя Саввы Алтухова. В приходо-расходных книгах Вяземской таможни содержатся многочисленные сведения о деде этого купца. О других предках купца имеются данные в опубликованных вяземских писцовых книгах князя И.Ф. Волконского. О занятиях отца С.Т. Алтухова в XVIII веке есть записи в материалах первой ревизии. Информация об успешной предпринимательской деятельности самого Саввы Алтухова содержится в Ведомости Вяземского магистрата 1764 года. Таким образом, поиск сведений об истории купеческих капиталов, давших купцу возможность сделать щедрое пожертвование на храмостроительство, не встречает затруднений.

Сложнее оказалось выявить факты, которые имеют отношение к личности купца, к обстоятельствам, которые были связаны с его участием в храмостроительстве. Если разные исследователи истории пожертвований на строительство храмов называли одни и те же фамилию, имя и отчество, то это не обязательно может означать, что личность храмостроителя определена точно. В документах нередко встречаются не только однофамильцы, но и тезки одновременно. Для данного исследования актуально изучение материалов первой и второй ревизий, в которых указывался состав мужской части семей податного населения. Эти материалы хранятся в РГАДА. Они позволяют сформировать представление, хотя и неполное, о семье купца. Однако сведения о возрасте людей в ревизских сказках, составление которых растягивалось на несколько лет, обычно неверные.

Наиболее достоверные источники, позволяющие определить годы жизни, возраст купца, время рождения и смерти, – это метрические книги. Однако дату рождения купца определить по ним, как правило, невозможно. Метрические книги должны были составляться в церквях с начала 20-х годов XVIII века, но самые ранние сохранившиеся документы данного вида датируются 40-ми годами этого столетия. Правда, в Вязьме самые ранние такие документы датируются главным образом 60-ми годами XVIII века. Эти источники хранятся в ГАСО. В рубрике «О умирающих» метрических книг содержатся точные даты смерти купца с указанием его возраста, что позволяет приблизительно определить год его рождения, а также его возраст во время строительства храма. Даты смерти родных и близких могут указывать на возможные мотивы пожертвований на строительство храма. Метрические книги содержат весьма полные сведения об участии купцов в крещении новорожденных, а это дает возможность установить круг людей, с которыми купцы и члены их семей сблизались через кумовство. Если купец тесно общался с уважаемым в городе купцом-храможителем, то естественно предположить, что на него могло быть оказано влияние в плане формирования мотивации к участию в храможителе.

О возможных мотивах, приведших купца к храможителю, могут свидетельствовать и факты, содержащиеся в судебных делах фонда Главного магистрата РГАДА. Другие документы этого фонда могут содержать информацию о месте, занимаемом купцом-храможителем в городском сообществе, об уважении к нему сограждан.

Авторы публикаций XIX века называли вяземского купца Савву Тимофеева сына Алтухова (Алтохова) строителем каменного придела во имя святителя Дмитрия Ростовского к церкви Сошествия Святого Духа. В Ведомости Вяземского духовного правления 1774 года о церквях города Вязьмы и уезда содержалась следующая запись: «10. Церковь Сошествия Святого Духа, трехпрестольная, из коих настоящий храм во имя Сошествия Святого Духа, да в приделах – Казанския Пресвятыя Богородицы и вторая – во имя Святителя Дмитрия, Митрополита Ростовскаго, каменнаго здания. Она церковь с приделом построена тоя церкви приходскими людьми в прошлом 1700 году, а вторая (придельная) ктиторм Вяземским купцом Саввою Тимофеевым сыном Алтоховым в 1722 году» [Ведомость учиненная Вяземским Духовным правлением, 1872, 349]. Дата строительства придела вызывает сомнения, однако ее повторили в своих публикациях исследователи конца XIX века.

А.В. Санковский писал: «Духовская церковь. Настоящий храм в честь Сошествия Св. Духа построен в 1700 году прихожанами, а верхний – во имя свят. Дмитрия Ростовскаго – в 1722 году купцом Алтоховым» [Санковский, 1898, 155]. Вслед за ним И.П. Сперанский повторял: «Г. Вязьма, 1722 – Каменный придел во имя святителя Дмитрия Ростовского к церкви Сошествия Свя-

того Духа, построенной прихожанами в 1700 г. Вяземский купец Савва Тимофеевич Алтухов пристроил» [Сперанский, 1899, 678]. При этом авторы не обратили внимания на то, что святитель Дмитрий Ростовский был канонизирован в 1757 году [Житие Дмитрия Ростовского], следовательно, в 1722 году освящение придела во имя его вряд ли было возможным.

В результате исследования материалов первой и второй ревизий, а также метрических книг вяземских церквей и других источников был найден только один Савва Тимофеев сын Алтухов, проживавший в Вязьме в XVIII веке. Первое упоминание о нем содержится в ревизских сказках 1748 года. Здесь называются Тимофей Петров сын Алтухов 51 года и его дети – Савва 27 лет и Савва Меншой 25 лет [РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 776, 39]. Как было отмечено, ревизские сказки в силу специфики их составления не позволяют точно определить год рождения человека. Для этого больше подходят метрические книги.

В метрической книге Вяземской церкви Сошествия Святого Духа имеется запись, датированная 28 февраля 1778 года: «Купец Савва Тимофеев сын Алтухов был одержим обложною болезнию. Умре с покаянием. Отроду ему было 61 [год]» [ГАСО, ф. 48, оп. 1 (ОЦ), д. 221, 61 об.]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что С.Т. Алтухов родился в 1716 или 1717 году. Тот факт, что купца С.Т. Алтухова отпевали в церкви Сошествия Святого Духа, уже сам по себе свидетельствует о возможной причастности этого купца к строительству придела к храму. Тем более что С.Т. Алтухов происходил из зажиточной купеческой семьи, уважаемой в Вязьме, сам обладал достаточно большими капиталами, которые могли позволить ему участвовать в храмостроительстве. Еще одним фактором, который мог способствовать вовлечению купца Алтухова в храмостроительство, было его общение во время магистратской службы с другими вяземскими храмостроителями, а также на уровне кумовства его и его родственников с членами их семей.

Предок С.Т. Алтухова, по данным Вяземских писцовых книг князя Ивана Федоровича Волконского за 1627 год, владел домом рядом с Духовской церковью, о чем свидетельствует запись: «Дом посадкаго человека Олешки Павлова сына Алтухова. А живут в нем съезжие избы подъячей Замятники, а поставлен тот двор на Духовской на церковной земле. Вдоль двора 5 сажень, поперек 4 сажени» [Вяземские писцовые книги, 1882, 691]. Вероятно, сам Олешка Алтухов вместе с семьей проживал в другом доме: «В улице Мужичкове... дом Олешка Павлов сын Олтухов. Вдоль двора и огорода с садом 70 сажень, поперек – тож, а по скаске старосты и выборных людей – человек молотчей, в дани положен 4 алтына» [Вяземские писцовые книги, 1883, 124]. Братья Олешки Олтухова проживали «в Духовской сотне в Совейницкой улице... Дом Понкрашко да Вешко Павловы дети Олтуховы с братьею с Ивашком да с Митькою, вдоль двора и огорода 48 сажень, попе-

рек – 11 сажень» [Вяземские писцовые книги, 1882, 691, 692]. Таким образом, далекие предки С.Т. Алтухова, как и он сам, были прихожанами церкви Сошествия Святого Духа.

В 1627 году у Панкратки и Олешки Алтуховых имелось по одной лавке [Вяземские писцовые книги, 1883, № 7, 15; № 8, 18]. По данным окладной оброчной книги 1651/1652 года, у Олешки Алтухова было уже полторы лавки [РГАДА, ф. 137, оп. 1 (Вязьма), кн. 15-а, 1–82 об.]. Можно предположить, что половина лавки досталась ему по наследству от брата Панкрата. Алексей Алтухов стал богатым купцом, о чем свидетельствует тот факт, что он был выбран в 1660 году таможенным головой. В фондах РГАДА сохранилась его отписка [РГАДА, ф. 141, оп. 3, д. 3, 1660 г.].

По данным приходо-расходных книг Вяземской таможни 1673–1679 годов, Петр Яковлев сын Алтухов, потомок Алексея Павлова сына Алтухова и дед Саввы Тимофеева сына Алтухова, был активным торговым предпринимателем. Состав его товарных явок свидетельствует о том, что его товары были предназначены для лавочной торговли. Так, в октябре 1673 года он явил на таможне партию «москотильной мелочи», в сентябре 1674 года – «6 тысяч гвоздей двутесовых, 10 мешин, 2 пуда свинцу, 5 фунтов белил», в январе 1675 года – «3 тысячи гвоздей двутесовых, 300 плоток укладу тихвинского, 50 сковород, 200 сох, 200 присошков», в сентябре того же года – «2 бочки рыбы-ряпуги». В январе 1676 года П. Алтухов явил «10 пуд икры, 4 рыбы-осетра свежих». В 1676 же году – в сентябре и декабре – купец сделал три явки соли: по 204, 800 и 760 пудов. В 1676-м же году для таможни было поставлено «полстопы бумаги». В сентябре 1678 года купец также явил соль. В марте, сентябре и декабре 1679 года П.Я. Алтухов явил три партии товара: «пороху, огурцов и лукового семени», затем – 14 пудов и 2 четверти железа «свицкого», а третья явка – «50 рогож соли-бузуну». Последние две явки он сделал совместно с Иваном Чертолиным. Цены у товарных партий были разные, а самая большая – 220 рублей, что являлось в XVII веке весьма крупной суммой [РГАДА, ф. 137, оп. 1 (Вязьма), кн. 33, 14 об.; кн. 36, 7 об., 76, 76 об.; кн. 38, 9, 88, 139 об.; кн. 39, 10 об., 47 об., 48; кн. 40-а, 4, 4 об., 65; кн. 41, 6 об., 44 об.].

Отец С.Т. Алтухова Тимофей Петров сын Алтухов сообщал в ревизских сказках 1723 года: «Кормлюсь, ездя по деревням и торгуя мелочным товаром, також имею малое число хлебной промысел». В то же время его брат Пантелей кормился, «ездя по деревням и торгуя мелочным товаром» [РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 764, 158, 179]. Т.П. Алтухов пользовался у вяземских купцов авторитетом. Вязьмичи выдвигали его на выборные должности. Об этом свидетельствует доношение, присланное из Вяземской ратуши в Главный магистрат в 1744 году. Документ был подписан тремя бургомистрами, одним из которых являлся Тимофей Алтухов [РГАДА, ф. 291, оп. 1, д. 465, 1].

О занятиях самого С.Т. Алтухова, купца первой гильдии, имеются сведения в Ведомости Вяземского магистрата за 1764 год. В этом документе

сообщается, что Савва Тимофеев сын Алтухов «торговый промысел имеет к Рижскому порту з Бельской пристани на стругах с покупными товарами: хлебом, пенкою, льном, семям льянным и протчим, – суммою своего капитала и взятъем на вексели до 8 тысяч рублей» [РГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 445/11, 3].

В своей предпринимательской деятельности Савве Алтухову приходилось сталкиваться с проблемой коррупции представителей власти. Так, в апреле 1753 года группа вяземских купцов, отправившаяся с Бельской пристани на судах с товарами к Рижскому порту, подверглась притеснениям со стороны полковника Потемкина. «И оной полковник Потемкин с сыном и с командою, человек до ста шляхетства и хлопцов, на них и на работных людей, бегая по берегам, кричали: приставайте, где неудобное место, – и чинили из ружья палбу, при которой палбе несколько работных людей и кор[м]щиков ранили. С которыми судами едва могла, за неимением пристаний и удобных мест, с великою трудностию, от страха палбы, остановитца. Причем многим судам и повреждения учинилось и многия припасы порвало, и едва от потопа спаслись... И говорил он, Потемкин: хотя все суда пропадут, и сколко у них судов, столко и дней продержит, – на нем не взыщется». Купцы были вынуждены, «видя ево такое нападение и не стерпя оногo задержания и страха палбы и что их гразил бить батож[ь]ем и говорил, якобы они указы за денги покупают, и он де Смоленской губернской канцелярии указов не слушает, опасаясь крайнего разорения и упущения воды, по требованию ево дать сто дватцать червонных иностранных да муки рженой два куля. Которыя червонныя и муку он, Потемкин, взяв, суда и отпустил». Но на этом проблемы купцов не закончились, потому что «от того де ево, полковника Потемкина с командою, задержания и повреждения многих судов, не дошед Риги, потанули. А другия, за упущением воды, не дошед, остановились и выгружены по берегам. Отчего им учинились многия убытки и разорения, ибо де за задержанием ево, Потемкина, работным людем сверх договорной цены передано в прибавок по рублю на человека». Таким образом, встреча вяземских купцов с пограничным полковником Потемкиным принесла им большие убытки. Среди купцов, подвергшихся притеснениям со стороны Потемкина, были вяземские купцы «Логин Парфенов сын Гойдуков, Тимофей Филипов сын Бубнов, Сава Тимофеев сын Алтухов, Ануфрий Трофимов сын Юдичев, Сидор Венедихтов сын Лелюхин, Василий Фролов сын Блулов, Иван Иванов сын Лелянов». Они не стали терпеть обиду и подали жалобу в своем доношении в Смоленский магистрат [РГАДА, ф. 291, оп. 1, д. 7207, 1, 2].

Следует обратить внимание на тот факт, что среди купцов, подвергшихся испытаниям, описанным выше, большинство стали жертвователями на строительство храмов или являлись близкими родственниками храмо-строителей. Двое из этой группы – Логин Парфенов сын Гойдуков и Савва Тимофеев сын Алтухов – в 1762 и 1763 годах были избраны на службу в

Вяземском магистрате: Л.П. Гойдуков – бургомистром, а С.Т. Алтухов – ратманом. Однако из-за волокиты в Главном магистрате эти купцы приступили к службе только в 1766 году, когда пришел «повелительный указ» и они смогли принять присягу [РГАДА, ф. 291, оп. 1, д. 13528, 1, 37–38].

В период магистратской службы С.Т. Алтухову вместе с другими представителями вяземской купеческой верхушки приходилось принимать очень сложные в нравственном отношении решения. Так, в 1770 году вязьмичи приняли решение о высылке из города нескольких купцов за «продерзости и непотребствы». При этом высланные купцы выразили несогласие с решением, что вызвало дополнительное разбирательство дела [РГАДА, ф. 291, оп. 1, д. 15846, 1, 16].

Все перенесенные испытания и жизненные впечатления могли оказать влияние на решение С.Т. Алтухова пожертвовать значительную долю своих капиталов на строительство придела к храму, прихожанином которого являлся не только он сам, но и несколько поколений его предков. Вероятно, определенную роль в формировании мотивации купца сыграло и общение с другими купцами-храмостроителями. О тесном общении с ними, в частности, свидетельствуют данные метрических книг вяземских церквей о крещении новорожденных. Межличностные связи, установленные через куповство, были в XVIII веке весьма прочными.

Сведения метрических книг о восприемничестве вяземских купцов в XVIII веке далеко не полные, так как метрические книги вяземских церквей ранее 1765 года не сохранились. Тем не менее об участии С.Т. Алтухова в крещении вяземских новорожденных можно сделать определенные выводы. С 1766 по 1777 год он стал крестным отцом пятнадцати детей. Их отцами были как богатые и даже знатные люди, так и их работники. Среди них четыре раза отмечен купец Михаил Иосифов сын Лютов, который в записи за 1777 год был назван: «Вяземскаго магистрата богармистр». Купец Феодор Вонифатьев сын Пенезев трижды за указанный период приглашал С.Т. Алтухова в восприемники к своим новорожденным детям. Титулярный советник Никита Иванов сын Богданов пригласил С.Т. Алтухова в крестные отцы не только к своему ребенку, но и к ребенку своего служителя Игнатия Иванова. По два раза С.Т. Алтухов становился крестным отцом детей канцеляриста Вяземской воеводской канцелярии Бориса Афонасьева сына Протопопова, а также купца Авраама Матфеева сына Заводова. Среди отцов крестников купца Алтухова были также копейист Вяземского магистрата Феодор Михайлов сын Фокин и работник самого Алтухова Феодор Евдакимов. Одновременно с Саввой Алтуховым в крестные матери чаще всего – четыре раза – приглашалась «порутчица», «вяземская помещица госпожа Татиана Агиева дочь Богданова», она же – «титулярного советника Никиты Иванова сына Богданова жена ево Татиана Агеева». Четырежды вместе с Саввой Алтуховым крестила своих внуков, детей вяземского бургомистра Михаила Иосифова сына Лютова, купеческая жена Иустиния (Устинья) Исидорова

дочь Лютова. Дважды С.Т. Алтухов крестил детей вместе с женой Исидора Венедиктова сына Лелюхина Матроной Васильевой дочерью Лелюхиной и один раз – с родственницей ее мужа Евдокией Тимофеевой дочерью Лелюхиной. По одному разу вместе с С.Т. Алтуховым приемными были купчихи Ечеистовы – Анна Потапова дочь и Наталия Потапова дочь, «купецкая вдова Марья Юдичева», а также «коронного поверенного Ивана Борышникова жена Софья Савина» [ГАСО, ф. 48, оп. 1 (ОЦ), д. 296, 8 об.; д. 219, 8, 15 об.; д. 210, 24 об., 49; д. 225, 30, 34-а; д. 221, 30, 41 об., 42, 42 об., 46 об.; д. 218, 54, 66, 88 об.; д. 220, 14 об.].

Для формирования представления о круге близкого общения С.Т. Алтухова необходимо рассмотреть и вопрос о связях через кумовство его жены Федосьи Семеновны дочери Алтуховой. С 1765 по 1773 год, то есть до смерти, Ф.С. Алтухова становилась крестной матерью шесть раз. Причем три из них – детей священника Петропавловской церкви Иосифа Понтелеимонова, по одному разу – детей племянников ее мужа, вяземских купцов Саввы Никифорова сына и Якова Филипова сына Алтуховых, а также мосальского купца Василия Никифорова сына Козакина. Вяземский купец Кондратий Тимофеев сын Рыков трижды крестил вместе с ней детей священника Петропавловской церкви. В качестве приемницы ребенка Саввы Никифорова сына Алтухова она выступала в паре с вяземским купцом Сидором (Исидором) Венедиктовым сыном Лелюхиным. Приемными вместе с Ф.С. Алтуховой становились также вяземские купцы Т.А. Маслинников и С.М. Карцов [ГАСО, ф. 48, оп. 1 (ОЦ), д. 225, 1, 17, 25; д. 224, 19 об., 33; д. 221, 35, 35 об.].

Таким образом, круг межличностного общения Алтуховых через кумовство был довольно обширным. Приемники для родителей новорожденных становились близкими людьми практически на всю жизнь. Значительную долю среди этих близких для Алтуховых людей составляли представители местной элиты: дворяне, священники, верхушка купечества. Данный факт свидетельствует прежде всего об авторитете Саввы Тимофеева сына Алтухова. Следует обратить внимание также на общение купца Алтухова с другими купцами, которые были известны в Вязме как храмостроители. Это был бургомистр Михаил Иосифов сын Лютов, родственники которого были известны как крупные жертвователи на строительство и украшение вяземских храмов. Сам же М.И. Лютов сделал крупное пожертвование на строительство кладбищенской церкви, освященной во имя Владимирской иконы Божией Матери [Сперанский, 1899, 943]. Другим вяземским храмостроителем, с которым общался С.Т. Алтухов, был Исидор Венедиктов сын Лелюхин, возобновивший в 1768 году приделы к Преображенской церкви [Санковский, 1898, 159]. Причем муж и жена Алтуховы были кумовьями мужа и жены Лелюхиных, что может свидетельствовать о тесном общении между семьями купцов. Кумой С.Т. Алтухова была и Софья Савина дочь Борышникова, супруга самого известного вяземского купца Ивана Исидорова сына Борышникова, построившего два придела к

церкви святых апостолов Петра и Павла в Вязьме [Сперанский, 1899, 836]. Связи с храмостроителями или членами их семей могут говорить о влиянии их на формирование мотивов, направленных на участие в строительстве храмов, примеры чего довольно часто встречались и в Смоленске.

В 1773 году у С.Т. Алтухова умерла жена. В метрической книге церкви Сошествия Святого Духа было отмечено: «9 июля. Вяземскаго купца Савы Тимофеева сына Алтухова жена ево Феодосья Семионова от обложной болезни умре с покаянием, отроду ей было 45 [лет]» [ГАСО, ф. 48, оп. 1 (ОЦ), д. 221, 37]. Через четыре месяца, 3 ноября 1773 года, в той же метрической книге появилась запись о женитьбе С.Т. Алтухова «на помещице Вяземского уезда, вдове Наталье Понтелеевой дочери Озировой» [ГАСО, ф. 48, оп. 1 (ОЦ), д. 221, 36 об.]. В метрических книгах той же Духовской церкви встречаются записи об участии падчерицы С.Т. Алтухова «Вяземскаго уезда дворянской девицы Акилины Феодоровой дочери Озировой» в качестве восприемницы в крещении детей его работников. При этом восприемниками являлись вяземские купцы [ГАСО, ф. 48, оп. 1 (ОЦ), д. 221, 36, 58 об.]. Такое восприемничество, когда дети богатых купцов становились крестными родителями новорожденных детей работников своих родителей, было в купеческой среде обычным. Однако в вяземских метрических книгах XVIII века подобных сведений о собственных детях Саввы Алтухова найти не удалось. Имеется запись 1776 года о женитьбе на мещанке вяземского мещанина Петра Савина сына Алтухова. Есть сведения о том, что в 1783 году он участвовал в крещении мещанского сына [ГАСО, ф. 48, оп. 1 (ОЦ), д. 221, 47; д. 215, 215 об.]. Петр Алтухов был мещанином и общался близко с мещанами, и данный факт свидетельствует о том, что он был не сыном С.Т. Алтухова, а племянником, сыном его младшего брата Саввы Меньшого. К тому же в упомянутой уже Ведомости Вяземского магистрата за 1764 год было указано, что С.Т. Алтухов вел свое дело один, то есть у него не было сыновей. Судя по метрическим книгам, у него не было и дочерей. Таким образом, можно сделать вывод о том, что отсутствие своих детей, которые могли бы молиться о душе купца после его смерти, могло стать одним из главных мотивов пожертвования капиталов на храмостроительство.

Подводя итог, следует отметить, что дата строительства придела во имя святителя Дмитрия Ростовского к Вяземской церкви Сошествия Святого Духа в публикациях XIX века была определена неверно, что объяснялось выше. Можно предположить, что строительство придела было осуществлено в начале 70-х годов XVIII века, а при публикации рукописного документа дата была прочитана неправильно. В любом случае освящение храма во имя названного святого было невозможно прежде его канонизации.

Тот факт, что именно купец Савва Тимофеев сын Алтухов являлся храмостроителем, не вызывает сомнения. У него имелись возможности для этого. Он был довольно богатым предпринимателем, имевшим средства для пожертвования на строительство храма. Можно сделать предположение и о мотивах, которые могли побудить Савву Алтухова стать храмостроителем. Деятельность С.Т. Алтухова была связана с высоким уровнем риска. Торгуя

за границей, он сталкивался с притеснениями, которые могли не только разорить его, но и лишить жизни.

Важным фактором, сформировавшим мотивацию купца-храмостроителя, было и то обстоятельство, что С.Т. Алтухов пользовался авторитетом у вяземских купцов, которые избирали его на выборные должности. С.Т. Алтухов общался с дворянами, купцами-храмостроителями и являлся типичным представителем вяземской купеческой элиты, для которой были характерны щедрые пожертвования на строительство храмов.

Факт строительства С.Т. Алтуховым придела именно к храму Сошествия Святого Духа не вызывает сомнения и объясняется тем обстоятельством, что его предки проживали в приходе этой церкви не менее полутора веков, о чем свидетельствуют документы XVII века.

Мотивацию к храмостроительству у Саввы Алтухова сформировал комплекс факторов, однако главной причиной, побудившей его пожертвовать значительные средства на строительство придела, следует признать отсутствие у купца детей, которые могли бы молиться о его душе после его смерти.

ЛИТЕРАТУРА

Беспалёнок Е.Д. Вяземские купцы Болотины и Михаил Кириллов (Флоровский): к истории храмостроительства в XVIII веке // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии: ежегодный научный журнал. 2022. № 1. С. 116–125.

Беспалёнок Е.Д. Купеческое храмостроительство в Смоленске XVIII века. Смоленск, 2010. 224 с.

Беспалёнок Е.Д. Отношение вяземской купеческой элиты к церкви и храмостроительству в XVIII веке // Теологический вестник Смоленской Православной Духовной семинарии. 2018. № 4. С. 17–23.

Беспалёнок Е.Д. Труд И.П. Сперанского о благотворителях Смоленского края как источник по истории храмостроительства // Теологический вестник Смоленской Православной Духовной семинарии. 2016. № 2. С. 69–73.

Ведомость учиненная Вяземским Духовным правлением в 1774 г. о церквах города Вязьмы и уезда // Смоленские епархиальные ведомости. 1872. № 8.

Вяземские писцовые книги кн. Ив. Фед. Волконского. 1627 г. // Смоленские епархиальные ведомости. 1882.

Вяземские писцовые книги кн. Ив. Фед. Волконского. 1627 г. // Смоленские епархиальные ведомости. 1883.

Вяземские писцовые книги кн. Ив. Фед. Волконского. 1627 г. // Смоленские епархиальные ведомости. 1883. № 7. Приложение.

Вяземские писцовые книги кн. Ив. Фед. Волконского. 1627 г. // Смоленские епархиальные ведомости. 1883. № 8. Приложение.

Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 48. Оп. 1 (ОЦ). Д. 210.

ГАСО. Ф. 48. Оп. 1 (ОЦ). Д. 218.

ГАСО. Ф. 48. Оп. 1 (ОЦ). Д. 219.

ГАСО. Ф. 48. Оп. 1 (ОЦ). Д. 220.

ГАСО. Ф. 48. Оп. 1 (ОЦ). Д. 221.

ГАСО. Ф. 48. Оп. 1 (ОЦ). Д. 225.

ГАСО. Ф. 48. Оп. 1 (ОЦ). Д. 296.

Житие Дмитрия Ростовского. Канонизация. URL: <https://svtdimitriy.ru/home/zhitie-svyatitelya-dimitriya-rostovskogo/20-kanonizatsiya> (дата обращения: 22.03.2023).

Козлова Н.В. «Душу свою грешную строить и помянуть...»: Забота о душевном спасении и благотворительность по духовным купцов и разночинцев Москвы XVIII века // Города Европейской России конца XV – первой половины XIX века: материалы международной научной конференции (25–28 апреля 2002 г., Тверь – Кашин – Калязин). В 2 ч. Тверь: ТГУ, 2002. Ч. 2. С. 349–359.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 137. Оп. 1 (Вязьма). Кн. 15-а.

РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Вязьма). Кн. 33.

РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Вязьма). Кн. 36.

РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Вязьма). Кн. 38.

РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Вязьма). Кн. 39.

РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Вязьма). Кн. 40-а.

РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Вязьма). Кн. 41.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. Д. 1. 1660 г.

РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 465.

РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 7207.

РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 13528.

РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 15846.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 764.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 776.

РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 445/11.

Санковский А.В. Краткое описание церквей Смоленской епархии. Вып. 1. Смоленск: Паровая типо-лит. Я.Н. Подземского, 1898.

Семенова А.В. Национально-православные традиции в менталитете русского купечества в период становления предпринимательства // История предпринимательства в России. Кн. 1: От средневековья до середины XIX века. М., 2000. С. 433–441.

Сперанский И.П. Деятели Смоленского края на пользу церкви, общественной благотворительности, науки и народного образования. Смоленск: Паровая типо-лит. Я.Н. Подземского, 1899. 66 с.

E.D. Bepalenok

*PhD in Historical Sciences, Associate Professor,
Chair of Russian History,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

**Vyazma's Merchant Savva Timofeev Son Altukhov:
the Problem of Determining the Personality
and Motivation of the Temple-Builder of the 18th Century**

The article deals with the little-studied problem of merchant temple building in a provincial Russian city of the 18th century using the example of Vyazma. The author applied anthropological, systemic and critical approaches. In the 18th century, donations for the construction of churches became a characteristic feature of the daily life of the merchant elite. The focus of the study is the history of the Vyazma merchant-temple builder S.T. Altukhov. The example of this merchant shows what problems a historian may encounter in the process of research. A critical approach to the publications of the 19th century made it possible to make

a more plausible assumption about the date of construction of the Vyazma temple, for which the merchant Altukhov donated his capital. Establishing the identity of the merchant, determining the approximate date of his birth, the composition of the merchant family were studied on the basis of a comprehensive study of the materials of the first and second revisions, as well as parish registers. The problem of motivation for the temple-building activity of the merchant S.T. Altukhova is considered on the basis of the study of archival documents from the fund of the Chief Magistrate. When working on the article, the funds of the Russian State Archive of Ancient Acts and the State Archive of the Smolensk Region were used. This article develops the topic of articles about the Vyazma merchant-temple builders of the 18th century, published by the author earlier.

Keywords: merchants; merchant elite; temple building; nepotism; interpersonal communication; motivation.

REFERENCES

Bespalenok E.D. Vyazma's merchants Bolotins and Mikhail Kirillov (Florovsky): on the history of church building in the 18th century [Vyazemskie kupcy Bolotiny i Mihail Kirillov (Florovskij): k istorii hramostroitel'stva v XVIII veke]. *Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary: an annual scientific journal*, no.1. Smolensk, 2022, pp. 116–125 (in Russian).

Bespalenok E.D. Merchant temple building in Smolensk of the 18th century [Kupecheskoe hramostroitel'stvo v Smolenske XVIII veka]. Smolensk, 2010. 224 p. (in Russian).

Bespalenok E.D. The attitude of the Vyazma merchant elite to the church and temple building in the 18th century [Otnoshenie vyazemskoj kupecheskoj elity k cerkvi i hramostroitel'stvu v XVIII veke]. *Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary*, 2018, no. 4, pp. 17–23 (in Russian).

Bespalenok E.D. Work of I.P. Speransky about the benefactors of the Smolensk region as a source on the history of temple construction [Trud I.P. Speranskogo o blagotvoritelyah Smolenskogo kraja kak istochnik po istorii hramostroitel'stva]. *Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary*, 2016, no. 2, pp. 69–73 (in Russian).

Statement issued by the Vyazemsky Spiritual Board in 1774 about the churches of the city of Vyazma and the county [Vedomost' uchinennaya Vyazemskim Duhovnym pravleniem v 1774 g. o cerkvah goroda Vyaz'my i uезда]. *Smolensk Diocesan Gazette*. 1872, no. 8 (in Russian).

Vyazma's scribe books by pr. Iv. Fed. Volkonsky. 1627 [Vyazemskie piscovyje knigi kn. Iv. Fed. Volkonskogo. 1627 g.]. *Smolensk Diocesan Gazette*. 1882 (in Russian).

Vyazma's scribe books by pr. Iv. Fed. Volkonsky. 1627 [Vyazemskie piscovyje knigi kn. Iv. Fed. Volkonskogo. 1627 g.]. *Smolensk Diocesan Gazette*. 1883 (in Russian).

Vyazma's scribe books by pr. Iv. Fed. Volkonsky. 1627 [Vyazemskie piscovyje knigi kn. Iv. Fed. Volkonskogo. 1627 g.] *Smolensk Diocesan Gazette*. 1883, no. 7. Supplement (in Russian).

Vyazma's scribe books by pr. Iv. Fed. Volkonsky. 1627 [Vyazemskie piscovyje knigi kn. Iv. Fed. Volkonskogo. 1627 g.]. *Smolensk Diocesan Gazette*. 1883, no. 8. Supplement (in Russian).

State Archives of the Smolensk Region (GASO). F. 48. Op. 1 (OC). E. 210 (in Russian).

GASO. F. 48. Op. 1 (OC). E. 218 (in Russian).

GASO. F. 48. Op. 1 (OC). E. 219 (in Russian).

GASO. F. 48. Op. 1 (OC). E. 220 (in Russian).

GASO. F. 48. Op. 1 (OC). E. 221 (in Russian).

GASO. F. 48. Op. 1 (OC). E. 225 (in Russian).

- GASO. F. 48. Op. 1 (OC). E. 296 (in Russian).
Life of Dmitry Rostovsky. Canonization [Zhitie Dmitriya Rostovskogo. Kanonizaciya]. Available at: <https://svtdimitriy.ru/home/zhitie-svyatitelya-dimitriya-rostovskogo/20-kanonizatsiya> (accessed on 22 March 2023) (in Russian).
- Kozlova N.V. «Create and remember your sinful soul ...»: Concern for spiritual salvation and philanthropy of merchants and commoners of Moscow in the 18th century [«Dushu svoju greshnuyu stroit' i pominat'...»: Zabota o dushevnom spasenii i blagotvoritel'nost' po duhovnym kupcov i raznochincev Moskvyy XVIII veka]. *Cities of European Russia at the end of the 15th – the first half of the 19th century: Proceedings of the international scientific conference April 25–28, 2002, Tver– Kashin – Kalyazin*. In 2 volumes. Tver: Tver State University, 2002. Vol. 2 (in Russian).
- Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA). F. 137. Op. 1 (Vyazma). B. 15-a (in Russian).
- RSAAA. F. 137. Op. 1 (Vyazma). B. 33 (in Russian).
RSAAA. F. 137. Op. 1 (Vyazma). B. 36 (in Russian).
RSAAA. F. 137. Op. 1 (Vyazma). B. 38 (in Russian).
RSAAA. F. 137. Op. 1 (Vyazma). B. 39 (in Russian).
RSAAA. F. 137. Op. 1 (Vyazma). B. 40-a (in Russian).
RSAAA. F. 137. Op. 1 (Vyazma). B. 41 (in Russian).
RSAAA. F. 141. Op. 3. E. 1. 1660 (in Russian).
RSAAA. F. 291. Op. 1. E. 465 (in Russian).
RSAAA. F. 291. Op. 1. E. 7207 (in Russian).
RSAAA. F. 291. Op. 1. E. 13528 (in Russian).
RSAAA. F. 291. Op. 1. E. 15846 (in Russian).
RSAAA. F. 350. Op. 2. E. 764 (in Russian).
RSAAA. F. 350. Op. 2. E. 776 (in Russian).
RSAAA. F. 397. Op. 1. E. 445/11 (in Russian).
- Sankovsky A.V. Brief description of the churches of the Smolensk diocese [Kratkoe opisanie cerkvej Smolenskoj eparhii]. Issue 1. Smolensk: Steam tipo-lit. Ya.N. Podzemsky, 1898 (in Russian).
- Semenova A.V. National-Orthodox Traditions in the Mentality of the Russian Merchants during the Formation of Entrepreneurship [Nacional'no-pravoslavnye tradicii v mentalitete russkogo kupechestva v period stanovleniya predprinimatel'stva]. *History of entrepreneurship in Russia*. Book 1. *From the Middle Ages to the middle of the XIX century*. Moscow, 2000 (in Russian).
- Speransky I.P. Figures of the Smolensk Territory for the benefit of the church, public charity, science and public education [Deyateli Smolenskogo kraja na pol'zu cerkvi, obshchestvennoj blagotvoritel'nosti, nauki i narodnago obrazovaniya]. Smolensk: Steam Tipo-lit. Ya.N. Podzemsky, 1899 (in Russian).

Н.В. Василькова

*Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия*

УДК 94

DOI 10.35785/2072-9464-2024-65-1-168-188

**ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНТЕКСТЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
(вторая половина XIX – начало XX века)**

Ключевые слова: модернизация; Смоленская губерния; железные дороги; конец XIX – начало XX века; Министерство путей сообщения; земство.

В статье исследуется процесс железнодорожного строительства на территории Смоленской губернии второй половины XIX – начала XX века. Автором рассмотрены краткая история шести железных дорог, построенных на Смоленщине в указанный период, и экономические показатели по объемам грузоперевозок на рубеже XIX–XX веков. В работе использованы данные из ранее не опубликованных источников Государственного архива Смоленской области, содержащие сведения о нереализованных проектах уездных земств по сооружению новых линий железных дорог. В ходе исследования было отмечено значительное воздействие железных дорог на социально-экономическое развитие региона, а также сделан вывод о неравномерности распределения железных дорог по территории уездов Смоленщины.

С 40-х годов XIX века Российская империя вступает на путь экономической и социальной модернизации. Модернизация осуществлялась в первую очередь за счет увеличения объемов железнодорожного строительства на территории всего государства. Примечательно, что железные дороги выступали одновременно и как необходимое условие, и как вынужденная мера для индустриализации пореформенной России. Постепенно расширявшаяся сеть путей сообщения позволяла налаживать связи между промышленными центрами и окраинами, увеличивался товаро- и пассажирооборот, значительно сократились сроки переброски войск к границам страны.

Историография железнодорожного дела в Российской империи достаточно обширна. Исследователи этой области сходятся во мнении о первоочередной роли железнодорожного строительства как катализатора модернизации экономики.

В дореволюционной историографии тема железнодорожного строительства в Российской империи рассматривалась преимущественно в контексте экономической выгоды эксплуатации сооруженных железнодорожных линий. Исследованиям роли государства и частной инициативы в

железнодорожном деле России, государственной политики в области железных дорог и их военно-стратегического значения посвятили свои труды В.Ф. Мейен [Мейен, 1902], Н.А. Кислинский [Кислинский, 1902], И.С. Блюх [Блюх, 1878], П.П. Семенов [Семенов, 1905].

Сведения о путях сообщения включались в справочники как государственного, так и регионального масштаба. Так, данные о железных дорогах нашего региона мы можем увидеть в Кратких хозяйственно-статистических сведениях по Смоленской губернии. Полную картину о пассажирской и грузовой эксплуатации железных дорог Смоленщины в рассматриваемый нами период можно восстановить по статистическим данным Министерства путей сообщения.

В современной историографии приоритетным направлением в изучении железнодорожного строительства России является исследование регионального компонента. Это направление получило название «Историческое железнодорожное (транспортное) регионоведение». Среди последних трудов следует отметить работы Т.А. Белогуровой [Белогурова, 2018], А.А. Голубева [Голубев, 2012], О.В. Гудковой [Гудкова, 2002] и т.д.

К началу XX века Смоленская губерния занимала пятое место среди соседних губерний по отношению длины железных дорог к количеству населения, уступая Черниговской, Тверской, Московской и Могилевской. На 1000 кв. верст пространства Смоленской губернии приходилось 16,6 версты железнодорожного пути, а на 100 тыс. жителей – 43,8 версты, что было выше среднего по России без учета Финляндии (10,8 и 37,9 соответственно).

К 1 июля 1909 года общая протяженность железнодорожных путей в Смоленской губернии достигала 819 верст 203 сажень, из которых 815,11 версты составляли железнодорожные линии, 2,62 версты – железнодорожные ветки общего пользования и 1,66 версты – ветки частного пользования [Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губернии, 1912].

Всего же просторы Смоленщины пересекали шесть железных дорог, построенных в разные годы, но отвечавших преимущественно одним целям: *Московско-Брестская, Риго-Орловская, Николаевская, Рязанско-Уральская, Московско-Виндаво-Рыбинская, Сызрано-Вяземская* [Мейен, 1902] (см. рис. 1). Наибольшее значение в развитии экономики и социальной сферы имели Московско-Брестская и Риго-Орловская железные дороги.

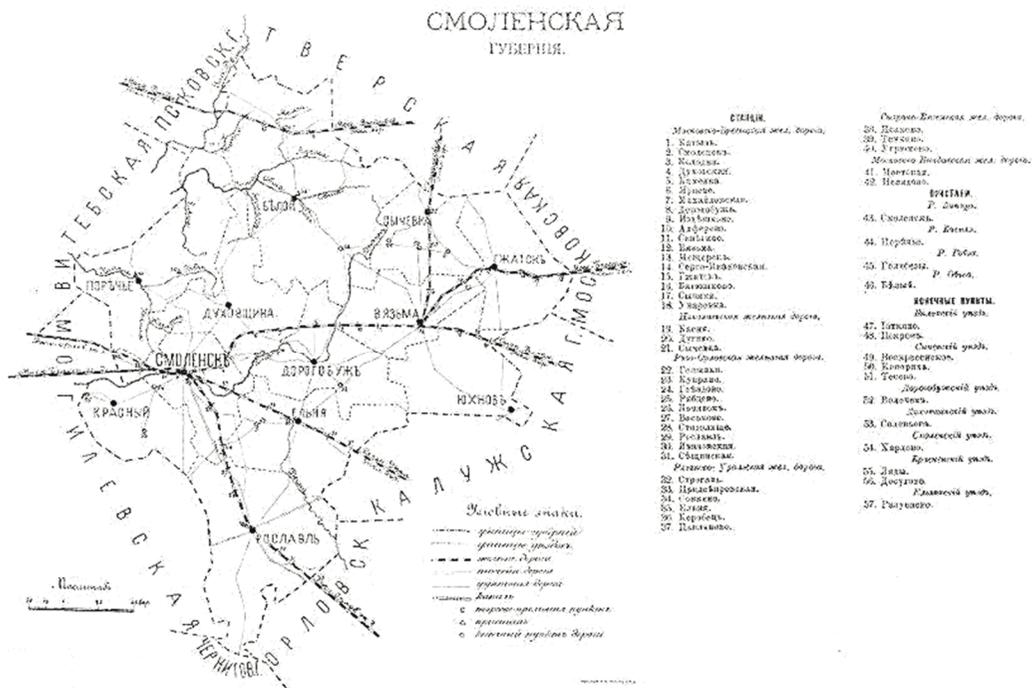

Рис. 1. Железные дороги Смоленской губернии. 1902 [Мейен, 1902]

На территории Смоленской губернии история железнодорожного сообщения началась со строительства дороги *Орел – Витебск* (участок *Риго-Орловской железной дороги*). Линия, пересекавшая Смоленскую губернию с юго-востока на северо-запад, соединяла внутренние губернии страны с Балтийским морем. Проект был разработан английским подданным баронетом Мортонем Пито, который вместе с Бишофсгеймом и К^о ходатайствовал перед правительством России о предоставлении ему концессии на проведение железной дороги. Однако проект был реализован лишь со второй попытки, поскольку в первый раз обществу этой дороги не удалось собрать капитал на строительство к июню 1866 года, а затем к 1 декабря этого же года.

Тогда Орловское земство с позволения правительства взяло на себя заботы о сооружении дороги Орел – Витебск с уменьшением капитала с 6 млн 582 тыс. фунтов ст. до 6 млн фунтов ст. и сокращением срока строительства с пяти до трех лет. В январе 1867 года правительство разрешило производство указанной дороги. Орловское земство передало права на сооружение дороги частным лицам. С этой целью оно заключило контракты с бароном Френкелем, Губониным и Казаковым [Блиох, 1878].

Орловское земство изменило проект баронета Мортоня Пито, направив линию на уездный город Рославль. Это позволило сократить объем и стоимость строительства дороги, а также протяженность пути на 160 верст.

Линия вводилась в эксплуатацию отдельными участками: Витебск – Смоленск, Смоленск – Рославль (весь участок Витебск – Рославль был открыт в ноябре 1868 года), Рославль – Брянск и затем Брянск – Орел (участок Рославль – Орел введен в действие в следующем месяце). В итоге длина дороги вместе с примыкающими ветками составила около 830 км.

К моменту завершения строительства Орловско-Витебской железной дороги были сооружены Риго-Динабургская и Динабурго-Витебская железные дороги, что позволило соединить все указанные пути в одну Западную линию, которая вывела внутренние губернии страны к Балтийскому морю. Позднее, в 1895 году, эти дороги были объединены в одну Риго-Орловскую железную дорогу.

Важным событием не только для Смоленщины, но и для Российской империи в целом стало строительство *Московско-Брестской железной дороги*.

После поражения России в Восточной (Крымской) войне перед правительством встал вопрос об усилении обороноспособности государства. Особое внимание было уделено западным границам страны, то есть польским территориям, отрезанным от сосредоточения военных ресурсов страны – Москвы. В связи с этим возникла необходимость в соединении Варшавы с Москвой для бесперебойного и скорого обеспечения польского региона вооружением, а также достаточным военным составом.

Отсутствие «жизненно важной для государства» дороги Москва – Варшава называли «странным пробелом, странным недостатком, допущенным в системе русских железных дорог» и возлагали особые надежды, что эта ошибка будет исправлена в самом скором времени [ГАСО, ф. 7, оп. 1, д. 66 (ОЦ), 6]. Более того, Московско-Варшавская линия могла направить всю систему установления недостающих сообщений от Москвы как общего центра на Запад. Также отмечалось, что Москва, как «сосредоточение мануфактурной промышленности России», не могла оставаться без прямого сообщения с такими сырьевыми и торговыми городами, как Варшава и Рига, а также с Северо-Западным краем [ГАСО, ф. 7, оп. 1, д. 66 (ОЦ), 7].

На рассмотрение правительства было предложено несколько вариантов проведения линии железной дороги. Среди них был представлен путь, соединяющий Москву с Петербургом через Киев. Однако этот вариант был отвергнут в связи с тем, что указанный путь на 600 верст длиннее прямого соединения городов [ГАСО, ф. 7, оп. 1, д. 66 (ОЦ), 7].

В результате было принято решение о проведении железной дороги от Москвы до Варшавы через Смоленск. Выгодное географическое положение Смоленщины (искусственная удаленность региона от линий сообщения, близость к западным границам империи) предполагало проведение прямого и кратчайшего железнодорожного пути на Варшаву по территории губернии. Более того, на принятие этого решения повлияла особая активность Смоленского земства, стремившегося улучшить экономическое положение

региона и увеличить благосостояние его населения за счет установления Московско-Варшавской железной дороги.

По итогам состязания 15 декабря 1868 года право концессии на строительство участка Московско-Варшавской дороги от Москвы до Смоленска приобрели А. Шепеллер и банкирский дом Зульцбах во Франкфурте-на-Майне.

Император Александр II разрешил открыть земляные работы весной 1868 года из-за страшного неурожая, постигшего Смоленскую губернию в 1867 году [Горская, 2022, 36]. Смоленское земство ходатайствовало перед правительством о скорейшем открытии земляных работ в качестве общественного дела в целях обеспечения нуждающихся крестьян работой и средствами к существованию [ГАСО, ф. 7, оп. 1, д. 51, 10]. Как отмечалось в журнале об открытии работ, крестьяне с большой благодарностью встретили эту новость. Торжественное открытие работ состоялось 30 мая, а на следующий день приступили к разбивке местности на участки [ГАСО, ф. 7, оп. 1, д. 51, 9].

В марте 1870 года обществу Московско-Смоленской железной дороги была предоставлена концессия на продолжение дороги от Смоленска до Бреста. Проектируемый путь составил 620 верст, а основной капитал – 26 млн 40 тыс. руб. мет. (42 руб. на версту) [Блиох, 1878]. Линия от Смоленска до Бреста длиной 632 версты была построена в течение 1870 и 1871 годов и открыта 16 ноября 1871 года. К концу века были устроены вторые пути от Москвы до Бреста в связи с увеличением товаро- и пассажиропотока. В 1896 году дорога была выкуплена государством, а в 1912 году переименована в Александровскую в честь императора Александра I [Иллюстрированный путеводитель по Московско-Брестской железной дороге, 1975] (см. рис. 2).

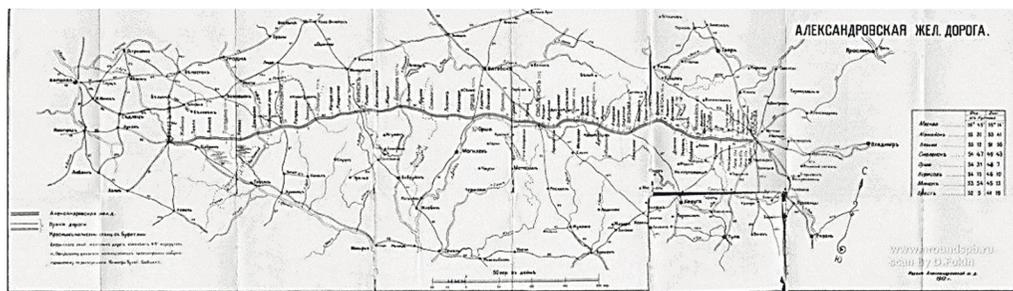

Рис. 2. Московско-Брестская (Александровская) железная дорога. Путеводитель Александровской железной дороги. Издан к столетнему юбилею Отечественной войны. М., 1975

Новоторжская железная дорога проходила по северным территориям Смоленской губернии (ныне это Тверская область). Путь в 32 версты был построен от Торжка до станции Осташевская, относящейся к Николаевской железной дороге, в 1870 году. Позднее, в 1874 году, был проложен участок Осташевская – Ржев, тем самым Новоторжская дорога достигла 96 верст.

Рязано-Уральская железная дорога была построена по частной инициативе российского предпринимателя Павла Григорьевича фон Дервиза в 1866 году. Дорога связывала центральные губернии с нижним Поволжьем и Уралом и обеспечивала экспорт хлеба через балтийские порты Либаву и Ригу. В конце XIX века была сооружена линия Данков (Богоявленск) – Смоленск через Ельню. Таким образом, Рязано-Уральская железная дорога прошла и по Смоленщине.

На рубеже XIX–XX веков велось строительство важнейшей экономической артерии страны – *Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги*. Дорога, построенная на частные средства, связывала не только центральные и северо-западные губернии империи, но и регионы Поволжья и Сибири с незамерзающим портом Виндавой на побережье Балтийского моря.

Рассмотрев краткую историю железных дорог, построенных на Смоленщине во второй половине XIX – начале XX века, мы можем отметить крайне неравномерное распределение железных дорог по территории губернии. Так, в первую очередь железными дорогами обслуживались Смоленский и Вяземский уезды – узловые центры крупнейших линий, затем Ельнинский, Рославльский, Сычевский и Гжатский. Незначительное количество железных дорог было построено на территории Дорогобужского, Духовщинского и Юхновского уездов, в то время как Поречский и Бельский уезды не могли получать выгоды от близлежащих дорог. Краснинский уезд железными дорогами не охватывался вовсе [Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губернии, 1912].

Теперь следует уделить внимание экономическим показателям эксплуатации железных дорог, пролежавших по территории Смоленской губернии. Для этого обратимся к данным по развитию сельского хозяйства и промышленности региона во второй половине XIX – начале XX века.

Основным занятием жителей Смоленщины в исследуемый период являлось земледелие, сохранялась преимущественно трехпольная система. Главное место в посевах занимал зерновой хлеб: сеяли преимущественно рожь (занимала половину всей засеваемой площади), овес, ячмень и гречиху, меньше – пшеницу и картофель; лен и конопля занимали примерно 6% посевной площади, причем посевы льна с каждым годом увеличивались за счет других яровых хлебов [Мейен, 1902]. В начале XX века, в особенности под Москвой, стало распространяться травосеяние благодаря хорошему сбыту сена в Москву. Из-за малопродуктивной глинистой и песчаной почвы на Смоленщине, а также из-за того, что большая часть земель находилась в руках частных собственников и под лесными угодьями и болотами, снимаемого хлеба было недостаточно для пропитания населения [Иллюстрированный путеводитель по Московско-Брестской железной дороге, 1975]. Поэтому хлеб стал одним из основных грузов, доставляемых на станции смоленских железных дорог.

Помимо земледелия, среди смоленских помещиков в начале века активно развивалось садоводство. Промышленное выращивание яблок, вишен, груш и слив было незначительно, но уже тогда, по мнению современников, садоводство имело «большую будущность». Пчеловодство, молочное хозяйство считались важным подспорьем, однако эти отрасли не могли прокормить жителей Смоленской губернии, и местами все мужское население сел и деревень уходило на дополнительные заработки, такие как рубка леса, сплав его по воде или отправка по железной дороге. Благодаря обилию лесов и воды лес, строительные материалы и дрова отправлялись из Смоленщины по всем путям сообщения на юг России, за границу и в Москву.

Кроме рубки леса, в лесных местностях были довольно развиты такие формы кустарного производства, как бондарное, корзиночное, экипажное, гонтовое и другие производства из дерева. Затем следовали отделка камня, гончарное дело, мелкий кузнечный, ткацкий и суконный промыслы, продукция которых шла преимущественно на собственные надобности.

Самым значительным занятием населения Смоленской губернии XIX–XX веков после земледелия и лесного дела являлись работы на фабриках и заводах. По данным Министерства финансов, среди фабрично-заводской промышленности в Смоленской губернии преобладали производства по обработке волокнистых веществ (произведено на 6327,5 тыс. руб., число рабочих – 3838), продуктов питания (4383 тыс. руб., 733 рабочих), обработке дерева (2065 тыс. руб., 308 рабочих), керамики (1524 тыс. руб., 1801 рабочий) [Мейен, 1902].

Следует отметить, что железнодорожное строительство сыграло значительную роль в экономическом развитии не только отдельных регионов, но и всей страны в целом. Непосредственным результатом применения паровых двигателей на рельсовых путях стало повсеместное ускорение и удешевление сухопутных перевозок. Это являлось следствием расширения прежних районов сбыта всех без исключения продуктов и товаров и сближения между пунктами производства и рынками потребления. Развитие производства и умножение экономических сил государства, насыщение народных масс денежными средствами, поддержание на должном уровне боевой готовности страны – такие результаты строительства железных дорог перечислены Николаем Андреевичем Кислинским, возглавлявшим отделение канцелярии Комитета министров [Кислинский, 1902].

Перед Первой мировой войной железные дороги Смоленской губернии были оснащены 68 станциями и 9 платформами. Из этого общего числа 12 станций Московско-Брестской железной дороги, 9 станций Риго-Орловской железной дороги, 2 станции Московско-Виндаво-Рыбинской, 2 Сызрано-Вяземской и 1 Рязано-Уральской были обеспечены грунтовыми подъездными путями. Грунтовые подъездные пути обеспечивали лишь 28 станций, или 37,7% общего их числа [Краткие хозяйственно-статистические

сведения по Смоленской губернии, 1912]. Подъездные пути находились в ведении местных земств, которые после 1895 года, когда был создан специальный дорожный капитал губернского земства, интенсивно занимались ремонтом и строительством подъездных путей.

По данным статистических сборников Министерства путей сообщения, на железнодорожных станциях Смоленской губернии принимали и отправляли разнообразные грузы. Это были традиционные товары аграрной страны, вставшей на путь промышленного развития: хлеб (пшеница, рожь, овес, ячмень), мука (пшеничная и ржаная), крупа и горох; сено и кормовые травы; спирт и табак; сахар и сахарный песок; льняное семя, лен, кудель и льняная пакля; пенька, хлопок и вата; шерсть, кожи и шкуры; сало, мясные товары, рыба, соль поваренная; чугун, железо, новые рельсы, нефть и нефтяные остатки, керосин; дрова и лесные строительные материалы [Статистический сборник Министерства путей сообщения, вып. 11].

Для исследования динамики развития экономического потенциала железных дорог Смоленской губернии сравним статистические данные по объему грузоперевозок по имеющимся линиям, а также объемам грузов, отправленных с крупных станций в разные периоды (табл. 1).

Таблица 1

**Данные по объему грузоперевозок железных дорог
Смоленской губернии**

Железная дорога	Все товары малой скорости вообще, тыс. пуд.		
	1882 год	1895 год	1913 год
Московско-Брестская	81 522	100 815	232 960
Николаевская (л. Лихославль – Вязьма)	8 068 (Новоторжская л.)	119 075	24 935
Риго-Орловская	77 268	117 647	363 063
Сызрано-Вяземская (л. Вязьма – Батраки) (с 1870 года)	42 502	72 940	225 422
Московско-Виндаво-Рыбинская (с 1900 года)	–	–	144 935
Рязано-Уральская (л. Смоленск – Богоявленск) (с 1899 года)	–	–	180 050

По объему грузовых перевозок в конце 1890-х годов на первом месте стояла Московско-Брестская железная дорога (145 млн пуд. в год), второе место занимала Риго-Орловская (118 млн пуд.), за ними шла Сызрано-Вяземская (31 млн пуд.), Новоторжская (9 млн пуд.). За 1894–1898 годы в Смоленской губернии со всех станций было отправлено грузов в среднем 37 772,6 тыс. пуд. и прибыло 13 092,4 тыс. пуд. Из Смоленской губернии отправляли в основном дрова и лесные материалы, а принимали хлеб, нефть и керосин, соль каменную

и поваренную, каменный уголь. По количеству отправленных товаров в среднем за пять лет можно выделить станции-лидеры: Дорогобуж, Издешково, Вязьма, Ярцево, Смоленск, Рославль. По количеству прибывших товаров в среднем за пять лет выделяют станции Вязьма, Гжатск, Смоленск, Ярцево, Дорогобуж, Сычевка, Рославль [Мейен, 1902].

Из таблицы 1 видно, что Московско-Брестская железная дорога, сооруженная в 60–70-е годы XIX века, в 1913 году увеличила перевозки товаров в 2,9 раза по сравнению с 1882 годом и в 2,3 раза по сравнению с 1895 годом. В области Верхнего Поднепровья более всего по железным дорогам отправляли хлеб (58 млн пуд.), лесные строительные материалы (46 млн пуд.) и дрова (38 млн пуд.). Главным грузом, доставляемым в губернию, был хлеб с юго-востока по Риго-Орловской линии (77 млн пуд.). В Смоленской губернии не хватало своего хлеба, что было причиной постоянного недоедания и массового голода в губернии. Железные дороги давали крестьянскому населению не только временные заработки, но и возможность покупать хлеб. В Смоленской губернии, богатой лесом, строительными и поделочными материалами, грузили для Москвы, Петербурга и других городов эти «лесные произведения».

Для отгрузки дров и лесных строительных материалов наиболее крупными пунктами отправления являлись: Смоленск (9,5 млн пуд. дров) и Дорогобуж (1,75 млн пуд. дров), Вязьма и Смоленск (каждый около 2 млн. пудов лесных строительных материалов).

Московско-Брестская железная дорога была проведена по малопродуктивной местности; она не совпадала с главнейшим движением хлебных грузов из центральных и юго-восточных губерний к портам, поэтому для перевозки хлеба имели значение только отдельные ее участки, например между Вязьмой и Смоленском. Главный груз этой дороги составляли строевой и поделочный лес, а также дрова; по снабжению лесом и дровами она далеко превосходила другие железные дороги [Семенов, 1905].

После заключения в 1893 году торгового договора России с Германией транзитное движение пассажиров и ценных грузов по Московско-Брестской железной дороге возросло. Из Германии и Австрии шли в Москву различные ткани, пряжа, металлические изделия и прочие. Железная дорога Москва – Смоленск являлась ближайшим путем из средней России к среднему течению Вислы, где имелись укрепленные военные пункты.

Грузооборот Московско-Брестской железной дороги в конце 1890-х годов составлял 145 млн пудов. Линия проходила через древние города и населенные пункты Смоленской губернии, что способствовало стимулированию и развитию местных предприятий. Так, например, на станции Гжатск грузили около 0,5 млн пуд. преимущественно дров ввиду обилия леса и отсутствия других предприятий. Также лес и дрова отправлялись со станций

Издешково (до 2,7 тыс. пуд.), Дорогобуж (до 2,7 тыс. пуд.), Михайловская (до 700 тыс. пуд.), Каменка (более 1 млн пуд. леса) [Семенов, 1905].

Совсем другая ситуация складывалась с узловым пунктом Вязьма – древнейшим городом Смоленщины и одновременно крупным торговым центром [Иллюстрированный путеводитель по Московско-Брестской железной дороге, 1975]. Уездный город имел большое торговое значение по вывозу различного сырья и сельскохозяйственных продуктов в Рижский порт. Со станции Вязьма отправляли около 100 тыс. пуд. лесных и земледельческих грузов. Через Вязьму шли рожь, овес, ячмень, пшеница, льняное семя и льноволокно, конопляное масло и волокно, сало, сальные свечи, кожи, юфть, пенька, железо, чугунные изделия, рыба. Помимо внешней торговли, Вязьма вела торговлю с Дорогобужем, Смоленском, Духовщиной, Поречьем, Красным и Белым, а также с Могилевом и Витебском, обеспечивая своими товарами интересы не только своей губернии, но и соседей.

Не менее важной для экономики губернии являлась станция Ярцево, грузовой оборот которой достигал 3 710 000 пуд. в год. Со станции отправляли главным образом лесные строительные материалы (до 1,5 млн пуд.), мануфактурные товары, хлебные грузы и лен, принимали на станцию также хлебные грузы, дрова и хлопок. В полутора верстах от станции располагалась большая бумагопрядильная и ткацкая фабрика Товарищества Ярцевской мануфактуры А. Хлудова, производившей изделий на 2,5 млн руб. в год при 4200 рабочих. Производимые на фабрике ткани вывозились в азиатские владения России. Также возле станции работали два лесопильных и один кирпичный завод.

В губернском городе Смоленске располагался железнодорожный узел трех линий: Московско-Брестской, Риго-Орловской и Рязано-Уральской. Грузовой оборот станции «Александровская» (Московско-Брестской) железной дороги был незначительным и достигал всего 2 870 000 пуд. в год; отправляли преимущественно хлебные грузы и лесные строительные материалы, получали каменный уголь и хлебные грузы [Иллюстрированный путеводитель по Московско-Брестской железной дороге, 1975]. Грузооборот станции Смоленск Риго-Орловской железной дороги был более значителен – около 15 млн пуд. Рязано-Уральская ветвь в Смоленске при тех же преобладающих грузах не имела своей станции и пользовалась платформой Риго-Орловской железной дороги.

Второе место после Московско-Брестской железной дороги по объему перевозок занимала Риго-Орловская линия. Крупнейшими ее станциями, принимавшими и отправлявшими грузы, являлись Смоленск, Починок (более 1,5 млн пуд. лесных и хлебных грузов), Рославль (до 1100 тыс. пуд. хлебных и лесных грузов). Стоит упомянуть, что Рославль был одним из древнейших смоленских городов и центром торговли хлебом: оживление торговли произошло после открытия Поречской пристани и возобновления

водного сообщения с Ригой. С 1882 по 1895 год грузоперевозки увеличились примерно в 3 раза, а с 1882 по 1913 год – в 4,5 раза [Статистический сборник Министерства путей сообщения, вып. 11].

Новоторжская линия Николаевской железной дороги проходила лишь по северу Смоленской губернии, поэтому крупных станций на территории региона было немного. Среди них известны станции Касня, грузившая до 60 тыс. пуд. дров и лесных материалов, Дугино – до 50 тыс. пуд. того же груза и Сычевка – до 120 тыс. пуд. лесных материалов, пеньки, льна, льняного семени, пуха и пера. За 1907–1909 годы по Новоторжской линии было отправлено в среднем 2406 тыс. пуд. грузов и принято 2755 тыс. пуд. грузов [Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губернии, 1912].

Сызрано-Вяземская железная дорога проходила по Вяземскому уезду всего на протяжении восьми верст, пролегая главным образом по территории Юхновского уезда. В пределах этого отдаленного восточного уезда губернии находились станции Исаково (около 20 тыс. пуд. лесных материалов) и Темкино (до 70 тыс. пуд. того же груза). В начале XX века линия не играла значительной роли в экономике региона по сравнению с другими дорогами: за 1907–1909 годы по Сызрано-Вяземской железной дороге было отправлено в среднем 636 тыс. пуд. грузов, а получено 2608 тыс. пуд. Станция Вязьма, как говорилось выше, служила узловым пунктом трех железных дорог: Сызрано-Вяземской, Московско-Брестской и Новоторжской, что увеличивало значимость Сызрано-Вяземской ветви. В целом главное назначение дороги заключалось в перевозке земледельческих грузов из центральных и юго-восточных черноземных губерний через Смоленск к прибалтийским портам [Семенов, 1905].

Богоявленско-Смоленская железная дорога пролегалла по Смоленской губернии на протяжении 117 верст. Поводом для строительства послужили затруднения в движении хлебных грузов в направлении важнейших балтийских портов Риги и Либавы (Лиепая), а также к западной сухопутной границе. В связи с этим предназначение линии заключалось в разгрузке Сызрано-Вяземской линии, шедшей параллельно Богоявленско-Смоленской, и стремлении обеспечить прямой выход на северо-запад хлебным грузам южных частей Рязанской и Тульской губерний (по мнению современников, она выполняла это «с полным успехом») [Семенов, 1905]. Крупнейшей станцией данной линии на территории Смоленской губернии была станция Ельня, грузившая до 1360 тыс. пуд. грузов, преимущественно лесных материалов и дров. Грузооборот Богоявленско-Смоленской линии на 1913 год составлял 180 050 тыс. пуд.

Таким образом, железнодорожные линии способствовали развитию экономического потенциала региона и включению его во внутренние и внешние торговые связи. Однако стоит задуматься о том, как сильно изменилась бы транспортная и экономическая ситуация в Смоленской губернии,

если бы были реализованы многочисленные проекты железных дорог, составленные представителями уездных земств. Кроме того, в конце XIX века современниками были высказаны предположения о возможной потере Московско-Брестской и Орловско-Витебской линиями своего значения при отсутствии дополнительных ветвей [Семенов, 1905].

В 1868 году по всем губерниям империи была разослана брошюра, автором которой являлся член Петровской уездной земской управы Саратовской управы Валериан Иванович Кирхнер. В брошюре Кирхнер призывал земства принимать активное участие в развитии железнодорожного дела страны [ГАСО, ф. 7, оп. 1, д. 60, 1]. Также Кирхнер утверждал, что железнодорожный путь должен прокладываться там, где он может служить для подвозки материалов от складочных мест, поперечин, рельсов и прочего на вагонах; в противном случае гужевая подвозка обойдется в восемь раз дороже.

Несмотря на оптимистический настрой Кирхнера и убедительные доводы, приводимые им в брошюре, не все губернии живо откликнулись на инициативу саратовского земца. Так, призыв к активному строительству конно-железных или железных дорог не возымел должного эффекта на Смоленщине. Ельнинское уездное земство указало на невозможность реализации планов по железнодорожному строительству из-за неурожаев; Юхновское, «не отвергая пользы железно-конной дороги в густонаселенных местностях, изобилующих продуктами, при малом населении и непроизводительности земли, не нашло ни пользы, ни средств к устройству у себя конно-железной дороги»; Краснинское и Духовщинское земства указали на недостаток материальных средств и отложили принятие вопроса о дорожном строительстве на будущее, а на заседании Сычевского уездного собрания брошюра Кирхнера не была рассмотрена вообще [ГАСО, ф. 7, оп. 1, д. 60, 4–12]. Таким образом, в 1860-е годы земская инициатива в сфере железнодорожного строительства ограничилась ходатайством о строительстве железной дороги Москва – Смоленск во второй половине 1860-х годов в связи со «смоленским голодом». Однако, как известно, Смоленское земство не участвовало в создании и эксплуатации железной дороги.

Ситуация в корне меняется к концу XIX века. После завершения строительства Московско-Брестской железной дороги в правительство и Министерство путей сообщения из различных уездов и губерний поступало огромное количество проектов и предложений о строительстве новых железных дорог. Особое место отводилось линиям, соединяющим промышленные и торговые города внутри губернии. Так, например, предлагалось соединить города Дорогобуж и Рославль железной дорогой, проходящей через Ельню. В докладе Ельнинскому уездному земскому собранию обращалось внимание на то, что в земледельческом Ельнинском уезде отсутствует фабричная и заводская промышленность, что Ельня лишена «всякого жизненного нерва», в связи с чем в уезде распространены сильная бедность и «экономическое стеснение» населения [ГАСО, ф. 7, оп. 2, д. 137, 1]. Из-за

отсутствия удобных наземных путей сообщения жители уезда вынуждены ждать дешевого зимнего пути, что приводит к задержке торговли [ГАСО, ф. 7, оп. 2, д. 137, 25]. Отмечались крайне низкие цены на все товары из-за отсутствия сообщения с другими рынками, а также дороговизна гужевой перевозки (например, до 25 коп. с пуда в Починок на расстояние 55 верст).

Большая часть проектируемой линии Дорогобуж – Рославль должна была пройти через Ельнинский уезд (84 версты из 120). Это вселяло надежду в ельнинских земцев, считавших, что дорога выведет население уезда из «непроглядной кабалы». Выгода строительства линии Дорогобуж – Рославль подтверждалась следующими аргументами: 1) постройка железной дороги не должна была вызывать затруднений из-за очень ровной и не пересеченной ни оврагами, ни реками, ни болотами местности (мост через Десну ниже Ельни примерно на 20 сажень); 2) железная дорога от Дорогобужа на Рославль рассматривалась как обходная линия, с помощью которой удалось бы избежать скопления грузов и подвозов на станцию Смоленск в направлении западных границ и обратно ввиду невозможности расширения станции по местным условиям [ГАСО, ф. 7, оп. 2, д. 137, 28–30].

Множество предложений было высказано по поводу соединения Дорогобужа с другими городами или железными дорогами. Из Дорогобужа вывозили пеньку, лен, коноплю, хлебные продукты, кустарные изделия, белый и красный кирпич, торф, дрова, лесные материалы, кожи, масло, сыр и другие сельскохозяйственные продукты. Видя богатый экономический потенциал станции Дорогобуж (через нее ежегодно проходило 1 млн 300 тыс. пуд. грузов [ГАСО, ф. 7, оп. 2, д. 137, 28]), земства стремились развивать торговую и промышленную деятельность уезда и повышать экономическое благосостояние населения соседних уездов, удаленных от благоустроенных путей сообщения. В связи с этим считалось необходимым соединить город Дорогобуж подъездным железнодорожным путем с Московско-Брестской дорогой или провести железнодорожную ветвь, соединяющую линию Москва – Брест с Орловско-Витебской железной дорогой с условием, чтобы она проходила через Дорогобуж [ГАСО, ф. 7, оп. 2, д. 137, 19].

Ходатайство Дорогобужской уездной земской управы было представлено на рассмотрение товарищу министра внутренних дел Сипягину. 12 марта 1895 года он уведомил губернатора о том, что Комиссия по проектам подъездных путей хотя и включила Дорогобуж в список станций, но не нашла возможным поддержать ходатайство из-за невозможности рассчитывать на такое количество грузов, которое сколько-нибудь оправдывало бы необходимость строительства [ГАСО, ф. 7, оп. 2, д. 137, 53].

Такая же судьба постигла и проект Духовщинского земства по проведению линии между Духовщиной и Ярцевом. По данным гласного Духовщинского уездного земского собрания К.И. Ровинского, в 1892 году на станции Ярцево было нагружено товаров для отправки из Духовщинского уезда

1 233 488 пуд. 1 фунт. Кроме того, из общего числа ежегодно нагружаемых и выгружаемых пудов товаров примерно 400 000 пуд. принадлежали Ярцевской мануфактуре [ГАСО, ф. 7, оп. 2, д. 137, 33].

Железная дорога Духовщина – Ярцево должна была заменить гужевую подвозку леса из Духовщины и хлеба из Бельского уезда, невыгодную земству и предприятиям во всех отношениях. Отмечалось, что неудобный для торговли Ярцевский тракт ежегодно обходится уезду в немалую сумму, что и должна исправить железная дорога [ГАСО, ф. 7, оп. 2, д. 137, 34].

Кроме того, по мнению земства, железная дорога дала бы возможность оживить край, повысить заработки крестьян, увеличить объем сбыта землевладельцами своих материалов, а также оказать большое влияние на развитие культуры в уезде.

Полезьа от наличия железной дороги в Духовщине была очевидна: за период с 1890 по 1893 год ежегодно на станции Ярцево отгружали товаров из Духовщины (за исключением товаров Хлудовской бумагопрядильной фабрики) до 300 тыс. пуд. и до 2500 вагонов по 610 пуд. дров каждый, а выгружали на этой же станции более 300 тыс. пуд. ежегодно (1893 год – 373 535 пуд.) [ГАСО, ф. 7, оп. 2, д. 137, 38].

Инициатива строительства железной дороги Духовщина – Ярцево была поддержана и министром путей сообщения А.К. Кривошеиным, который выразил мнение, что железная дорога может быть построена в связи с постоянным увеличением грузопотока между Духовщиной и Ярцевом. Однако, несмотря на благоприятные прогнозы и министра, и гласных Духовщинского земства, дорога так и не была сооружена [ГАСО, ф. 7, оп. 2, д. 137, 33].

На рубеже XIX–XX веков в Смоленской губернии далеко не все уезды получали выгоду от близлежащих железных дорог. Так произошло с Краснинским уездом: на территории уезда не было ни сплавной реки, ни железной дороги, что повлияло на его хозяйственную деятельность. В Краснинском уезде отсутствовали торговые и промышленные предприятия, а все хозяйство населения было сосредоточено на земледелии и скотоводстве [ГАСО, ф. 7, оп. 2, д. 5, 2].

Необходимость создания железной дороги в уезде была вызвана сельскохозяйственным кризисом, дороговизной труда, невозможностью скорой доставки продуктов местных производств, с одной стороны, и ежегодным оттоком населения в большие промышленные центры – с другой.

При этом представители Краснинского земства не без основания указывали на выгоды географического положения уезда. С севера он был ограничен четырьмя железными дорогами: Риго-Орловской, Брянско-Гомельской, Полесской и Московско-Брестской. Уезд мог принимать участие в экономической интеграции белорусских губерний и промышленных центров, таких как Москва, Рига и Либава. Более того, количество грузов, провозимых в направлении Смоленска, Красного, Горок и Могилева, составляло до 1 100 000 пуд.

ежегодно (в основном хлеб, лес, мануфактурные товары, продукты фабрично-заводской промышленности) [ГАСО, ф. 7, оп. 2, д. 5, 25].

В связи с этим губернское земское собрание ходатайствовало о проведении железнодорожной линии через Красный в направлении Смоленск – Красный – Горки – Могилев – Бобруйск. Однако в 1898 году земство получило от правительства отказ. При этом отмечалось, что сооружение дороги планировалось в ближайшем будущем на казенные средства [ГАСО, ф. 7, оп. 2, д. 5, 29].

В такой же ситуации, как и Красный, оказался Бельский уезд: географическое положение и недостаточное железнодорожное сообщение губернии оставили его без торгового и пассажирского сообщения с другими городами и губерниями. Уже неоднократно Бельское земство заявляло о необходимости строительства на его территории железной дороги. Проведенная по некоторым волостям уезда Московско-Смоленская линия не принесла значительных изменений в экономическом и социальном положении, так как она была удалена от большинства волостей Бельского уезда. Отсутствие железных дорог негативным образом сказывалось на экономике уезда: на рынке Белого местные товары не пользовались спросом и не обладали устойчивой ценой, что вынуждало землевладельцев продавать свои товары в Ржев и Сычевку. Современники отмечали торговый и промышленный потенциал Бельского уезда, поэтому настаивали на строительстве на его территории железной дороги, ведущей к другим городам или уже имеющимся железным дорогам [ГАСО, ф. 7. оп. 2, д. 92, 3].

Бельское земство активнее остальных в губернии выступало с различными проектами и предложениями о начале строительства той или иной дороги, проходящей через Белый. Так, например, в 1869 году Бельским земством был рассмотрен проект Александра Васильевича Пенского о строительстве линии Рудня – Тверь. Задача дороги заключалась в соединении Двинских пристаней с Верхневолжскими. По мнению самого Пенского, строительство должно было оживить богатые лесные Бельский и Поречский уезды, а также дать толчок фабричной и заводской промышленности этих местностей [ГАСО, ф. 1, оп. 5, д. 11, 20].

В результате представления проекта Рудневско-Тверской железной дороги в Петербурге Бельскому земству удалось получить официальное разрешение на строительство пути. По материалам дела известно, что император Александр II разрешил произвести за счет земства Смоленской губернии Бельского уезда изыскания по строительству железной дороги [ГАСО, ф. 1, оп. 5, д. 11, 15]. Однако этот проект, как и многие другие, так и не был реализован.

В 1870 году тверской губернский гласный А.Н. Трубников внес в губернское собрание проект о проведении железнодорожного пути от Волгоды на Рыбинск, Мышкин, Кашин, Тверь и далее через Старицу, Ржев, Белый, Поречье и Оршу с веткой на Сураж.

Трубников придавал важное транзитное значение этой линии, соединяющей бассейны Белого, Черного, Каспийского и Балтийского морей. Главная же ее цель – обеспечить дешевую доставку рыбинских грузов к западным портам по проектируемой линии до Суража и далее водным путем по Западной Двине. Проектируемая линия была перпендикулярна Николаевской железной дороге, что позволяло сосредоточить в Твери грузы из Смоленской, Витебской и Тверской губерний и повысить значимость Твери как центра торговли (см. рис. 3).

Рис. 3. ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 72

Но этот проект подвергли сомнению, так как Орша до сих пор не являлась пунктом, который бы сколько-нибудь влиял на привлечение к себе пассажирского или товарного движения [ГАСО, ф. 7, оп. 1, д. 72, 5].

В 1903 году Бельская уездная управа ходатайствовала о проведении железнодорожной линии от Ржева через Белый на Велиж, Витебск до станции Вилейки Либаво-Роменской железной дороги [ГАСО, ф. 7, оп. 2, д. 92, 1]. Также имелось альтернативное направление Вязма – Белый – Юрьев – Ре-

вель. Ради успешной реализации этого дела Бельское земство начало сотрудничать с Псковским земством, которое также было заинтересовано в сооружении указанной линии. Но в строительстве и первой, и второй дороги было отказано, поскольку предложений о строительстве за счет частных средств не поступало, а казенных средств для этого не было [ГАСО, ф. 7, оп. 2, д. 92, 13].

В 1910 году в министерство был подан проект железной дороги Орел – Сухиничи – Вязьма – Белый – Старая Русса – Балтийское море. Также был намечен вариант от Белого через Старую Руссу, Шимск с примыканием к Балтийской железной дороге у Нарвы. По проекту дорога пролегла по местности, относительно бедно обслуживаемой железными дорогами, а по своему направлению совпадала с естественным грузовым тяготением к портам. В связи с этим Орловский регион мог получить выход к Петербургу, примерно на 60–80 верст сокращенный против существовавшего направления через Москву, и более короткий (на 180 верст меньше) путь к аванпосту Петербурга – Ревелю [ГАСО, ф. 7, оп. 3, д. 170, 7]. Также в проекте была отмечена выгода указанного направления, поскольку главный предмет вывоза – лен – шел исключительно к портам Балтийского моря. По итогам многочисленных заседаний порайонного комитета было решено, что линия не будет иметь важного значения ни для государства, ни для близлежащих губерний [ГАСО, ф. 7, оп. 3, д. 170, 32].

В 1911 году предпринимателями был предложен проект Москва – Вильно, имевший не только экономическое, но и стратегическое значение. По проекту линия начиналась от станции Пресня Московской окружной дороги, проходила мимо Звенигорода и Рузы, пересекала железную дорогу Ржев – Вязьма около станции Новодурино, шла мимо Поречья на Витебск, пересекала участки Риги-Орловской дороги Витебск – Смоленск и Витебск – Орша у станции Заболотинка и платформы Могучаго. Далее вела мимо города Лепеля, пересекая линию Полоцк – Волковыск у станции Будслав, примыкала к станции Нововилейск на расстоянии 780 верст от станции Пресня. Задачей линии стало приобщение к экономической жизни обширных территорий Смоленской губернии, страдающих от недостатка путей сообщения, «обреченных на экономическое прозябание», ограниченных с юга железной дорогой Москва – Брест, а с севера – линией Московской сети Общества Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги.

Дорога дала бы возможность кратчайшего выхода на крупнейший рынок России – Москву и один из самых важных экономических центров западной России – Вильну, а через нее и к незамерзающему порту Балтийского моря – Либаве. Также дорога должна была использоваться для переброски значительных масс войск из пунктов их постоянного расквартирования в Виленский район. Отмечалось, что Виленский район совершенно отрезан от центра государства, хотя именно сюда будет направлен главный удар германской армии, так как на линию

Петербург – Варшава рассчитывать нельзя, а Либаво-Роменская железная дорога по своему направлению вряд ли пригодна для роли коммуникационной линии [ГАСО, ф. 7, оп. 2, д. 126, 3].

Осенью 1911 года начались изыскания линии. Одновременно собирали статистические данные о промышленности, торговле, сельском хозяйстве тех районов, по которым собирались прокладывать дорогу, с помощью вопросных листков (см. рис. 4), рассылаемых владельцам торгово-промышленных и фабрично-заводских предприятий. По результатам изысканий частными предпринимателями было установлено направление линии: через город Поречье по Поречскому, Духовщинскому, Бельскому, Сычевскому и Гжатскому уездам – огромный район пяти уездов, территорий, наиболее отдаленных от путей сообщения.

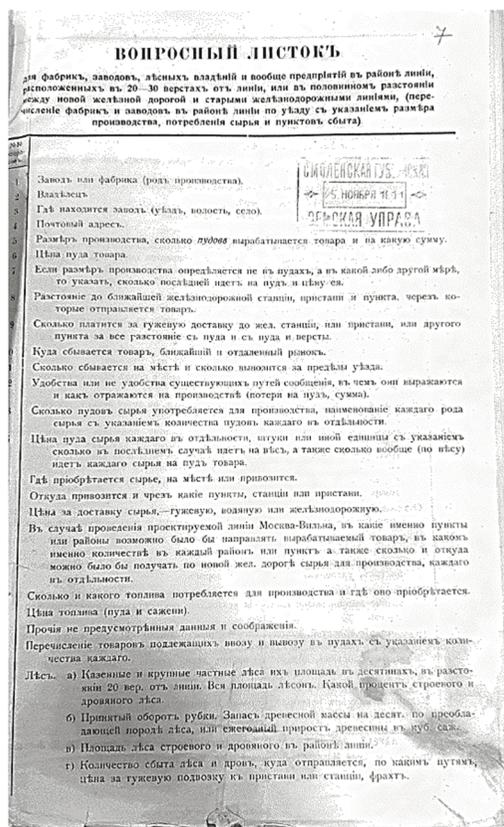

Рис. 4. Вопросный листок. ГАСО. Ф. 7. Оп. 2. Д. 126. Л. 7

В типографии Министерства путей сообщения в Петербурге была издана экономическая записка в дополнение к проекту Московско-Виленской железной дороги, где были собраны все статистические данные, перечень станций и разъездов линии. Однако дальнейшая судьба линии нам неизвестна, так как нет никаких данных о начале строительства или отмене рассмотрения дела.

В истории развития железнодорожного строительства в Смоленской губернии известен проект Средне-Русской железной дороги, соединяющей Рославль и Рязань. Необходимость сооружения линии выражалась в «переживаемом экономическом кризисе из-за односторонности хозяйства России» [ГАСО, ф. 7, оп. 3, д. 109, 2].

Единственный выход, по мнению авторов проекта, был в развитии промышленности: так как Россия богата каменным углем и превосходной рудой, то во главе промышленного развития должна идти добывающая промышленность и металлургия. Также был дан прогноз, что богатств Донецкого бассейна хватит лет на 25, в связи с чем встал вопрос об открытии в Центральной России новых металлургических заводов (Калужская и Тульская губернии – мощные и надежные запасы железной руды). Также средняя полоса богата каменным углем, так необходимым для промышленности страны.

Средне-Русская железная дорога признавалась кратчайшим путем между западом России с его пограничными пунктами и железными дорогами (Москва – Казань, Рига – Урал, Смоленск – Вязьма) с заволжскими дорогами, за исключением Пермской, а также в сообщении между портами Балтики – Ригой, Либавой и Виндавой [ГАСО, ф. 7, оп. 3, д. 109, 6].

Несмотря на всю выгоду и пользу этой проектируемой линии, Средне-Русская железная дорога не была построена. Управление делами Московского порайонного комитета признало постройку линии желательной, однако реализация проекта была отложена на неопределенный срок.

Таким образом, в конце XIX – начале XX века на территории Смоленской губернии действовали шесть железных дорог, подтолкнувших экономическое развитие региона. После сооружения Московско-Брестской железной дороги активизировалась земская инициатива по проектированию недостающих линий дорог. Однако множество проектов так и не было реализовано, так как большинство из них имело локальное, а не государственное значение.

ЛИТЕРАТУРА

Белогурова Т.А. История железных дорог на территории Смоленской области: монография. Смоленск, 2018. 279 с.

Блиох И.С. Влияние железных дорог на экономическое состояние России. В 5 т. Т. 1. СПб., 1878.

Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 5. 1869. № 11. Л. 15.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 11.

ГАСО. Ф. 7. Оп. 2. Д. 137.

ГАСО. Ф. 7. Оп. 2. Д. 5.

ГАСО. Ф. 7. Оп. 3. Д. 109.

ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 60.

ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 72.

ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 51.

ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 66 (ОЦ).

ГАСО. Ф. 7. Оп. 2. Д. 92.

ГАСО. Ф. 7. Оп. 2. Д. 126.

- ГАСО. Ф. 7. Оп. 3. Д. 170.
- Голубев А.А. Роль строительства Мурманской железной дороги в развитии Северо-Западного региона в период модернизации (2-я пол. XIX – нач. XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2012. 46 с.
- Горская Н.И. Земство, администрация и «смоленский голод» конца 1860-х – начала 1870-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2022. № 5. С. 23–45.
- Гудкова О.В. Строительство Северной железной дороги и ее роль в развитии северного региона (1858–1917 гг.). Вологда: Древности Севера, 2002. 192 с.
- Иллюстрированный путеводитель по Московско-Брестской железной дороге. Издан к столетнему юбилею Отечественной войны. М., 1975.
- Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губернии / Стат. отделение Смоленской губернской земской управы. Смоленск: Смол. губ. зем. управа, 1912. 299 с.
- Мейен В.Ф. Россия в дорожном отношении. В 3 т., с прил. 5 картограмм и карт. губерний. СПб., 1902. Т. 2. 934 с.
- Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров: исторический очерк, составленный начальником отделения канцелярии Комитета министров Н.А. Кислинским, под главною редакциею статс-секретаря Куломзина. СПб.: Канцелярия Ком. министров, 1902. 352 с.
- Россия. Министерство путей сообщения. Статистический сборник Министерства путей сообщения. СПб., 1877–1920. Вып. 11.
- Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В.П. Семенова; под общ. рук. П.П. Семенова и В.И. Ламанского. СПб., 1899–1914. Т. 9: Верхнее Поднепровье и Белоруссия: [Смоленская, Могилевская, Витебская и Минская губернии] / сост. В.П. Семенов [и др.]. 1905. 619 с.

N.V. Vasilkova
4th Year Student,
Faculty of History and Law,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Railways of the Smolensk Province in the Context of Economic Modernization (Second Half of the 19th – Early 20th Century)

The article examines the process of building railways on the territory of the Smolensk province in the second half of the 19th – early 20th centuries. The author abbreviated the history of six railways built in the Smolensk region during the specified period, and gives indicators on the volume of freight traffic at the turn of the 19th – 20th centuries. The work uses data from previously unpublished sources of the State Archives of the Smolensk Region, containing information about unrealized projects of county zemstvos for the construction of new railway lines. In the course of the study, a significant impact of railways on the economic and social development of the region was noted, and a conclusion was made about the uneven distribution of railways across the counties of the Smolensk province.

Keywords: *modernization; Smolensk province; railways; late 19th – early 20th centuries; Ministry of Railways; zemstvo.*

REFERENCES

Belogurova T.A. History of railways on the territory of the Smolensk region [Istoriya zheleznyh dorog na territorii Smolenskoj oblasti]. *Monograph*. Smolensk, 2018. 279 p. (in Russian).

Bliokh I.S. The influence of railways on the economic state of Russia [Vliyanie zheleznyh dorog na ekonomicheskoe sostoyanie Rossii]. In 5 volumes. Vol. 1. St. Petersburg, 1878. (in Russian).

The State Archive of the Smolensk Region (SASR). F. 1. Op. 5. 1869. No. 11. L. 15.

SASR. F. 1. Op. 5. D. 11 (in Russian).

SASR. F. 7. Op. 2. D. 137 (in Russian).

SASR. F. 7. Op. 2. D. 5 (in Russian).

SASR. F. 7. Op. 3. D. 109 (in Russian).

SASR. F. 7. Op. 1. D. 60 (in Russian).

SASR. F. 7. Op. 1. D. 72 (in Russian).

SASR. F. 7. Op. 1. D. 51 (in Russian).

SASR. F. 7. Op. 1. D. 66 (OC). (in Russian).

SASR. F. 7. Op. 2. D. 92 (in Russian).

SASR. F. 7. Op. 2. D. 126 (in Russian).

SASR. F. 7. Op. 3. D. 170 (in Russian).

Golubev A.A. The role of the construction of the Murmansk railway in the development of the North-Western region during the period of modernization (2nd half of the 19th – early 20th centuries) [Rol' stroitel'stva Murmanskoy zheleznoj dorogi v razvitii Severo-Zapadnogo regiona v period modernizacii (2-ya pol. XIX – nach. XX vv.)]. Abstract of dissertation ... doctor of Philological Sciences. St. Petersburg, 2012. (in Russian).

Gorskaya N.I. Zemstvo, administration and the «Smolensk famine» of the late 1860s – early 1870s [Zemstvo, administraciya i «smolenskij golod» konca 1860-h – nachala 1870-h gg.]. *Bulletin of Moscow University*. Series 8. History, pp. 23–45 (in Russian).

Gudkova O. V. Construction of the Northern Railway and its role in the development of the northern region (1858–1917) [Stroitel'stvo Severnoj zheleznoj dorogi i ee rol' v razvitii severnogo regiona (1858–1917 gg.)]. Vologda: Antiquities of the North, 2002. 192 p. (in Russian).

Illustrated guide to the Moscow-Brest Railway [Illyustrirovannyj putevoditel' po Moskovsko-Brestskoj zheleznoj doroge]. Published for the centenary of the Patriotic War. Moscow, 1975. (in Russian).

Brief economic and statistical information on the Smolensk province / State branch of the Smolensk provincial zemstvo government [Kratkie hozyajstvenno-statisticheskie svedeniya po Smolenskoj gubernii / Stat. otdelenie Smolenskoj gubernskoj zemskoj upravy]. Smolensk: Smolensk provincial zemstvo government, 1912. (in Russian).

Meyen V.F. Russia in terms of roads [Rossiya v dorozhnom otnoshenii]. In 3 volumes, with appendix of 5 cartograms and maps of provinces. Compiled by the road inspector at the Ministry of Internal Affairs V.F. Mayen. 1902. Vol. 1–3. Vol. 2. (in Russian).

Our railway policy according to documents from the archives of the Committee of Ministers [Nasha zheleznodorozhnaya politika po dokumentam arhiva Komiteta ministrov]. *A historical essay compiled by the head of the office of the Committee of Ministers N.A. Kisilinsky, under the chief editorship of State Secretary Kulomzin*. St. Petersburg: Office of the Com. ministers, 1902. (in Russian).

Russia. Ministry of Railways [Ministerstvo putej soobshcheniya]. *Statistical collection of the Ministry of Railways / Russia*. St. Petersburg, 1877–1920. Issue 11. (in Russian).

Russia. A complete geographical description of our Fatherland. A reference and travel book for Russian people [Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva: nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkih lyudej]. Edited by V.P. Semenova under general hands of P.P. Semenov and V.I. Lamansky. St. Petersburg: 1899–1914. Vol. 9: The Upper Dnieper and Belarus: [Smolensk, Mogilev, Vitebsk and Minsk provinces]. Compiled by V.P. Semenov [and others]. 1905. (in Russian).

Л.И. Ивонина

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 94

DOI 10.35785/2072-9464-2024-65-1-189-201

ИТОГИ ВОЙНЫ АУГСБУРГСКОЙ ЛИГИ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РИСВИКСКОГО МИРА 1697 ГОДА

Ключевые слова: мир в Рисвике; война Аугсбургской лиги; договор; международное право; трансляция; репрезентация.

С позиций системного подхода и метода ивент-анализа автор статьи поставила цель рассмотреть международно-правовое значение конгресса в Рисвике 1697 года, который подвел итоги войны Аугсбургской лиги (1688–1697), и показать его роль в трансляции последующих международных форумов. В результате анализа итогов войны и мирных договоров сделан ряд умозаключений. Рисвикские соглашения имели этапный характер. Франция, против которой сплотилась почти вся Европа, ничего не приобрела, однако коалиции европейских государств не удалось вернуть ее обратно в свои границы. Тем не менее впервые с начала европейских войн Людовика XIV международная ситуация качнулась к равновесию. Несмотря на то что конгресс в Рисвике не разрешил все назревшие проблемы, он подготовил международно-правовую основу дальнейших дипломатических дискуссий и решений на конгрессах в Утрехте (1713) и Раиштатте (1714), в результате которых в международном праве была впервые официально зафиксирована метафора «баланс сил». Наконец, после заключения Рисвикского мира жители Европы стали регулярно получать информацию о войнах, переговорах, встречах монархов и дипломатов, династических альянсах из специальных международных изданий.

В историографии заключению мира в Рисвике, венчавшему завершение войны Аугсбургской лиги (1688–1697), уделяется не столь много внимания по сравнению с предшествовавшими или более поздними европейскими конгрессами, например с Нимвегенским (1678–1679) или Утрехтским (1713). По мнению ряда специалистов, конгресс в Рисвике ничего, по сути, не решил. Спустя три года после его заключения в Европе разразились две крупные войны – война за Испанское наследство (1701–1714) и Северная война (1700–1721) [Duchhardt, 1997, 78; Malettke, 1998, 1]. Между тем данное событие стало знаковым в том отношении, что заключенные договоры позволили поднять и сформулировать ряд важнейших проблем не только европейской дипломатии и международного права, но и внутренней политики государств-участников. Например, по мнению британского историка

Дж. Блэка, с этого времени можно говорить о начале эпохи «вигского интервенционизма» в английской политике [Black, 1998, 122–127]. Кроме того, в Рисвике чрезвычайно расширился состав участников, да и просто наблюдателей. Общеизвестно, что именно в это время Гаагу со своим Великим посольством посетил русский царь Петр I. Наконец, Рисвик, как отмечено в современных исследованиях, положил начало широкой трансляции европейских конгрессов [Duchhardt, 2019, 145].

В связи с этим автор статьи преследует цель с позиций системного подхода и метода ивент-анализа определить международно-правовое значение Рисвикского мира и его роль в трансляции последующих международных конгрессов. Системный подход позволяет оценить место и роль государств – участников Рисвикского конгресса в ходе изменений в системе международных отношений во время войны Аугсбургской лиги и выделить детерминанты, влияющие на их внешнюю политику. Метод ивент-анализа (анализа событий) помогает проследить динамику внутри- и внешнеполитических событий в государствах Европы с целью определения их влияния на ход конгресса и выявления основных тенденций развития политической ситуации.

Примечательно, что Конгресс в Рисвике венчал заключение длительного военного конфликта, у которого не имеется достаточно стабильного названия. В немецкой и французской историографии вооруженные столкновения на протяжении девяти лет, начатые Людовиком XIV с вторжения в Пфальц в 1688 году, часто именуют либо Девятилетней войной, либо войной за Пфальцское наследство [Блюш, 1998; Desprat, 2003; Duchhardt, 1997]. Если первое название представляется понятным (по количеству военных лет), то второе обусловлено тем, что пфальцское наследство стало поводом к войне и занимало одно из центральных мест на мирных переговорах. К тому же военные действия на континенте чаще всего велись под лозунгом «войны за Пфальц». Вместе с тем умы дипломатов и политиков занимали североитальянский конфликт и проблема английского престолонаследия. Война Аугсбургской лиги началась практически одновременно со Славной революцией в Англии в ноябре 1688 года, в результате которой произошла политико-правовая фиксация трансформаций, начавшихся на Альбионе во времена потрясений середины столетия, а английский престол вместо Якова II Стюарта занял статхаудер Республики Соединенных провинций Вильгельм III Оранский. Людовик XIV не признал нового английского монарха, ибо им стал, усилившись вдвойне, его традиционный противник на континенте. Поддержка Версалем якобитов – сторонников свергнутого Якова Стюарта – была характерной чертой европейской войны и являлась центральным вопросом на переговорах в Рисвике между Англией и Францией. Поэтому неудивительно, что в англо-американской историографии войну 1688–1697 годов часто называют «войной короля Вильгельма» [Jones, 1984, 279; Israel,

1991, 7]. Война в Ирландии против Якова II и французских формирований продолжалась до конца 1691 года, после чего Вильгельм III послал войска на континент и субсидировал немецких союзников.

В принципе горизонты новой общеевропейской войны были уже явно видны с середины 80-х годов: во-первых, когда произошла отмена Нантского эдикта во Франции (1685 год), вызвавшая активную идейно-политическую и правовую войну за свободу вероисповедания и против тирании не только в самой Франции, но и на континенте; во-вторых, когда в июне 1686 года в Аугсбурге под эгидой папы римского была создана антилюдовиковская коалиция европейских государств. Появление Аугсбургской лиги расценили в Версале как попытку окружения и политической изоляции Франции. В этих международно-правовых условиях Людовику было удобно решить проблему пфальцского наследства, перешедшего в 1685 году к ветви Нейбургов, в пользу герцогини Орлеанской, дочери пфальцкого курфюрста Карла-Людвига, вышедшей еще в 1671 году замуж за брата короля [Hanotaux, VII, 1889, XVI–XVII].

Идейно-правовой прелюдией к войне явился манифест Людовика XIV от 24 сентября 1688 года, в котором утверждалось, что именно Аугсбургская лига является агрессором и имеет своей целью нападение на Францию. В этом документе король противопоставлял свое «великодушие» враждебности императора Леопольда I и германских князей, которые якобы не хотели, чтобы перемирие в Регенсбурге 1684 года превратилось в устойчивый мир. Мол, император нарушает основы спокойствия в Европе, заложенные мирными договорами в Мюнстере и Оснабрюке 1648 года, в то время как пфальцские курфюрсты всегда желали предотвратить войну между Францией и Священной Римской империей. Так Версаль в очередной раз не попал под понятие агрессора, хотя это правовое обстоятельство по сути ничего не меняло в ходе дальнейших событий [Hanotaux, VII, 1889, 97–98; *Memoire des raisons qui ont oblige le Roy a reprendre les Armes, et qui doivent persuader toute la Chretiente des finceres intentions de Sa Majeste pour l'affermissement de la tranquillite publique*, MDCLXXXVIII, 3–19].

В этой войне Франция фактически воевала против всей Европы. Согласно международно-правовым нормам Вестфальских соглашений Швейцария оставалась нейтральной, Речь Посполитая, Швеция, Дания, Португалия также не участвовали в конфликте, но и не оказывали Версалю никакой помощи. Расчеты Людовика на содействие Османской империи, терпящей поражение от армий императора Леопольда, не оправдались. Девятилетняя война проходила с переменным успехом на территории Рейнской Германии, Ирландии, Италии и Испании. Только бесперспективность дальнейших военных и финансовых усилий и еще, возможно, предчувствие скорого возникновения проблемы испанского престолонаследия привели Европу к началу мирных переговоров.

К 1696 году Франция, Англия, Империя и немецкие государства находились на грани истощения своих ресурсов. Кроме того, Леопольд I сконцентрировал свои армии на восточном направлении, а в Северной Америке для англичан возникла реальная угроза перехода к Франции городов Нью-Йорка и Бостона, а также потери территорий в районе Гудзонова залива и Новой Земли. Несмотря на неразрешенность ряда поставленных в начале войны задач, Европе была необходима мирная и достаточно эффективная передышка, каковую и обеспечил конгресс в Рисвике (Нидерланды) в 1697 году [*Actes et Memoires des Negotiations de la Paix de Ryswick*, 1699, I, 26–27].

Почва для открытия мирных переговоров прощупывалась Веной и Лондоном еще в 1694–1695 годах. Но тогда Версаль блокировал открытие мирного конгресса, выдвинув английской стороне встречные предложения относительно стюартовского престолонаследия. Тем не менее французские позиции без военных успехов в Испании и Италии, где особенно отличился своими политическими маневрами хитрый герцог Савойский Виктор-Эммануил, выглядели не очень сильными. 29 августа 1696 года между французским королем и герцогом Савойским в Турине был заключен договор, согласно которому Версаль отказался от Пинероло в пользу Савойи [Black, 1998, 123]. Туринский мир разозлил Вену, вызвал беспокойство Лондона и заставил Мадрид отказаться от интервенции в Италию. Осенью 1696 года уже все стороны согласились начать переговоры о мире.

В феврале 1697 года большинство воюющих сторон официально признало Швецию посредником на переговорах и начало подготовку мирной конференции, которая должна была открыться в Рисвике около Гааги в мае того же года. Правда, Леопольд I, изменивший свое мнение и снова желавший продолжать войну, пытался затормозить работу конгресса в ожидании смерти бездетного Карла II Испанского и наследования испанского трона по габсбургской линии. Его канцлеру Кауницу сделать это не удалось, и переговоры в рисвикском Новом замке (Huis ter Nieuburch) торжественно открылись после полудня 9 мая. Первым на место переговоров в 3 часа дня прибыл шведский посредник барон Лиллиенрот на лошади в сопровождении небольшой свиты. В четыре часа приехали посол Баварии, послы Республики Соединенных провинций, императора, Испании, Саксонии, Бранденбурга и ряда других немецких княжеств. Последними около пяти показались английские, возглавляемые лордом Пемброком, и французские (Креси, де Ту, Арле) послы [*Actes et Memoires des Negotiations de la Paix de Ryswick*, 1699, I, 195]. Помимо них Вильгельм III и Людовик XIV назначили графа Портленда и маршала де Буффлера своими личными представителями: они встретились в частном порядке за пределами Брюсселя в июне 1697 года и там согласовывали условия англо-французского договора. Примечательно также, что ряд имперских чинов, к примеру Баден и Бавария, прислали своих представителей, хотя они и не были участниками договоров [Frey L., Frey M., 1995, 389].

Несмотря на прибытие делегатов, переговоры в Рисвике долго не могли сдвинуться с мертвой точки. Раздутый французами еще со времен Нимвегенского конгресса, дипломатический церемониал занял очень много времени. Долго разрешались вопросы о том, чей посол важнее, какое место он будет занимать и что он может при себе иметь. Известный вигский историк Дж. Маколей так описывал процесс переговоров: «...союзники, такие щепетильные в претензиях между собой, будут не очень уживчивы в отношениях с общим неприятелем. Главным занятием Арле (Франция) и Кауница (Империя) было наблюдать за ногами друг друга. Каждый из них считал несовместимым с достоинством своей державы идти навстречу другому быстрее его... Посланники Людовика XIV написали одну бумагу на своем языке. Немецкие послы протестовали против этого нововведения, этого оскорбления достоинства Священной Римской империи, этого нарушения прав независимости других наций и не хотели принимать в соображение эту бумагу, пока она не была переведена с хорошего французского на плохой латинский... В этом торжественном делании пустяков проходила неделя за неделей...» [Маколей, 2000, 133].

Несомненно, Маколей отразил здесь лишь видимые процессы взглядом стороннего наблюдателя тех событий. Внутреннее их содержание являлось куда более сложным. Отметим для начала, что к концу Девятилетней войны антифранцузские настроения в Европе настолько выросли, что в Рисвике вызвал неприятие даже становившийся ранее модным и уже внедрявшийся в международное право французский как язык переговоров. Самыми сложными проблемами на переговорах были статьи договоров с Империей о династическо-правовом статусе Пфальца, о французских границах, а также соглашения с Англией.

Заклученный мир состоял из целой серии договоров, подписанных Францией с членами Аугсбургской лиги. 15–20 сентября 1697 года в Рисвике были подписаны статьи мирных соглашений между Францией, с одной стороны, и Соединенными провинциями, Англией и Испанией – с другой. Камнем преткновения между Лондоном и Парижем по-прежнему являлись английское престолонаследие и статус Якова II. Еще совсем недавно, в конце 1696 года, Людовик собирал в Кале войска под общим командованием изгнанного монарха для вторжения в Англию с целью помочь якобитам. План, однако, не осуществился, поскольку тогда в Англии не было якобитского восстания, а крупные англо-голландские морские силы курсировали в проливах. Восстание зависело от французского вторжения, вторжение от восстания – это была проблема, характерная для всех якобитских заговоров. В конце концов Портленд и Буффлер договорились о том, что Вильгельм III Оранский и его наследники имеют право на британский престол и будут признаны в таком качестве Людовиком XIV. Но Яков II Стюарт вплоть до своей смерти будет носить титул короля. Помимо этого, французский король

обещал отказаться от поддержки любых выступлений против Вильгельма III. Будущее наследников Якова II было обойдено молчанием, что позже привело к потере взаимопонимания между обеими сторонами накануне войны за Испанское наследство. В договоре были зафиксированы привилегии англичан в навигации и торговле, а также то, что французы, проживающие в Англии и в ее колониях, должны подчиняться английским законам [*Actes et Memoires des Negotiations de la Paix de Ryswick*, 1699, III, 196–206].

Несмотря на то, что, как заметил британский историк Д.К. Рихтер в солидном оксфордском издании, «...когда Англия вступила в войну Аугсбургской лиги, североамериканский конфликт перешел в англо-французскую имперскую схватку» [Richter, 1998, 354], в вопросах колониальной политики Рисвикский договор между Англией и Францией можно рассматривать как консервативный. Сложно оспаривать тот факт, что после Славной революции 1688 года Лондон и Версаль превратились в непримиримых противников, но все же в 1689–1697 годах Вильгельм III и Людовик XIV боролись в первую очередь не за колониальное преобладание. Вражда между Англией и Францией концентрировалась на землях Ирландии и Нидерландов, в европейских морских водах, особенно в Ла-Манше и Па-де-Кале. Конфликты в Вест-Индии и Северной Америке были маломасштабными.

В Англии тогда полагали, что американские колонии, население которых к концу XVII века более чем в 17 раз превосходило население Новой Франции, вполне в силах и позаботиться о своей обороне, и вести наступательные операции силами колониальной милиции. В то же время французское министерство делало ставку на индейцев, рассматривая их как основную ударную силу, а также в качестве барьера против англичан. Примечательно, что за все годы Девятилетней войны Франция прислала в Америку всего 615 солдат, а Англия – и того меньше. Так что прав, скорее, коллега Рихтера Б.П. Ленман, отметивший, что «Вильгельм III высадился в Англии не для того, чтобы немедленно заняться колониальными проблемами» [Lenman, 1998, 152]. По условиям VII статьи англо-французского договора обе стороны должны были возвратить друг другу «все страны, острова, крепости и колонии, в каких бы частях света они ни находились», которыми они владели до объявления войны. Акадия (Новая Шотландия) признавалась французским владением, англичане сохраняли свои посты на Ньюфаундленде, а вопрос о принадлежности Гудзонова залива оставался открытым [*Actes et Memoires des Negotiations de la Paix de Ryswick*, 1699, III, 196–206]. Таким образом, в Рисвике колониальные вопросы еще играли ничтожную роль по сравнению с дискуссиями в Утрехте (1713), Экс-ла-Шапель (1748) и Париже (1763). Разве можно их сравнить с взятием англичанами Луисбурга в 1745 году или французами Мадраса в следующем году, не говоря уже о кампаниях в Америке во время Семилетней

войны (1756–1763)? По сути, и это обстоятельство отражало процесс становления Вестфальской системы.

Один из испанских переговорщиков в Рисвике Бернардо де Кирос, подстрекаемый имперской делегацией, упорно требовал возвратиться к положениям Пиренейского договора, то есть к границам между Францией и Испанией на 1659 год. В итоге испанская сторона все-таки приняла к сведению отказ французского короля вернуть свои завоевания в Пиренеях и его готовность вернуть Мадриду земли в Южных Нидерландах, присоединенные к Франции в 1678 году. С Республикой Соединенных провинций Версаль подписал договор о торговле и навигации, согласно которому Нидерланды стали пользоваться льготами в рыбной торговле и при ввозе во Францию изделий своих мануфактур, а голландские суда были освобождены от пошлины в 50 су с тонны при входе в гавани Франции [Childs, 2013, 340].

Вообще, согласно многочисленным соглашениям и мемуарам в издании документов Рисвикского конгресса, коммерческие вопросы в 1697 году поднимались гораздо чаще, чем на предыдущих конгрессах. Скорее всего, это свидетельствует о формировании в международных структурах буржуазного права, представленного прежде всего в политике Англии и Нидерландов. Отметим еще одно обстоятельство: в Рисвике широко обсуждалась международно-правовая проблема свободных зон, отраженная в «Представлении» послов курфюрстов Священной Римской империи и Франции. В качестве свободной зоны фигурировал Люксембург, поскольку, как отмечено в «Представлении», «этот город традиционно принадлежал Империи и Испании, а затем был захвачен Францией». Предполагалось восстановить права правителей Люксембурга, равные торговые права для всех государств, а также свободный проход через город подданных императора и английской короны [*Actes et Memoires des Negotiations de la Paix de Ryswick*, 1699, III, 55–57, 84–87]. Возможно, именно из-за последнего пункта в «свободных зонах» Люксембург продержался всего год после заключения мира.

Одним из самых важных результатов войны Аугсбургской лиги для дальнейшего развития Европы, зафиксированных в Рисвике, было расширение на севере Италии владений герцога Савойи: он приобретал важные в стратегическом и экономическом плане крепости Пинероло и Казале вместе с прилегающими территориями. Согласно «Мемуару короля Франции...», «герцог является одним из достойнейших государей Европы... оправданно ведет войну в Пьемонте... и завоевание Венгрии может компенсировать интересы императора в наследственных землях в Ломбардии...» [*Actes et Memoires des Negotiations de la Paix de Ryswick*, 1699, I, 26–27]. По сути, на территории Италии складывался новый баланс сил, отразившийся на

общевропейском международно-правовом уровне и приведший к формированию будущего центра объединения Италии.

Больше всех в Рисвике мучил воду император Леопольд I. Он не только требовал, чтобы ему были возвращены Страсбург и Нижний Эльзас, но и настаивал на признании положений договоров в Мюнстере 1648 года. Столь жесткая позиция вызвала ответную реакцию, и в конце августа Людовик XIV через своих представителей предупредил конгресс, что мира не будет, если он не сохранит за собой Страсбург. По сути, здесь шла речь не только о выборе между идеями немецкого Рейна и французского Эльзаса. Существовал еще один *casus belli*: освободился польский трон в связи со смертью в 1696 году короля Яна Собеского. Польскому сейму предстоял сложный выбор между кузенном Людовика принцем де Конти и поддерживаемым Империей саксонским курфюрстом Августом II [Блюш, 1998, 518–519].

Кроме того, имперская дипломатия преследовала цель лишь приостановить вооруженный конфликт в германских землях. Англия и Республика Соединенных провинций, связанные Унией в лице Вильгельма III, а также Испания желали заключения мира с Францией. Таковую же позицию занимал Версаль. А Леопольд I затягиванием европейского мира стремился решить вопрос об испанском наследстве (бездетный Карл II Испанский был тяжело болен, и на трон в Эскуриале претендовали французский и имперский кандидаты) и 21 сентября подписал не мирный договор, а лишь соглашение о прекращении огня. Это стало большой проблемой для членов Великого альянса против Франции, поскольку входившая в альянс Священная Римская империя не заключила мир и вследствие этого могла продолжить войну, что втянуло бы остальных подписантов мирных договоров обратно в конфликт. Чтобы повлиять на Вену, Республика Соединенных провинций 9 октября 1697 года заключила специальное соглашение с Францией о том, что если Священная Римская империя не согласится подписать мирный договор с ней до начала ноября, то мирный договор между Версалем и Гаагой немедленно вступит в силу, а Нидерланды выйдут из Великого альянса. Поскольку Англия и Нидерланды имели одного главу государства, Лондон определенно должен был последовать за Гаагой и также покинуть альянс. Слабейший из четырех партнеров альянса – Испания – не сможет продолжать войну без поддержки Англии и Нидерландов и также прекратит свое участие в Великом альянсе. Таким образом, Священная Римская империя оказалась бы изолированной в конфликте с Францией. У нее практически не было выбора: на востоке шла война с Османской империей, и продолжать в одиночку войну с Францией на западе было бы слишком рискованно. Заключение мира между Версалем и Веной было неизбежно.

Мирные соглашения Франции с императором и германскими князьями были подписаны 30 октября 1697 года. Людовик XIV возвращал Леопольду I и чинам Священной Римской империи земли, завоеванные со времен

Вестфальского мира 1648 года и после августа 1681 года, но в этих регионах, за исключением Пфальца, католицизм должен оставаться преобладающей религией. Франция оставляла за собой Страсбург с землями по левую сторону Рейна и возвращала императору территории по его правую сторону. При этом должны были соблюдаться религиозные свободы, основанные на статьях Вестфальского мира: в Страсбурге каждый житель имел право исповедовать свою религию. Французский король также возвращал Фрайбург, Брейзах и Филиппсбург их владельцам. «Большая» пфальцская проблема была решена в пользу императора: пфальцское наследство окончательно было закреплено за Нейбургами, последовательными союзниками Вены. А некоторые имперские протестантские чины вообще отказались подписать условия мира [*Actes et Memoires des Negotiations de la Paix de Ryswick*, 1699, IV, 5–94, 119–124]. Здесь следует подчеркнуть возросшие опасения Людовика XIV и его министров перед возможностью нового возвышения Габсбургов, вследствие чего Версаль стремился играть роль арбитра Европы, чтобы не допустить нежелательного для Франции изменения в соотношении сил в европейской системе государств.

Подобно предыдущим международным конгрессам развивавшейся системы государств, открытие, ход и заключение Рисвикских договоров сопровождалось пирами, балами и фейерверками. Рисвик превратился в самое оживленное и самое дорогое место Европы. Заключение мира являлось перформативным актом как в культурном (мирные торжества), так и в дипломатическом плане (церемониальный характер переговоров). По этому случаю была выпущена медаль работы Георга Кауча с изображением Рисвикского замка, над которым летит богиня мира Пакс (греч. Эйрена) с трубой и оглашает наступление мира. Художник и гравер Сэмюэл Боттшильд создал полотно «Аллегория Войны и Мира», на котором небесные силы, возглавляемые богиней Пакс, мирят противоборствующие стороны на земле. Но еще ранее, в 1693 году, Боттшильд написал картину «Поцелуй Справедливости и Мира», которая стала настолько популярной из-за ее призыва к миру, что в различных вариантах и разными художниками не раз воспроизводилась в следующем столетии [*Friedensbilder in Europa 1450–1815*, 2013, 82–83, 91, 136]. В год заключения мира в Рисвике английский поэт Джон Филипс под псевдонимом Август Британник написал и издал поэму, славившую это событие [*Augustus Britannicus*, 1697].

Но самое важное и новое в репрезентации мира в Рисвике – его трансляция. Материалы международного конгресса создали новый «медиаальный тип», целью которого было знакомство европейского общества с ходом переговорного процесса и комментирование происходящих событий [*Duchhardt*, 2019, 143–145]. Они впервые вышли в четырех томах в Гааге в 1699 году, затем там же переизданы в 1707 и 1725 годах и периодически переиздаются в репринтном варианте вплоть до сегодняшнего дня [*Actes et Memoires des Negotiations de la Paix de Ryswick*, 1699, 1707, 1725, 1974, 2009,

2011]. Публиковались и отдельные договоры. Так, англо-французский договор был издан в Лондоне в 1697 и 1699 годах [By the Lords Justices, a proclamation for publishing the peace between His Majesty and the French king, 1697; Treaty of Ryswick 1697, 1699]. Все это обуславливает значимость конгресса, который обеспечил только трехлетнюю мирную передышку между европейскими войнами.

Особое значение мира в Рисвике подчеркивает еще одно обстоятельство. Современник событий, османский дворцовый чиновник и историк Силахдар Финдыклили Мехмед Ага (1658 – ок. 1726/27) в свой труд под названием «Книга Победы», охватывающий период с 1695 по 1721 год, вставил турецкий перевод мирного договора, подписанного в Рисвике французским королем и императором. Включение статей мирного договора между христианскими державами в османский исторический труд конца XVII века является уникальным свидетельством тесного взаимодействия западной и восточной частей Европы и осознания членами османской элиты растущей важности дел «неверных» для собственной политики. Содержание мирного соглашения между Версалем и Веной воспринималось как «бесчестье» для французской стороны [Poulios, 2022, 99–124]. Эта интерпретация во многом стала результатом особого представления османов о Франции как о могущественной и великой державе, что не сочеталось с отказом французской стороны от крепостей и территорий к востоку от Рейна, которые находились во владении Франции.

В результате можно сделать следующие умозаключения. Рисвикские договоренности имели этапный характер. Согласно договору в Рисвике Франция, против которой сплотилась почти вся Европа, ничего не приобрела, однако большой коалиции европейских государств не удалось вернуть ее обратно в свои границы. Тем не менее международная система впервые с начала «антилюдовиковских» войн качнулась в сторону равновесия. Рисвик, как в зеркале, отразил пиррову победу французов: Людовик XIV не достиг ничего из того, к чему стремился. Новейшие исследования показывают, что он и его военный министр Мишель Лувуа не были основательно подготовлены к Десятилетней войне. Катализатором международных катаклизмов в Западной Европе 90-х годов явилась Славная революция в Англии и, как ее следствие, непризнание французским королем Вильгельма III в качестве законного монарха. Нельзя сказать, что конгресс в Рисвике разрешил назревшие международные проблемы, но заметим, что он подготовил солидную основу для дальнейших дипломатических дискуссий в Утрехте и Раштатте, в результате которых в международном праве была впервые официально зафиксирована метафора «баланс сил».

Здесь будет уместным привести точку зрения немецкого историка К. Малеттке в статье, опубликованной в издании по случаю трехсотлетнего юбилея Рисвикского мира. Малеттке отметил вытеснение из группы ведущих держав Швеции, Испании и Республики Соединенных провинций,

а также возвышение Англии после Славной революции 1688 года и Австрийского дома благодаря крупным военным успехам против турок. Однако представляется, что его тезис о значительном ослаблении Швеции и Нидерландов преувеличен: эти государства перешли на вторые роли в европейской политике только после войны за Испанское наследство и Северной войны [Malettke, 1998, 3].

Наконец, после заключения Рисвикского мира жители Европы стали регулярно получать информацию о войнах, переговорах, встречах монархов и дипломатов, династических альянсах из специальных международных изданий.

Новый замок в Рисвике был снесен в 1790 году, но в память о мирных договорах на этом месте из остатков здания был установлен обелиск «Игла Рисвика» (Needle of Rijswijk).

ЛИТЕРАТУРА

- Блюш Ф. Людовик XIV. М.: Ладомир, 1998. 815 с.
- Маколей Дж. Англия и Европа. СПб.: Алетейя, 2001. 512 с.
- Anglo-Dutch Moment / Essays on the Glorious Revolution and its World Impact / ed. by J. Israel. Cambridge, 1991. 502 p.
- Actes et mémoires des négociations de la Paix de Ryswick / ed. by Jacques Bernard. T. 1–4. La Haye: Adrian Moetjens, 1699. (Next editions: La Haye: Adrian Moyetien, 1707, 1725; Graz, 1974; Kessinger Publishing, 2009; Nabu Press, 2011).
- Augustus Britannicus. A poem upon the conclusion of the peace of Europe, at Rijswick in Holland, upon the 20th of September, 1697, by J. Phillips. London, 1697. 12 p.
- Black J. The Treaty of Rijswick and the long-term development of anglo-continental relations // Der Friede von Rijswick 1697 / Hrsg. von H. Duchhardt. Mainz, 1998. P. 122–127.
- Desprat J.-P. Madame de Maintenon (1635–1719) ou le prix de la reputation. Paris, 2003. 489 p.
- Duchhardt H. Balance of Power und Pentarchie. Munchen, 1997. 448 p.
- Duchhardt H. Friedens-Miniaturen. Zur Kulturgeschichte und Ikonographie des Friedens in der Vormoderne. Munster: Aschendorff Verlag, 2019. 184 S.
- Frey L., Frey M. The Treaties of the War of the Spanish Succession: An Historical and Critical Dictionary. Greenwood, 1995. 608 p.
- Friedensbilder in Europa 1450–1815. Kunst der Diplomatie, Diplomatie der Kunst. Berlin / Munchen, 2013. 160 S.
- Jones J.R. The Revolution of 1688 in England. L., 1984. 109 p.
- Lenman B.P. Colonial Wars and Imperial Instability, 1688–1793// The Oxford history of British Empire. Vol. II. Oxford, N.Y., 1998. P. 150–158.
- Malettke K. Der Friede von Rijswijk 1697 im Kontext der Machtepolitik und der Entwicklung der europaischen Staatensystem // Der Friede von Rijswijk 1697 / Hrsg. von H. Duchhardt. Mainz, 1998. S. 3–12.
- Memoire des raisons qui ont oblige le Roy a reprendre les Armes, et qui doivent persuader toute la Chretiente des finceres intentions de Sa Majeeste pour l'affermissement de la tranquillite publique. A Paris, MDCLXXXVIII. 9 p.
- The Nine Years' War and the British Army, 1688–1697: The Operations in the Low Countries / ed. by John Childs. Manchester University Press, 2013. 384 p.
- Poulios K. From the Palace of Ryswick to the Sultan's Seraglio: the Ottoman translation and interpretation of a Christian European Peace Treaty // The Journal for Renaissance and Early Modern Diplomatic Studies. 2022. No. 6. P. 99–124.

By the Lords Justices, a proclamation for publishing the peace between His Majesty and the French king. Edinburgh: Printed by the heirs and successors of Andrew Anderson..., Anno Dom 1697, by Scotland. 12 p.

Richter D.K. Native Peoples of North America and the Eighteenth-Century British Empire // The Oxford history of British Empire. Vol. II. Oxford, N.Y., 1998. P. 352–361.

Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la révolution Française / Par J. Hanotaux. T.VII. P., 1889. 772 p.

Treaty of Ryswick 1697. London: printed, and sold by A. Baldwin near the Oxford-arms in Warwick-lane, 1699. 11 p.

L.I. Ivonina

*PhD in Historical Sciences, Doctor, Professor,
Chair of Universal History,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

The Results of the War of the Augsburg League and Representation of the Peace of Ryswick 1697

From the perspective of a systematic approach and the method of event analysis, the author of the article set a goal to consider the international and legal significance of the congress in Ryswick in 1697, which summed up the results of the War of the Augsburg League (1688–1697), and to show its role in the broadcast of subsequent international forums. Based on the analysis of the results of the war and peace treaties, the following conclusions were drawn. The Ryswick agreements were of a phased nature. France, against which almost all of Europe opposed, gained nothing, but the coalition of European states failed to return this state back to its borders. However, for the first time since the beginning of the Louis XIV's European wars, the international situation swung towards balance. Despite the fact that the congress in Ryswick did not resolve all the pressing problems, it prepared the international and legal basis for further diplomatic discussions at the congresses in Utrecht (1713) and Rastatt (1714), which for the first time recorded the metaphor of the «balance of power» in international law. Finally, after the conclusion of the Peace of Ryswick, Europeans began to regularly receive information about wars, negotiations, meetings of monarchs and diplomats, and dynastic alliances in special international publications.

Keywords: peace in Ryswick; war of the Augsburg League; treaty; international law; broadcast; representation.

REFERENCES

- Blushe Fr. Louis XIV [Ludowik XIV]. Moscow: Ladomir, 1998. 815 p. (in Russian).
Makolej J. England and Europe [Anglija i Evropa]. St. Petersburg: Aleteja, 2001. 512 p. (in Russian).
Anglo-Dutch Moment. Essays on the Glorious Revolution and its World Impact, edited by J. Israel, Cambridge, 1991. 502 p. (in English).

Acts and memoirs of the negotiations of the Peace of Ryswick [Actes et mémoires des négociations de la Paix de Ryswick]. Edited by Jacques Bernard, Volumes 1–4, La Haye, Adrian Moetjens, 1699. (Next editions: La Haye, Adrian Moyetien, 1707, 1725; Graz, 1974; Kessinger Publishing, 2009; Nabu Press, 2011) (in French).

Augustus Britannicus. A poem upon the conclusion of the peace of Europe, at Rijswick in Holland, upon the 20th of September, 1697, by J. Phillips, London, 1697. 12 p. (in English).

Black J. The Treaty of Rijswick and the long-term development of anglo-continental relations. *Der Friede von Rijswick 1697*, hrsg. von H. Duchhardt, Mainz, 1998, p. 122–127 (in English).

Desprat J.-P. Madame de Maintenon (1635-1719) or the price of reputation [Madame de Maintenon (1635-1719) ou le prix de la reputation]. Paris, 2003. 489 p. (in French).

Duchhardt H. Balance of Power und Pentarchie. Munchen, 1997. 448 p. (in English).

Duchhardt H. Peace miniatures. On the cultural history and iconography of peace in the pre-Modern time [Friedens-Miniaturen. Zur Kulturgeschichte und Ikonographie des Friedens in der Vor-moderne]. Munster, Aschendorff Verlag, 2019. 184 S. (in German).

Frey L., Frey M. The Treaties of the War of the Spanish Succession: An Historical and Critical Dictionary. Greenwood, 1995. 608 p. (in English).

Images of peace in Europe 1450-1815. Art of diplomacy, diplomacy of art [Friedensbilder in Europa 1450-1815. Kunst der Diplomatie, Diplomatie der Kunst]. Berlin/Munchen, 2013. 160 S. (in German).

Jones J.R. The Revolution of 1688 in England. London, 1984. 109 p. (in English).

Lenman B.P. Colonial Wars and Imperial Instability, 1688-1793. *The Oxford history of British Empire*, Vol. II, Oxford, New York, 1998, p. 150–158 (in English).

Malettke K. The Peace of Ryswick 1697 in the context of power politics and the development of the European state system [Der Friede von Rijswijk 1697 im Kontext der Machtepolitik und der Entwicklung der europäischen Staatensystem]. *Der Friede von Rijswijk 1697*, hrsg. von H. Duchhardt, Mainz, 1998, S. 3–12 (in German).

Memory of the reasons which obliged the King to take up arms again, and which must persuade all Christianity of the finer intentions of His Majesty for the strengthening of public tranquility [Memoire des raisons qui ont obligé le Roy a reprendre les Armes, et qui doivent persuader toute la Chretiente des finceres intentions de Sa Majeste pour l'affermissement de la tranquillite publique]. A Paris, MDCLXXXVIII, 9 p. (in French).

The Nine Years' War and the British Army, 1688–1697: The Operations in the Low Countries, edied by John Childs, Manchester University Press, 2013. 384 p. (in English).

Poulios K. From the Palace of Ryswick to the Sultan's Seraglio: the Ottoman translation and interpretation of a Christian European Peace Treaty. *The Journal for Renaissance and Early Modern Diplomatic Studies*, no. 6, 2022, p. 99–124 (in English).

By the Lords Justices, a proclamation for publishing the peace between His Majesty and the French king. Edinburgh: Printed by the heirs and successors of Andrew Anderson ..., Anno Dom 1697, by Scotland, 12 p. (in English).

Richter D.K. Native Peoples of Noth America and the Eighteenth-Century British Empire. *The Oxford history of British Empire*, Vol. II, Oxford, New York, 1998, p. 352–361 (in English).

Collection of instructions given to French ambassadors and ministers from the Treaties of Westphalia to the French Revolution [Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traites de Westphalie jusqu'à la revolution Française]. Par J. Hanotaux, Vol. VII, P., 1889. 772 p. (in French).

Treaty of Ryswick 1697. London, printed, and sold by A. Baldwin near the Oxford-arms in Warwick-lane, 1699. 11 p. (in English).

Н.А. Мязин

Калужский филиал РАНХиГС
Калуга, Россия

УДК 94

DOI 10.35785/2072-9464-2024-65-1-202-215

**ПРОТЕСТАНТИЗМ В КОРЕЕ: ОТ ЗАПРЕТА ХРИСТИАНСТВА
ДО КРУПНЕЙШЕЙ В МИРЕ МЕГАЦЕРКВИ**

Ключевые слова: *Корея; протестантизм; католицизм; пятидесятичество; мегацеркви; Евангелие процветания.*

В статье рассматривается протестантизм в Корее и его роль в общественной жизни. Анализируются причины успеха христианской миссии, а также особенности корейского протестантизма в международном христианском движении. Развитие протестантизма показано как целостное явление во взаимосвязи с развитием католицизма и буддизма. Помимо отечественной и зарубежной историографии, используются официальные источники статистической информации. Изучены деятельность протестантских миссионерских организаций, религиозная политика страны и участие протестантских организаций в политической деятельности. Также были исследованы мегацеркви и их роль в корейском протестантизме. Исследование показало, что основная причина значительного распространения протестантизма в послевоенный период была связана как с влиянием США в послевоенной Корее, так и с политикой «борьбы с суевериями». После обретения независимости большинство исповедовало народные религии, государство поощряло обращение в христианство или буддизм. В настоящее время протестанты составляют 20% населения Кореи, буддисты – 16%, католики – 8%. Широкое распространение получили мегацеркви. Церковь полного Евангелия Ёйдо является крупнейшей церковью в мире: ее посещают полмиллиона человек. Особенность Кореи – большое число миссий, отправленных за рубеж: по количеству протестантских миссионеров страна уступает только США. Сделан вывод, что христианство останется наиболее многочисленной религией страны. Вместе с тем влияние религиозных систем будет уменьшаться и на первое место выйдет индивидуальная религиозность.

В 1980-е годы в Южной Корее число христиан превысило число буддистов, в 2000-е годы протестанты стали самой многочисленной религией страны [Oh, 2015, 161]. Корея уникальна не только тем, что это страна с самой большой долей христиан в Восточной Азии, но и тем, что в Сеуле существует самая большая протестантская церковь в мире – Церковь полного Евангелия Ёйдо, которая насчитывает полмиллиона прихожан [Bird, 2023]. Пастор этой церкви

Дэвид Йонги Чо оказал значительное влияние на распространение пятидесятилетнего движения в мире. В данной статье сделана попытка рассмотреть причины распространения протестантизма и оценить его вклад в развитие корейского общества. Научная новизна обусловлена недостаточной проработкой проблемы в исследовательской литературе в условиях значительного влияния Кореи на международный протестантизм.

Исследование основано на анализе ряда отечественных и зарубежных работ, посвященных различным особенностям корейского христианства. Отметим диссертацию Ю.С. Ковальчук, посвященную корейскому протестантизму и зарубежной деятельности корейских миссионеров [Ковальчук, 2006]. Работы Е.М. Ермолаевой, А.А. Груздева [Ермолаева, Груздев, 2021] и В.Ф. Печерицы [Печерица, 2012] освещают влияние христианских церквей на общественно-политическую жизнь Кореи. Для анализа использованы материалы иностранных исследователей, а также результаты переписей населения Кореи [Results of the 2015], работа У. Берда [Bird, 2023], собирающего данные о мегацерквях, метаисследование Д. Брауна и П. Джеймса [Brown, James], обобщивших данные о религиозной принадлежности всех стран мира за последние два столетия. Особенности развития христианства в Корее сопоставлялись с миссионерской деятельностью в других странах.

За последнее тысячелетие в Корее несколько раз сменилась господствующая религия. Правители Кореи в VI–VII веках приняли буддизм и поддерживали эту религию. Династия Ли пришла к власти в 1392 году и установила конфуцианство как религию элиты, остальное население придерживалось народной религии, которая сочетала шаманизм с элементами буддизма. Ли правили страной до оккупации Японией в начале XX века [Jones, 2009, 96–97].

Христианство в Корею принес в 1784 году Ли Сын Хун, отправленный в посольство в Пекин и крещенный там иезуитом Жаном де Граммоном. Христианство привлекло внимание деятелей движения Сирхак, выступающих за отказ от конфуцианской системы и проведение социально-экономических реформ, в том числе через заимствование европейского опыта. Вскоре христианство было запрещено, многие христиане приняли мученическую смерть, тем не менее репрессии не смогли уничтожить христианство. В 1866 году в Корее проживали 23 тыс. католиков и находились 12 священников [Католическая энциклопедия, 2005, 1299–1300]. В результате международных договоров, подписанных в 1883 году, страна была открыта для иностранцев, преследования христиан прекратились, хотя запрет на миссионерство сохранялся до 1898 года [Ковальчук, 2006, 41].

Становление протестантской церкви. Протестантские миссионеры первоначально установили контакт с корейской диаспорой в Манчжурии. Первый кореец был крещен в 1876 году миссионером Джоном Россом из «Объединенной пресвитерианской церкви Шотландии». Первым протестантским миссионером в Корее был доктор Гораций Аллен, прибывший в

Сеул в 1884 году [Jones, 2009, 90–91]. Протестантскими миссионерами были созданы первая западная медицинская клиника, школа для мальчиков и девочек и детский дом. Католическими и протестантскими миссиями были основаны некоторые из крупнейших университетов в современной Корее. Это сыграло значительную роль в формировании положительного мнения о странах Запада [Yoo, 2021, 542–543].

Протестанты уделяли особое внимание изданию Библии. В 1882 году был опубликован перевод Нового Завета на корейский язык, сделанный Джоном Россом. За 10 лет было распространено более 500 тыс. экземпляров, в период 1895–1936 годов эта цифра превысила 18 миллионов [Kim I.J., 2003, 34]. Более двух третей протестантских миссионеров, прибывших в Корею в 1884–1910 годах, были американцами, они сформировали Генеральный совет евангельских миссий в Корее в 1905 году. Был использован опыт взаимодействия американских протестантов в Японии, где проповедь христианства была разрешена на четверть века раньше [Yu, 2008, 373–376]. У лидеров американского протестантского сообщества были установлены личные отношения с королевской семьей [Yu, 2011, 113–119].

Потрясения конца XIX – начала XX века, завершившиеся оккупацией страны Японией в 1910 году, вызвали потребность в духовном убежище, это способствовало успешной евангелизации. Число членов протестантских церквей Кореи выросло с 300 человек в 1894 году до 51 тыс. (0,3 % населения) в 1910 году [Ibid, 132].

Миссионеры пользовались уважением местных жителей, это отличало корейцев от китайцев, которые воспринимали миссионеров как представителей колониалистов [Yu, 2008, 382–384]. Первые корейские служители были рукоположены в пресвитерианской церкви в 1907 году.

Вследствие постигших Корею потрясений многие приходили в церковь за едой, деньгами, лекарствами, которые нередко воспринимались как альтернативные методы борьбы со злыми духами [Oak, 2010, 96–97], и возможностью получить образование. Для противодействия «потребительскому» отношению особое внимание уделялось церковной дисциплине [Yu, 2008, 388–389]. Употребление алкоголя полностью запрещалось, курение осуждалось. Обязательства верующего христианина включали не только посещение службы и изучение Библии, но и полный отказ от любой работы в воскресенье, в том числе и от приготовления еды. Верующему необходимо было отказаться от традиционного семейного ритуала, который состоял в подношении умершим еды и происходил из конфуцианской идеи сыновних обязанностей по отношению к умершим предкам [Ibid, 381].

Корея была официально присоединена к Японии в 1910 году и освобождена в 1945 году. Во время движения за независимость Кореи 1919 года протестанты играли важную роль – среди арестованных японцами участни-

ков движения протестанты составили 17% [Kim I.J., 2003, 56], это способствовало восприятию протестантизма как корейской национальной церкви [Печерица, 2012, 70].

Движение за независимость привело к смягчению колониального режима. Япония перешла от «политики сабель» (с военным генерал-губернатором) к политике культурного управления, были возвращены некоторые права и свободы. К началу 1930-х годов число протестантов увеличилось до 90 тыс. (0,4% населения) [Lee, 2015, 60]. К 1937 году число католиков достигло 137 тыс. (0,6%) [Ковальчук, 2006, 41]. За время оккупации корейские протестантские церкви отправили восемьдесят миссионеров в корейские диаспоры Японии, Калифорнии, Мексики, Маньчжурии, Китая и даже России [Park, 2015, 19–21]. В 1930-е годы было усилено насаждение государственного синтоизма в Корее. После вступления Японии в войну с США в церквях было запрещено использовать Ветхий Завет и Откровение Иоанна Богослова. Малочисленные деноминации были распущены, а в 1945 году за три недели до окончания войны было принято решение об объединении всех церквей в корейскую деноминацию Японской христианской церкви [Kim I.J., 2003, 45]. За годы оккупации 50 корейских христиан были убиты, 2 тысячи подвергнуты тюремному заключению.

Послевоенный период. До 1945 года две трети христиан жили на севере, но затем, из-за того что режим Чучхе насаждал атеизм, многие бежали на юг. Послевоенная Южная Корея находилась под сильным влиянием американской культуры. Христианство воспринималось как агент модернизации, что способствовало быстрому распространению протестантизма [Kim A.F., 2000, 112]. Во время холодной войны христиане получили доступ к идеологическому радиовещанию. Была создана программа военных капелланов, в которую первоначально были включены только христианские священники [Yoo, 2021, 542–543]. Во время Корейской войны христианские церкви активно занимались благотворительной помощью [Lee, 2015, 60].

В период с 1950 по 1985 год число протестантов в Южной Корее быстро росло – с 600 тыс. (3% населения) в 1950 году до 6,5 млн (16% населения) в 1985 году [Johnson, 2015, 82], новообращенными становились чаще всего горожане в первом поколении, за этот период доля буддистов выросла с 13 до 20% [Brown, James]. В Корее преобладали церкви классического протестантизма: пресвитериане, методисты и баптисты. В 1990-е годы третье место, потеснив баптистов, заняли пятидесятники.

Корейская католическая церковь также переживала значительный рост. Этому способствовало обращение церкви к теме социальной справедливости после Второго Ватиканского собора. Многие католики, беря пример с протестантов, начали рассказывать о вере в обычной жизни своим родственникам, друзьям и коллегам [Johnson, 2015, 32].

В 1980-е годы значительное распространение получила молодая протестантская деноминация – пятидесятничество. Особенностью пятидесятничества является вера в возможность совершения чудес в обычной жизни. Пятидесятничество получило развитие в Корее в послевоенные годы, после того как капеллан армии США пригласил миссионеров «Ассамблеи Бога» в Корею. В 1958 году пастор «Ассамблеи Бога» Дэвид Йонги Чо основал церковь, ныне известную как Церковь полного Евангелия Ёйдо [Historical overview, 2006]. Церковь Ёйдо сделала ставку на новую доктрину – Евангелие процветания, которое гласило: Божья воля состоит в том, чтобы верующие были здоровы, успешны и богаты [Smith, 2016, 15–16]. Росту церкви способствовала помощь заокеанских братьев из американских «Ассамблей Бога». К началу 1970-х годов число членов церкви выросло до 8 тыс. человек. Чтобы эффективно взаимодействовать с возросшим числом верующих, использовалась система домашних групп, которые представляют собой ячейки из 10–15 человек. Раз в неделю члены домашней группы собираются на дому для совместной молитвы, изучения Писания и общения. Домашние группы являются общепринятой практикой для большинства пятидесятнических церквей. В 1973 году в Корее прошла Всемирная конференция пятидесятников, в которой приняли участие 2 тыс. человек из 39 стран. Знаменитый американский проповедник Билли Грэм посетил Сеул в 1973 году, во встрече участвовали более полумиллиона человек, многие из которых впоследствии стали прихожанами церкви Ёйдо [Kim S.G., 2015, 129]. Число членов церкви Ёйдо стремительно росло: с 8 тыс. в 1970 году до 100 тыс. в 1980 году и 600 тыс. в 1990 году [Johnson, 2015, 166]. Успех церкви Ёйдо в 1980-е годы вызвал неоднозначную реакцию со стороны протестантского сообщества. Некоторые богословы обвиняли пастора Йонги Чо в синкретизации шаманизма с христианством [Kim K., 2017, 60–64]. К настоящему времени число членов церкви несколько снизилось и составляет 480 тыс. человек. Общее число пятидесятников всех направлений составляет около 1,2 млн человек (2,5% населения Южной Кореи) [Brown, James].

Церковь Ёйдо использует треть своего годового церковного бюджета на миссионерство и социальную помощь [Lee, 2015, 64–66]. Йонги Чо совершал миссионерские поездки по странам Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и Африки начиная с 1970-х годов. Многие из мероприятий проходили на высшем уровне с участием президентов этих стран и при поддержке корейских корпораций. Чо позиционировал Корею в качестве страны, которая преодолела бедность через веру [Park M.S., 2015, 232–235]. Последователем Йонги Чо называет себя руководитель церкви «Мавар Шарон», третьей по размеру мегацеркви Индонезии [Aritonang, Steenbrink, 2008, 892]. Проповедь в Европе была менее успешной.

В Южной Корее в 1980-е годы было начато становление и других мегацерквей, которые использовали маркетинговые стратегии, чтобы продвигать свой бренд христианства с помощью богослужений, подобных рок-концертам,

и телевизионных проповедей [Au, 2020, 507]. Мегацеркви удовлетворяли потребность в формировании социальных связей для разделенных городских жителей. Церковные волонтеры брали на себя поддержку людей в трудной жизненной ситуации и помощь детям-инвалидам [Yoon, 2016, 326].

В Корее имеется 39 мегацерквей (с числом прихожан две и более тысячи человек). Из десяти наиболее крупных мегацерквей три относятся к пятидесятничеству, это самая большая в мире Церковь полного Евангелия Ёйдо (480 тыс. прихожан), ее филиал в Аняне (50 тыс.) и Церковь благодати и истины, которую возглавляет младший брат пастора Йонги Чо (25 тыс.). Три мегацеркви относятся к пресвитерианству, самую большую из них – Общинную церковь Нури регулярно посещают 75 тыс. человек. Две церкви относятся к методизму, одна к баптизму, и одна является неденоминационной протестантской [Bird, 2023].

В корейских церквях очень велика роль пасторов, это создавало возможность финансовых злоупотреблений. В 2014 году Дэвид Йонги Чо был приговорен к трем годам тюремного заключения с отсрочкой исполнения приговора за хищение 12 миллионов долларов церковных средств и уклонение от уплаты налогов [Kim M., 2014].

Таблица 1

Конфессиональный состав Кореи (по данным переписей населения)

	1985 (%)	1995 (%)	2005 (%) [Oh, 2015, 161]	2015 (%) [Results of the 2015]
Буддисты	19,9	23,2	22,8	15,5
Протестанты	16,1	19,7	18,3	19,7
Католики	4,6	6,6	10,9	7,9
Конфуцианцы	1,2	0,5	0,2	0,2
Неверующие	57,4	49,3	46,5	56,1

В настоящее время наибольшая доля христиан отмечается в Сеуле: протестанты составляют 24,2% населения, католики – 10,7% (буддисты – 10,8%).

За последние 30 лет доля христиан значительно выросла по сравнению с буддистами. В 1985–2005 годах по данным количественного роста католики заметно опережали протестантов. Большое внимание к достижению материального успеха привело многих к разочарованию в протестантизме [Kim S.G., 2015, 133–136]. Католическая церковь выглядела «более христианской» и завоевала наибольшее доверие среди всех религий в Корее в 2008–2010 годах [Kim S.C., 2015, 156]. Следствием этого был переход части молодых протестантов в католицизм [Kim S.G., 2015, 132–133].

Рост числа верующих в XX веке был связан с тем, что последователи народной религии (которая не имела статуса самостоятельной религии) переходили в христианство или, реже, буддизм. Шаманизм оказал значитель-

ное влияние на корейский буддизм, а также способствовал распространению пятидесятничества благодаря акценту на особой роли Святого Духа и возможности исцеления верой [Желобцов, 2014, 47].

Корейские миссионеры успешно проповедовали среди своей диаспоры за границей. Например, в Новой Зеландии 90% корейцев являются христианами [Johnson, 2015, 81–82]. В 1980-е годы Корея превратилась из страны, принимающей миссионеров, в страну, посылающую миссионеров. К 1990 году число миссионеров, работающих за рубежом, составляло 1 тыс. человек, в 2000 году – 9 тыс., в 2010 году – 22 тыс., в 2019 году – 28 тыс. Корея стала второй страной в мире после США по количеству миссионеров, отправленных в другие страны [Park M.S., 2015, 24–25; Kumkin Daily, 2020].

В настоящее время корейские миссионеры работают в 171 стране мира. Территориально они распределены следующим образом:

- Азия – 58%,
- Северная Америка – 12%,
- Африка – 7%,
- Западная Европа – 5%,
- Восточная Европа – 4%,
- Латинская Америка – 4% [Kim E., 2015, 17].

Прямая работа миссионеров, по-видимому, была малоэффективна. Йонги Чо в 1976 году основал филиал своей церкви в Японии, к 1990 году число церкви выросло до девяти, количество прихожан достигло 5 тыс. человек, преимущественно корейских эмигрантов. С этого времени число членов церкви практически не изменилось, несмотря на то что в Японии постоянно работали до ста пасторов и миссионеров. Более 90% членов японской церкви по-прежнему являются корейцами. Церковь полного Евангелия не смогла преодолеть культурный барьер [Humes, 2013]. Значительно более важны организаторская помощь в создании новых церквей, проведение программ по обучению лидеров местных церквей и просто рассказы о собственной истории успеха.

Корейские христиане отличаются значительной религиозностью. В 1990 году Корея занимала первое место среди развитых стран по посещаемости церквей протестантами и второе – католиками (после Ирландии). Более образованные и состоятельные чаще посещали церковь. В эти же годы среди населения Кореи католики занимали первое, а протестанты второе место по уровню благосостояния (среди католиков доля лиц выше среднего класса была очень значительна: 11,3%, у протестантов – 3,5%, у буддистов – 2,4%) [Kim A.E., 2002, 297–299]. В настоящее время показатели религиозности снижаются, но по-прежнему находятся на значительном уровне. В 1990-е годы церковную десятину платили 58% протестантов, в 2000-е годы – 46% [Johnson, 2015, 71].

Вовлеченность в политику. В первой половине XX века католики были более лояльными к власти, в том числе из-за преследований за веру

при династии Ли. Представители протестантских церквей принимали активное участие в движение за независимость 1919 года, которое выступило против японской оккупации. В послевоенные годы роли поменялись. Протестантские лидеры поддерживали антикоммунистические военные правительства, а католики после Второго Ватиканского собора играли ключевую роль в движении за демократизацию страны 1970–1980-х годов [Kim S.G., 2015, 132–134].

За 74 года правления, с 1948 по 2022-й, президенты принадлежали к следующим конфессиям:

- буддизм – 3 президента, правили 29 лет;
- протестантизм – 4 президента (3 пресвитерианина, 1 методист), 24 года;
- католицизм – 3 президента, 9 лет;
- конфуцианство – 1 президент, 1 год;
- не религиозны – 2 президента, 10 лет.

В послевоенные годы страной правили президенты, исповедующие протестантизм. В административной и военной элите доля христиан составляла 41% (32,5% – католики, 8,5% – протестанты) [Католическая энциклопедия, 2005, 1299–1300], хотя христианами в 1960 году являлись лишь 12% населения.

Пак Чон Хи пришел к власти в 1961 году в результате военного переворота и оставался у власти до своего убийства в 1979 году. В 1970-е годы в Корее получило распространение общественное движение, направленное на демократизацию страны, его поддерживала католическая церковь [Kim S.C., 2015, 157]. В корейском протестантизме в эти годы была популярна теология минджунг, созданная под влиянием латиноамериканской католической теологии освобождения: Иисус Христос провозглашался революционером [Ермолаева, Груздев, 2021, 29]. Теология минджунга произвела большое впечатление на интеллектуалов, но не пользовалась широкой поддержкой в протестантских кругах [Yu, 2008, 372]. В то же время в Латинской Америке теология освобождения имела настолько сильное влияние, что традиционный союз католической церкви с правыми политиками в ряде стран был разорван и правые политики католического вероисповедания, в том числе диктаторы, не препятствовали распространению пятидесятничества [Мязин, 2023, 74].

Поддержка религиозных организаций имела значение для легитимности власти. Это было особенно важно в отношении авторитарных правительств, правящих страной с 1948 по 1993 год. Религиозные организации получали налоговые льготы, возможность заниматься коммерческой деятельностью и освобождение от государственного контроля за финансовыми операциями. Лидеры крупнейших церквей религиозных организаций, в свою очередь, ежегодно участвовали в «утренней молитве» или «утренней

буддистской службе» в президентском особняке, чтобы продемонстрировать свою лояльность правительству [Kim A.E., 2002, 300–302].

За время нахождения у власти правителей буддистского вероисповедания (1961–1993) влияние буддизма расширилось, выросло и число последователей этой религии. Предоставлялись субсидии на восстановление храмов, был создан институт буддийских военных капелланов, день рождения Будды провозгласили государственным праздником. Правительство проводило кампании по избавлению корейского общества от суеверий, под которыми подразумевалась народная религия. [Yoo, 2021, 541].

Участие церквей в политической жизни Кореи было довольно ограниченным: вероятно, религиозные деятели понимали, что политическая деятельность несет риски в виде вероятной потери части прихожан, что превышало возможные выгоды.

Влияние на общество. В современных протестантских церквях Кореи разрыв между поколениями шире, чем в большинстве других стран. Подавляющее количество подростков покидает церкви, чтобы сосредоточиться на вступительных экзаменах, потому что поступление в хорошее учебное заведение критически важно для будущей карьеры. Многие из них не возвращаются в церковь. Корейские церкви прилагают усилия для привлечения молодежи, акцент сделан на вовлечении в круг общения ровесников и современной христианской музыке [Yoon, 2016, 315–316], это успешнее получается у мегацерквей.

Многие корейцы, в том числе молодежь, обращаются за советом к гадалкам. Это показывает, что, хотя народная религия и утратила влияние на макроуровне, ее значение на индивидуальном уровне по-прежнему велико. Корейцы воспринимают наследие шаманизма как часть своего мировоззрения, обычаев и культуры [Kim A.E., 2002, 295–297]. Переход от коллективной к индивидуальной религиозности характерен и для других религий. Влияние религии среди молодежи постепенно снижается, но она не исчезает полностью. Место традиционных религиозных систем занимает индивидуальная религиозность.

* * *

После заключения торговых договоров Кореи с европейскими странами в конце XIX века была начата протестантская миссия, которая велась преимущественно американцами. В годы японской оккупации протестанты активно участвовали в движении за независимость. В послевоенные годы пятнадцать лет страной управляли президенты протестантского вероисповедания. Они поддерживали распространение протестантизма, но основной рост произошел в последующие 30 лет, когда страной управляли президенты-буддисты. Протестанты проявляли лоялизм по отношению к действующей власти, католики же начиная с 1970-х годов поддерживали демократическое движение. Быстрый рост протестантских церквей в 1960–1970-е годы был связан прежде всего с

успешной миссионерской деятельностью среди горожан в первом поколении, которые исповедовали народную религию и, переехав в город, достаточно охотно переходили в христианство или буддизм. Правительство поощряло такой переход как избавление общества от суеверий. Особенностью Кореи является распространение мегацерквей и наличие самой большой в мире церкви – Церкви полного Евангелия Ёйдо, которая относится к пятидесятничеству. По данным последней переписи населения, христианами считают себя более четверти населения Кореи, большинство из них протестанты. Конфессиональная разделенность корейского общества и уважение к западной культуре позволили христианской миссии достичь такого успеха, который не удалось повторить ни в одной из стран Восточной Азии. Добившись значительных результатов внутри страны, корейские протестанты стали уделять значительное внимание зарубежной миссии.

ЛИТЕРАТУРА

- Желобцов Ф.Ф. О шаманизме в Корее // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2014. № 5. С. 42–48.
- Ермолаева Е.М., Груздев А.А. Христианская церковь в движении за демократию в Республике Корея (1960–1970-е гг.) // Genesis: исторические исследования. 2021. № 3. С. 24–36.
- Католическая энциклопедия. Т. 2. М.: Изд-во францисканцев, 2005. 1818 с.
- Ковальчук Ю.С. Корейский протестантизм и особенности его миссионерских практик в азиатской части Российской Федерации в конце XX – начале XXI вв. (по материалам этноконфессиональных исследований): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006. 203 с.
- Мязин Н.А. Пятидесятничество и социально-политические изменения в странах Латинской Америки // Латинская Америка. 2023. № 4. С. 66–78.
- Печерица В.Ф. Влияние христианской церкви на общественно-политическую жизнь Республики Корея // Религиоведение. 2012. № 1. С. 68–79.
- Aritonang J.S., Steenbrink K. The Spectacular Growth of the Third Stream: the Evangelicals and Pentecostals (eds. Aritonang J.S., Steenbrink K.) // A History of Christianity in Indonesia. 2008. P. 867–902.
- Au C. Globalization and Asian Pentecostalism in the Twenty-First Century // Pneuma. 2020. Vol. 42. P. 500–520.
- Bird W. 2023 Global Megachurches. URL: <https://leadnet.org/world/> (дата обращения: 16.12.2023).
- Brown D., James P. Religious Characteristics of States Dataset Project – Demographics. V. 2.0 (RCS-Dem 2.0), Countries only. Center for Open Science. URL: <https://osf.io/7sr4m/files/osfstorage> (дата обращения: 10.01.2024).
- Johnson T. Korean Christianity in the Context of Global Christianity // Korean Church: God's Mission Global Christianity / ed. by M. Wonsuk, K.S. Ahn. Regnum Edinburgh centenary series. 2015. Vol. 26. P. 71–84.
- Jones A. The Great Revival of 1907 as a Phenomenon in Korean Religions // Journal of World Christianity. 2009. Vol. 2, no. 1. P. 82–110.
- Historical Overview of Pentecostalism in South Korea. Origins and Growth. URL: <https://www.pewforum.org/2006/10/05/overview-pentecostalism-in-africa/> (дата обращения: 10.02.2024).
- Hwang H. E. The Korean Protestant Church's Engagement with its Social Context // Korean Church: God's Mission Global Christianity / ed. by M. Wonsuk, K.S. Ahn. Regnum Edinburgh Centenary Series. 2015. Vol. 26. P. 169–182.

Hymes D. *Toward a History and Theology of Japanese Pentecostalism*. Academia.edu. 2013. URL: https://www.academia.edu/7187523/Toward_a_History_and_Theology_of_Japanese_Pentecostalism (дата обращения: 06.02.2024).

Kim A.E. *Characteristics of Religious Life in South Korea: A Sociological Survey // Review of Religious Research*. 2002. Vol. 43, no. 4. P. 291–310.

Kim A.F. *Christianity, Shamanism, and Modernization in South Korea // Cross Currents*. 2000. Vol. 50, no. 1/2. P. 112–119.

Kim E. *The Edinburgh Conference and the Korean Church // Korean Church: God's Mission Global Christianity / ed. by Wonsuk M., Ahn K.S. Regnum Edinburgh Centenary Series*. 2015(26). P. 7–18.

Kim I.J. *History and Theology of Korean Pentecostalism: Sunbogeum (Pure Gospel) Pentecostalism*. Zoetermeer: Uitgeverij Boekencentrum, 2003. 377 p.

Kim K. *Korean Pentecostalism and Shamanism: Developing Theological Self-understanding in a Land of Many Spirits // Pentecostudies: an Interdisciplinary Journal for Research on the Pentecostal and Charismatic Movements*. 2017. No. 1. P. 59–84.

Kim M. *Yoido Full Gospel Church Leaders Found Guilty of Tax Evasion*. Hankyoreh. 21.02.2014. URL: https://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/625270.html#:~:text=On%20Feb.,US%244.67%20million%20in%20fines (дата обращения: 25.01.2024).

Kim S.G. *The Church Growth Movement: a Protestant Experience with the Rise of Mega-churches // Korean Church: God's Mission Global Christianity / ed. by M. Wonsuk, K.S. Ahn. Regnum Edinburgh centenary series*. 2015. Vol. 26. P. 128–136.

Kim S.C. *Vatican II, Culture and Society: Catholic Engagement in Korea // Korean Church: God's Mission Global Christianity / ed. by M. Wonsuk, K.S. Ahn. Regnum Edinburgh centenary series*. 2015. Vol. 26. P. 148–159.

Kukmin Daily Newsletter. Issue 20. 4.02.2020. URL: <https://news.kmib.co.kr/article/view.asp?arcid=0014199801&code=61221111&sid1=mis&sid2=0035> (дата обращения: 11.02.2024).

Lee Y. *Charismatic Tradition in Korea // Korean Church: God's Mission Global Christianity / ed. by M. Wonsuk, K.S. Ahn. Regnum Edinburgh Centenary Series*. 2015. Vol 26. P. 57–70.

Oak S. *Healing and Exorcism: Christian Encounters with Shamanism in Early Modern Korea*. Asian Ethnology. 2010. Vol. 69. P. 95–128.

Oh S. *The Growth of Catholic Church in Korea: Social Evangelization for the Marginalized // Korean Church: God's Mission Global Christianity / ed. by M. Wonsuk, K.S. Ahn. Regnum Edinburgh centenary series*. 2015. Vol. 26. P. 160–168.

Park M.S. *Globalization of the Korean Pentecostal Movement: the International Ministry of David Yonggi Choi // Korean Church: God's Mission Global Christianity / ed. by M. Wonsuk, K.S. Ahn. Regnum Edinburgh Centenary Series*. 2015. Vol. 26. P. 228–241.

Park T.K. *The Missionary Movement of the Korean Church: a Model for Non-western Mission // Korean Church: God's Mission Global Christianity / ed. by M. Wonsuk, K.S. Ahn. Regnum Edinburgh centenary series*. 2015. Vol. 26. P. 19–31.

Results of the 2015 Population and Housing Census (population, household and housing). URL: https://kostat.go.kr/board.es?mid=a20108070000&bid=11747&act=view&list_no=361147 (дата обращения: 09.02.2024).

Ryu D.Y. *Religion Meets Politics: The Korean Royal Family and American Protestant Missionaries in Late Joseon Korea // Journal of Church and State*. 2011. Vol. 55, no. 1. P. 113–133.

Ryu D.Y. *The Origin and Characteristics of Evangelical Protestantism in Korea at the Turn of the Twentieth Century // Church History*. 2008. Vol. 77, no. 2. P. 371–398.

Smith K. *Max Weber and Pentecostals in Latin America: The Protestant Ethic, Social Capital and Spiritual Capital*. Georgia State University, 2016. 76 p.

Yoo S.H., Agadjanian V. *The Paradox of Change: Religion and Fertility Decline in South Korea // Demographic research*. 2021. Vol. 44. P. 537–562.

Yoon S. *Tuning in Sacred: Youth Culture and Contemporary Christian Music // International Review of the Aesthetics and Sociology of Music*. 2016. Vol. 47, no. 2. P. 315–342.

N.A. Miazin

PhD in Historical Sciences, Associate Professor,
Chair of State and Municipal Administration,
Kaluga Branch of RANEPA
Kaluga, Russia

Protestantism in Korea: from Banning Christianity to the Largest Megachurch in the World

This article examines Protestantism in Korea and the role of Protestantism in public life. The reasons for the success of Christian mission are analyzed, as well as peculiarities of Korean Protestantism in the international Christian movement. The development of Protestantism is shown as a holistic phenomenon in relationship with Catholicism and Buddhism. In addition to domestic and foreign historiography, official sources of statistical information are used. The activities of Protestant missionary organizations, the country's religious policy and the involvement of Protestant organizations in political activity are studied. Mega-churches and their role in Korean Protestantism have also been studied. The study revealed that the main reason for the strong expansion of Protestantism in the postwar period was due to both U.S. influence in postwar Korea and the «anti-superstition» policy. After independence, the majority practised folk religions and the state encouraged their conversion to Christianity or Buddhism. Today, Protestants constitute 20 percent of Korea's population, Buddhists 16 percent, and Catholics 8 percent. Mega-churches have become widespread; the Yoido Full Gospel Church is the largest church in the world, attended by half a million people. A peculiarity of Korea is the large number of missions sent abroad – the country is second only to the United States in the number of Protestant missionaries. It is concluded that Christianity will remain the most numerous religion in the country. At the same time, the influence of religious systems will diminish and individual religiosity will come first.

Keywords: Korea; Protestantism; Catholicism; Pentecostalism; mega-churches; prosperity gospel.

REFERENCES

Zhelobcov F.F. About Shamanism in Korea [O shamanizme v Koree]. *Issues of North-Eastern Federal University*, 2014, no. 5, pp. 42–48 (in Russian).

Ermolaeva E.M., Gruzdev A.A. The Christian Church in the Democracy Movement in the Republic of Korea (1960s-1970s) [Hristianskajacerkov' v dvizheniizademokratiju v RespublikeKoreja (1960–1970-e gg)]. *Genesis: historical research*, 2021, no. 3, pp. 24–36 (in Russian).

The Catholic Encyclopedia. Vol. 2 [Katolicheskajajenciklopedija. Tom 2]. Moscow: Franciscan Publishing House. 2005. 1818 p. (in Russian).

Kovalchuk Ju.S. Korean Protestantism and Features of its Missionary Practices in the Asian Part of the Russian Federation in the Late 20th and Early 21st Centuries (based on ethno-confessional research) [Korejskijprotestantizmiosobennosti ego missionerskihpraktik v aziatskojchastiRossijskojFederacii v konce XX – nachale XXI vv. (pomaterialamjetnokonfessional'nyhissledovanij)]. Dissertation ... candidate of Historical Sciences. Novosibirsk, 2006. 203 p. (in Russian).

Miazin N.A. Pentecostalism and socio-political changes in Latin America [Pjatidesjatinichestvoisocial'no-politicheskieizmenenija v stranahLatinskojAmeriki]. *Latin America*, 2023, no. 4, pp. 66–78 (in Russian).

Pecherica V.F. The Influence of the Christian Church on the Social and Political Life of the Republic of Korea [Vlijaniekhristianskojcerkvinaobshhestvenno-politicheskujuzhizn' RespublikiKoreja]. *Religious Studie*, 2012, no.1, pp. 68–79 (in Russian).

Aritonang J.S., Steenbrink K. The Spectacular Growth of the Third Stream: the Evangelicals and Pentecostals (Edited by Aritonang J.S., Steenbrink K.). *A History of Christianity in Indonesia*, 2008, pp. 867–902 (in English).

Au C. Globalization and Asian Pentecostalism in the Twenty-First Century. *Pneuma*, 2020. Vol. 42, pp. 500–520 (in English).

Bird W. 2023 Global Megachurches. Available at: <https://leadnet.org/world/> (accessed on 16 Decemner 2023) (in English).

Brown D., James P. Religious Characteristics of States Dataset Project – Demographics. V. 2.0 (RCS-Dem 2.0), Countries only. Center for Open Science. Available at: <https://osf.io/7sr4m/files/osfstorage> (accessed on 10 January 2024) (in English).

Johnson T. Korean Christianity in the Context of Global Christianity (edited by Wonsuk M., Ahn K.S.). *Korean Church: God's Mission Global Christianity*. Regnum Edinburgh centenary series, 2015. Vol. 26, pp. 71–84 (in English).

Jones A. The Great Revival of 1907 as a Phenomenon in Korean Religions. *Journal of World Christianity*. 2009. Vol. 2, no 1, pp. 82–110 (in English).

Historical Overview of Pentecostalism in South Korea. Origins and Growth. Available at: <https://www.pewforum.org/2006/10/05/overview-pentecostalism-in-africa/> (accessed on 10 February 2024) (in English).

Hwang H.E. The Korean Protestant Church's Engagement with its Social Context (edited by Wonsuk M., Ahn K. S.). *Korean Church: God's Mission Global Christianity*. Regnum Edinburgh Centenary Series, 2015 (26), pp. 169–182 (in English).

Hymes D. Toward a History and Theology of Japanese Pentecostalism. *Academia.edu*. 2013. Available at: https://www.academia.edu/7187523/Toward_a_History_and_Theology_of_Japanese_Pentecostalism (accessed on 06 February 2024) (in English).

Kim A.E. Characteristics of Religious Life in South Korea: A Sociological Survey. *Review of Religious Research*, 2002. Vol. 43, no. 4, pp. 291–310 (in English).

Kim A.F. Christianity, Shamanism, and Modernization in South Korea. *CrossCurrents*. 2000. Vol. 50, no.1/2, pp. 112–119 (in English).

Kim E. The Edinburgh Conference and the Korean Church (edited by Wonsuk M., Ahn K. S.). *Korean Church: God's Mission Global Christianity*. Regnum Edinburgh Centenary Series, 2015 (26), pp. 7–18 (in English).

Kim I. J. History and Theology of Korean Pentecostalism: Sunbogeum (Pure Gospel) Pentecostalism. Zoetermeer: UitgeverijBoekencentrum, 2003. (in English).

Kim K. Korean Pentecostalism and Shamanism: Developing Theological Self-understanding in a Land of Many Spirits. *Pentecostudies: an Interdisciplinary Journal for Research on the Pentecostal and Charismatic Movements*, 2017, no. 1, pp. 59–84 (in English).

Kim. M. Yoido Full Gospel Church Leaders Found Guilty of Tax Evasion. *Hankyoreh*. 21.02.2014. Available at: [https://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/625270.html#:~:text=On%20Feb.,US%244.67%20million\)%20in%20fines](https://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/625270.html#:~:text=On%20Feb.,US%244.67%20million)%20in%20fines) (accessed on 25 January 2024) (in English).

Kim S. G. The Church Growth Movement: a Protestant Experience with the Rise of Megachurches (edited by Wonsuk M., Ahn K.S.). *Korean Church: God's Mission Global Christianity*. Regnum Edinburgh centenary series, 2015. Vol 26, pp. 128–136 (in English).

Kim S. C. Vatican II, Culture and Society: Catholic Engagement in Korea (edited by Wonsuk M., Ahn K.S.). *Korean Church: God's Mission Global Christianity*. Regnum Edinburgh centenary series, 2015. Vol 26, pp. 148–159 (in English).

Kukmin Daily Newsletter. Issue 20. 4.02.2020. Available at: <https://news.kmib.co.kr/article/view.asp?arcid=0014199801&code=61221111&sid1=mis&sid2=0035> (accessed on 11 February 2024) (in English).

Lee Y. Charismatic Tradition in Korea (eds. Wonsuk M., Ahn K.S.). *Korean Church: God's Mission Global Christianity*. Regnum Edinburgh Centenary Series, 2015. Vol 26, pp. 57–70 (in English).

Oak S. Healing and Exorcism: Christian Encounters with Shamanism in Early Modern Korea. *Asian Ethnology*, 2010. Vol. 69, pp. 95–128 (in English).

Oh S. The Growth of Catholic Church in Korea: Social Evangelization for the Marginalized (edited by Wonsuk M., Ahn K.S.). *Korean Church: God's Mission Global Christianity*. Regnum Edinburgh centenary series, 2015. Vol 26, pp. 160–168 (in English).

Park M. S. Globalization of the Korean Pentecostal Movement: the International Ministry of David Yonggi Choi (edited by Wonsuk M., Ahn K.S.). *Korean Church: God's Mission Global Christianity*. Regnum Edinburgh Centenary Series, 2015. Vol 26, pp. 228–241 (in English).

Park T.K. The Missionary Movement of the Korean Church: a Model for Non-western Mission. (eds. Wonsuk M., Ahn K.S.). *Korean Church: God's Mission Global Christianity*. Regnum Edinburgh centenary series, 2015. Vol 26, pp. 19–31 (in English).

Results of the 2015 Population and Housing Census (population, household and housing). Available at:

https://kostat.go.kr/board.es?mid=a20108070000&bid=11747&act=view&list_no=361147 (accessed on 09 February 2024) (in English).

Ryu D.Y. Religion Meets Politics: The Korean Royal Family and American Protestant Missionaries in Late Joseon Korea. *Journal of Church and State*, 2011. Vol. 55, no. 1, pp. 113–133 (in English).

Ryu D.Y. The Origin and Characteristics of Evangelical Protestantism in Korea at the Turn of the Twentieth Century. *Church History*, 2008. Vol. 77, no. 2, pp. 371–398 (in English).

Smith K. Max Weber and Pentecostals in Latin America: The Protestant Ethic, Social Capital and Spiritual Capital. Georgia State University. 2016. 76 p. (in English).

Yoo S.H., Agadjanian V. The Paradox of Change: Religion and Fertility Decline in South Korea. *Demographic research*. 2021. Vol. 44. pp. 537–562 (in English).

Yoon S. Tuning in Sacred: Youth Culture and Contemporary Christian Music. *International Review of the Aesthetics and Sociology of Music*. 2016. Vol. 47. No.2. pp. 315–342 (in English).

Р.В. Белютин

*Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия*

**Футбольный антисемитизм: будет ли красная карточка?
Pavel Brunssen. Antisemitismus in Fußball-Fankulturen. Der Fall RB
Leipzig. Weinheim: Beltz Juventa Verlag, 2021. 180 S.**

Рецензируемая монография известного немецкого исследователя П. Брунсена посвящена рассмотрению малоизученного в отечественной и зарубежной науке участка спортивного (футбольного) дискурса, на котором высвечиваются проблемы конфликтогенности, вербальной и физической агрессии, деструктивного характера отношений между субъектами спортивной коммуникации. Конфликты стали постоянной и неотъемлемой характеристикой спортивного дискурса, следовательно, их изучение открывает серьезные научные перспективы для понимания устройства современного общества, источников его динамики, движущих сил, целей и последствий. Помимо этого, результаты таких исследований открывают доступ к пониманию мотивов и моделей поведения не только отдельных индивидов, но и целых социальных групп.

В работе П. Брунсена в качестве такой группы выступает субкультура немецких футбольных фанатов, в частности объединение наиболее активных участников, причисляющих себя к категории «ультрас». Коммуникативное пространство ультрас складывается из самых разных дискурсивных практик, П. Брунсен представляет читателю наиболее брызгантный и эмоциональный (не случайно одна из глав (6) посвящена детальному описанию коллективных эмоциональных практик в фанатской среде – ср.: «Der Fußball bietet sich insbesondere für das Praktizieren von Emotionen an:», S. 56) дискурс, который сам автор определяет термином «Ressentimentkommunikation» (букв. ресентимент-коммуникация). В дополнение к этому Брунсен оперирует понятием «антисемитизм», утверждая, что дискурс оскорбительности в футбольной фанатской среде разворачивается в том числе с привлечением большого количества метафор, аллюзий, прецедентных реалий, прямо или опосредованно указывающих на антисемитскую риторику. Все эти явления, концепты и дискурсы обсуждаются на примере конфликтов, спровоцированных появлением в немецком футболе клуба «РБ Лейпциг» (Der Fall RB Leipzig).

Еще когда клуб только основывался (2009), болельщики по всей Германии уже выражали свое негодование, и с каждым годом волна ненависти становилась все больше. Футбольные фанаты выступили единым фронтом против

контекстного маркетинга, уловок владельца и верхушки менеджмента, направленных на «святое» для каждого фаната правило «50+1» (это правило устанавливает порог держателя акций для генерального спонсора не выше 49%, оставляя право принимать окончательное решение за клубом и его болельщиками). Но больше всего фанатов возмущало то, что компания-спонсор «Ред Булл», не считаясь с традициями, сложившимися в немецком футболе, весьма агрессивными с позиций спорта и маркетинга способами за короткий период времени «вывела» новую команду в бундеслигу – главный немецкий футбольный дивизион. Так в фанатской среде с новой силой (до этого у немецких футбольных фанатов был другой «объект» с референцией к дискурсу вражды – футбольный клуб «Хоффенхайм») активизировалось и распространилось то, что многие специалисты именуют «ресентимент». Примечательно, и на это несколько раз указывает Брунсен, что среди немецких футбольных фанатов давно не было такого единения («... scheint es in Ultrad Deutschland keinen größeren Trend zu geben, als sich gegen RB Leipzig zu positionieren», S. 17). Болельщики запустили кампанию «Nein zu RB», создали специальный сайт. Многие бойкотировали матчи с участием «РБ Лейпциг», другие с регулярным постоянством вывешивали оскорбительные баннеры, угрожали команде и ее представителям физической расправой, атаковали командный автобус и др.

Отметим важное для понимания сути проблемы наблюдение Брунсена: «Es geht nicht darum, was RB Leipzig tut oder nicht tut, sondern darum, dass RB Leipzig überhaupt existiert» (S. 110).

Исследователь подробно рассматривает истоки враждебных настроений фанатов по отношению к «РБ Лейпциг», приводит результаты своих социологических, психологических, лингвистических наблюдений (список собранного и отрефлектированного материала достаточно внушительный и позволяет говорить о валидности и репрезентативности сделанных заключений) и, обобщив их, дает абсолютно правильное определение ментефакту «РБ Лейпциг». Брунсен предлагает считать его «субкультурным кодом» (der subkulturelle Code «RB Leipzig»), который, помимо частной функции, выполняет более глобальную в представлении фанатов миссию. Ср.: «Der subkulturelle Code “RB Leipzig” dient dazu, gegenüber dem jeweiligen Bezugsverein die eigene Haltung in Bezug auf für Fans relevante Entwicklungen zu verdeutlichen, ohne diesen direkt anzugreifen oder abzulehnen» (S. 157).

Как уже было отмечено, профилирование образа «врага» – футбольного клуба «РБ Лейпциг» – происходит в корреляции с концептосферой «Антисемитизм». Ученый глубоко изучил суть проблематики в общем контексте («klassischer Antisemitismus», «rechtsextremer Antisemitismus», «sekundärer Antisemitismus»), чтобы затем вывести формы и формулы антисемитского дискурса в отношении «РБ Лейпциг». В итоге Брунсен, опираясь на работы известных специалистов в данной области, замечает: «Antisemitismus im Kontext Fußball ist Antisemitismus in einem bestimmten Sozialraum, in welchem eigene Regeln gelten und der unter Berücksichtigung dieses Rahmens analysiert werden muss»

(S. 41). Такой антисемитизм не направлен конкретно на лиц еврейской национальности, как это происходило и до сих пор происходит в случае с ФК «Маккаби» (Берлин)), немецкие футбольные фанаты просто задействуют и активизируют в языке, речи, дискурсе мыслительные картинки, эксплицитно или имплицитно выражающие соответствующую концептосферу.

Брунсен приводит достаточно много убедительных аутентичных примеров с использованием специфических метафорических образов (*Ratten; Ungeziefer; Parasiten*), заимствованных из дискурса Третьего Рейха и используемых фашистской пропагандой для дегуманизации евреев и символической идентификации их как группы, подлежащей изгнанию и уничтожению. Ср.:

Hertha führt tatsächlich in Unterzahl 2:0 gegen die Ratten» (S. 94) / «Rattenball (S. 86) / Die Gegengerade schützt sich vor der Bullenseuche (S. 88) / Der Widerstand wächst von Ost nach West, ganz Deutschland hasst die rote Bullen-Pest! (ebd.)

Обращение к реалиям эпохи Третьего Рейха имплицировано в высказывании *Ein Oesterreicher ruft und ihr folgt blind, Wo das endet weiß jedes Kind* (S. 49). Вообще, данная фраза декодируется достаточно легко (на это, по всей видимости, рассчитывали ее создатели): под словом «*Österreicher*» фанаты, намереваясь нанести мощный перлокутивный удар, подразумевают (и ставят интенционально в один) сразу две личности австрийского происхождения – владельца клуба Д. Матешича и основоположника национал-социализма А. Гитлера. Заключительная строчка этой оскорбительной, дескриминирующей сентенции – уже игра фанатов в открытую: *Ihr wärt gute Nazis gewesen!* (ebd.)

Заметим, что Брунсен достаточно часто общается с читателем на метафорическом языке, чтобы представить сложные, многомерные явления, события, процессы, встроенные в заявленную проблематику, в доступной, легко воспринимаемой форме. Помогает метафора и в моделировании выводов и ситуаций на метауровне. Так, например, в заключительной главе, посвященной подведению итогов исследования, Брунсен возвращается к событиям мая 2018 года, когда футбольные фанаты столичного клуба «Герта» организовали марш в защиту традиций и ценностей в немецком футболе, пройдя через многочисленные улицы Берлина к домашнему стадиону. Именно через образ *улицы*, на которой есть полосы движения, пешеходные дорожки, светофоры, мостовые и др., Брунсен указывает на комплексный характер исследуемой тематики, подчеркивая параллельно, что более или менее полная картина об исследуемом феномене возможна только путем сложения всех участков и зон. Ср.: «...setzt man die in diesem Buch untersuchten Teile zusammen, erhält man ein aus verschiedenen Versatzstücken zusammengesetztes Gesamtbild einer antisemitischen Ressentimentkommunikation» (S. 156).

Одним из таких коммуникативных пространств, по сути определяющих суть ресентимент-дискурса, в исследовании Брунсена выступает концептуальная зона *Wir gegen die Anderen*. Языковые и иные репрезентации этой оппозиции рассматриваются ученым вглубь и вширь – по всей линии

зоны соприкосновения между «РВ Лейпциг» и его противниками. Значительное место в этих рассуждениях отводится противопоставлению неправильного, нетрадиционного «жизненного» уклада клуба «РВ Лейпциг» (*Zerrbild RB Leipzig*, S. 101) – клуба-выскачки, клуба-конструкта, клуба-проекта, пластикового клуба – моделям поведения тоже коммерциализированных, но тем не менее гораздо более аутентичных футбольных объединений: «Вольфсбург», «Байер 04», «Ингольштадт 04», «Хоффенхайм».

Брунсен создает «клавиатуру аутентичности» («die Klaviatur der Authentizität», S. 121), на которой размещает категории «Традиции и символика», «Спонсоринг», «Идентичность с родным городом», «Участие в управлении клубом». По результатам своего исследования Брунсен замечает, что фанатское сообщество наделяет «РВ Лейпциг» следующими характеристиками (все они негативные и не дают клубу права быть причисленным к группе «аутентичных» клубов: *künstlich entworfen; keine Geschichte; nicht local; nicht normal; kein Ortsbezug; kein Mitspracherecht*. Таким образом, в глазах своих визави из других клубов фанаты «РВ Лейпциг» выглядят *unauthentisch*, как *Opfer der Kommerzialisierung; unselbständige Mitläufer; Werbemarionetten; TäterInnen in dem Sinne, dass sie den Fußball zerstören würden*.

Отметим в данном случае специфику наполняемости концепта «Tradition». Как отмечает Брунсен, для футбольных фанатов традиция – это не только географическая соотнесенность, референция к профессиональной сфере, символам. Помимо указанных атрибутов немецкие футбольные фанаты профилируют еще один признак – маскулинность (*Männlichkeitskonstruktion, hegemoniale Männlichkeit*). Для рассуждений на эту тему Брунсен вводит специальный термин «männliche Grammatik» (S. 131), который указывает на настоящие мужские качества: честь, братство, преданность и др. «Свои» несомненно, данным признаком обладают, для «Чужих» («РВ Лейпциг») априори констатируется отсутствие такой характеристики, в результате чего оскорбления приобретают сексистскую маркированность, а разбавляется эта агрессивная смесь гомофобными словами и контекстами. Ср.:

Willkommen in der Hölle. Die Bundesliga hasst dich, Weil du Scheisse bist – Ungeziefer, Plastik / Du bist ein Virus, noch schlimmer als die Windpocken, Und deine Fans sind keine Bullen, nein, das sind Ochsen / Durch diese Fotzen erkennen wir unser Spiel nicht mehr... (S. 124).

Red Bull fickt euch / RB Leipzig wird das Geld in den Arsch geschoben (ebd.).

Как отмечает Брунсен, в этом показательном примере на уровне сопоставления символов происходит «Entmännlichung – Verweiblichung RB Leipzig» (S. 124). На языковом уровне это проявляется следующим образом: «Ochse» (вол, *кастрированный* самец крупного рогатого скота), «Fotze» (женские гениталии – уничижительное обозначение женщины с использованием метонимического переноса).

Другой проекцией, через которую выстраивается ресентимент-коммуникация в субкультуре футбольных фанатов, Брунсен называет антиамерика-

низм. Как известно, претензии США на мировое господство, гегемонию, причем любыми средствами, в том числе и нелегитимными, осуждаются и не принимаются многими цивилизованными обществами; для многих людей на планете США – рассадник зла, войн, катастроф, страна, где антиценности – аморальность, бездуховность, стремление к наживе – пагубно влияют на развитие демократии, формирование идеалов цивилизованного общества. Подобные смыслы закладываются немецкими футбольными фанатами, когда они проводят аналогии между США и «РБ Лейпциг». Брунсен неоднократно цитирует известного ученого, профессора А.С. Марковица, который дает вполне однозначную оценку таким сравнениям: «Vergleichbar mit RB Leipzig gelten die USA unter anderem als gefährlich, kommerziell, undemokratisch, intolerant, unsozial... Antiamerikanismus erfahre vielerorts nicht bloss Akzeptanz, sondern gelte gar als etwas Lobenswertes, ja Ehrenhaftes» (S. 99). Развертывание этого фрейма, обладающего высокой рекуррентностью и коммуникативной плотностью, дополняет представление о прагматике рессентимент-коммуникации «по делу РБ Лейпциг». В такой плоскости фанаты не только демонстрируют, что все с моральной точки зрения делают правильно, но и легитимируют свои действия, направленные на противостояние злу.

Исследовательский концепт П. Брунсена не вызывает возражений. Автор четко следует выбранной методике и добивается конкретных научных результатов, которые значительно расширяют познание в области спортивного дискурса, теории коммуникации, конфликтологии, теории моделирования социальных взаимодействий, отношений и полей. Кроме того, работы подобного рода способны уточнить имеющиеся представления о специфике коммуникации в субкультурных пространствах, языкового, речевого, дискурсивного поведения футбольных фанатов, роли экстралингвистических факторов в создании определенного типа коммуникации.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения полученных результатов в социологии, психологии, лингвистике, политологии, межкультурной коммуникации, других научных отраслях, для которых объектом изучения является (или может стать) субкультура футбольных фанатов.

В работе широко представлен эмпирический языковой материал (тексты песен, речовок футбольных фанатов, надписи на баннерах и мн. др.), который можно встроить во многие дисциплины, связанные с изучением языка (родного и иностранного): стилистику, лексикологию, лингвострановедение и др.

Интересным продолжением замечательного исследования П. Брунсена могло бы стать рассмотрение заявленной проблематики в контрастивном аспекте, с привлечением данных о коммуникативном поведении футбольных фанатов в других странах, особенно тех, где футбол считается религией, а верность любимому клубу, его оберегание от деструктивного воздействия со стороны «Чужих» способны затмить все рациональное и обыденное.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Басовец Ирина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры теоретического и прикладного языкознания Минского государственного лингвистического университета (Республика Беларусь). E-mail: basovets@list.ru.

Белютин Роман Вячеславович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка Смоленского государственного университета. E-mail: ryubelyutins@mail.ru.

Беспалёнок Елена Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Смоленского государственного университета. E-mail: edbеспаленок@mail.ru.

Василькова Наталья Вячеславовна – студентка 4 курса факультета истории и права Смоленского государственного университета. E-mail: vasilkovanata15@gmail.com.

Ивонина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета. E-mail: ivonins@rambler.ru.

Карнюшин Владимир Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: 17skva@mail.ru.

Каяниди Леонид Геннадьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: leonideas@bk.ru.

Королева Инна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: innakor@mail.ru.

Королькова Анжелика Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета. E-mail: lika.korolkova@bk.ru.

Малофеев Никита Александрович – студент 1 курса филологического факультета Смоленского государственного университета. E-mail: nikitamalofoev72@gmail.com.

Марфина Жанна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, ректор Луганского государственного педагогического университета. E-mail: marfina.zhanna@mail.ru.

Мязин Николай Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Калужского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы. E-mail: marknote@rambler.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9819-0732>.

Павлова Лариса Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: pavlar@inbox.ru.

Пашкова Ирина Викторовна – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, методист Государственного музея «Смоленская крепость». E-mail: azal14@mail.ru.

Петешова Ольга Викторовна – кандидат филологических наук, доцент Института образования и гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (г. Калининград). E-mail: Opeteshova@kantiana.ru.

Романова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: irina.romanova@bk.ru.

Сибирцева Вера Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент департамента иностранных языков факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород). E-mail: vsibirtseva@hse.ru.

Шитикова Анжелика Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений МИД России. E-mail: a.shitikova@inno.mgimo.ru.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М.Н. Артеменков (Смоленск, председатель)

Михаил Николаевич Артеменков – кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой государственно-правовых дисциплин, ректор Смоленского государственного университета

И.В. Романова (Смоленск, зампредседателя)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

В.А. Волков (Москва)

Владимир Алексеевич Волков – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Московского педагогического государственного университета

А.Б. Каменский (Москва)

Александр Борисович Каменский – доктор исторических наук, профессор, руководитель школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

В.С. Кошелев (Минск, Республика Беларусь)

Владимир Сергеевич Кошелев – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета

А. Молнар (Дебрецен, Венгрия)

Ангелика Молнар – доктор, PhD, доцент Института славистики Дебреценского университета

Л.В. Рацибурская (Нижний Новгород)

Лариса Викторовна Рацибурская – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой русского языка и общего языкознания Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Ф.Б. Успенский (Москва)

Федор Борисович Успенский – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

Н.А. Фатеева (Москва)

Наталья Александровна Фатеева – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

З.А. Харитончик (Минск, Республика Беларусь)

Зинаида Андреевна Харитончик – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета

И.Р. Чикалова (Минск, Республика Беларусь)

Ирина Ромуальдовна Чикалова – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси

THE EDITORIAL COUNCIL

M.N. Artyomenkov (Smolensk, The Chairperson)

Mikhail Nikolaevich Artyomenkov – Candidate of history, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Rector of Smolensk State University

I.V. Romanova (Smolensk, Deputy Head)

Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

V.A. Volkov (Moscow)

Vladimir Alekseyevich Volkov – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Moscow State Pedagogical University

A.B. Kamensky (Moscow)

Alexander Borisovich Kamensky – Doctor of history, Professor, Head of School of History of the National Research University Higher School of Economics

V.S. Koshelev (Minsk, The Republic of Belarus)

Vladimir Sergeyevich Koshelev – Doctor of history, Head of the Department of Modern and Contemporary History, Belarusian State University

A. Molnar (Debrecen, Hungary)

Angelka Molinar – Doctor of sciences, PhD, Associate Professor, the Institute of Slavic Studies at the University of Debrecen

L.V. Ratsiburskaya (Nizhny Novgorod)

Larisa Viktorovna Ratsiburskaya – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language and General Linguistics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

F.B. Uspensky (Moscow)

Fedor Borisovich Uspensky – Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of philology, professor, Director of V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

N.A. Fateyeva (Moscow)

Natalya Alexandrovna Fateyeva – Doctor of philology, Chief Researcher, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

Z.A. Kharitonchik (Minsk, The Republic of Belarus)

Zinaida Andreyevna Kharitonchik – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of General Linguistics, Minsk State Linguistic University

I.R. Chikalova (Minsk, The Republic of Belarus)

Irina Romualdovna Chikalova – Doctor of history, Professor, Head of the Department of World History and Theory and Methods of Teaching, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; Leading Researcher, the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.В. Романова (гл. редактор)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

А.В. Тихонова (зам. гл. редактора)

Анастасия Владимировна Тихонова – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, заместитель директора по науке Смоленского государственного музея-заповедника

Р.В. Белютин (отв. секретарь)

Роман Вячеславович Белютин – доктор филологических наук, доцент, завкафедрой немецкого языка Смоленского государственного университета

С.Н. Андреев

Сергей Николаевич Андреев – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета

С.Ю. Артемова

Светлана Юрьевна Артемова – доктор филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета

Л.И. Ивонина

Людмила Ивановна Ивонина – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета

Д.Е. Комаров

Дмитрий Евгеньевич Комаров – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории казачества и социально-гуманитарных наук Смоленского казачьего института промышленных технологий и бизнеса (филиала) Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)

А.В. Королькова

Анжелика Викторовна Королькова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

Л.В. Павлова

Лариса Викторовна Павлова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

О.Е. Похаленков

Олег Евгеньевич Похаленков – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Института филологии и массмедиа Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

А.М. Ранчин

Андрей Михайлович Ранчин – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Ю.Л. Цветков

Юрий Леонидович Цветков – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Института гуманитарных наук Ивановского государственного университета

РЕДАКТОРЫ РУБРИК

С.Н. Андреев, Л.В. Павлова (филологические науки)

Л.И. Ивонина, А.В. Тихонова (исторические науки)

EDITORIAL BOARD

I.V. Romanova (Editor-in-chief)

Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

A.V. Tikhonova (Vice Editor-in-chief)

Anastasia Vladimirovna Tikhonova – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Smolensk State University, Deputy Director of Science, Smolensk State Museum Reserve

R.V. Belyutin (Executive Editor)

Roman Vyacheslavovich Belyutin – Doctor of philology, Associate Professor, Head of the Department of the German Language, Smolensk State University

S.N. Andreev

Sergey Nikolayevich Andreev – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the Foreign Languages, Smolensk State University

S.Yu. Artemova

Svetlana Yurievna Artemova – Doctor of philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Theory of Literature, Tver State University

L.I. Ivonina

Lyudmila Ivanovna Ivonina – Doctor of history, Professor, Professor of the Department of World History and International Relations, Smolensk State University

D.Y. Komarov

Dmitry Yevgenyevich Komarov – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of the History of Cossack and Social and Humanitarian Sciences, Smolensk Regional Cossack Institute of Industrial Technologies and Business (branch) of K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management

A.V. Korolkova

Anzhelika Viktorovna Korolkova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

L.V. Pavlova

Larisa Viktorovna Pavlova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

O.Y. Pokhalenkov

Oleg Yevgenyevich Pokhalenkov – Doctor of philology, Associate Professor, Professor of the Department of Literature of the Institute of Philology and Mass Media, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski

A.M. Ranchin

Andrei Mikhailivich Ranchin – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Yu.L. Tsvetkov

Yuriy Leonidovich Tsvetkov – Doctor of philological sciences, professor at the department of foreign literature of the Institute for Humanities, Ivanovo State University

EDITORS OF SECTIONS

S.N. Andreev, L.V. Pavlova (Philology)

L.I. Ivonina, A.V. Tikhonova (History)

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Доводим до Вашего сведения, что с **1 сентября 2023 года** во всех почтовых отделениях России открыта подписка на журнал **«Известия Смоленского государственного университета»**.

Журнал включен в подписной каталог Почты России. Подписка осуществляется во всех отделениях почтовой связи и в онлайн-сервисе podpiska.pochta.ru.

Журнал выходит 4 раза в год. Годовая подписка состоит из 4 номеров.

Стоимость **полугодовой** подписки – 1144 руб. 44 коп.

Система доставки – **адресная**.

Индексы в Объединенном каталоге

Подписной индекс – **ПН182**

Адрес редакции и издателя:

214000, Смоленская область, Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Смоленский государственный университет

Тел.: (4812) 700231, факс: (4812) 383157

E-mail: izwestija@smolgu.ru

Научное издание

Известия
Смоленского государственного
университета

Выходит 4 раза в год
2024, № 1(65)

Издательство
Смоленского государственного университета
214000, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Редакторы *Е.А. Воропаева, И.В. Марусова, О.В. Папко*
Редактор англоязычных текстов *П.В. Силаев*
Технический редактор *И.В. Марусова*
Компьютерная верстка *А.П. Борисов*

Дата выхода 07. 06. 2024. Формат 70x100¹/₁₆.
Усл. п. л. 18,5. Тираж 300 экз.

Отпечатано: Типография ИП Суркова Н.Н.
Смоленская область, г. Смоленск, ул. Б. Советская, д.12/1

Цена свободная